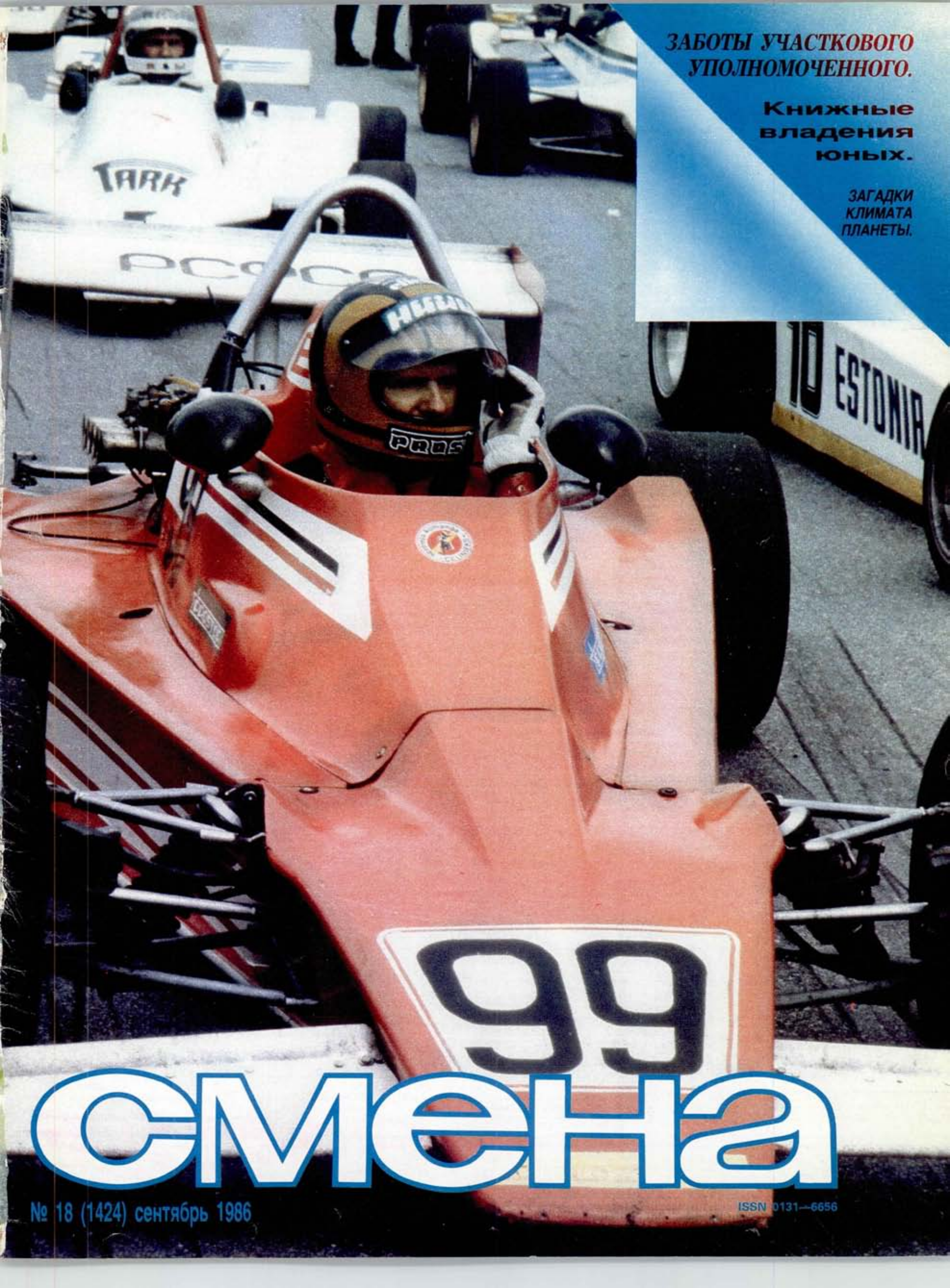

**ЗАБОТЫ УЧАСТКОВОГО
УПОЛНОМОЧЕННОГО.**

**Книжные
владения
юных.**

**ЗАГАДКИ
КЛИМАТА
ПЛАНЕТЫ.**

СМЕНА

№ 18 (1424) сентябрь 1986

ISSN 0131-6656

— И думаете, расскажет?
 — Рассказала, если б знала. Но, полагаю, ей он тоже не доложился. Ничего, отыщем.
 Его уверенность меня несколько удивила, и не так в отношении поднадзорного, как в отношении тети Тони.
 Еще недавно дом ее числился «злачным местом», где нередко собирались собутыльники, дружки-приятели рецидивиста... После того, как посетители таких мест «берут», оптом или в розницу, и рассортировывают соответственно статьям уголовного кодекса, в доме, как правило, наводится порядок. И здесь был как раз тот случай.

Виктор АНТОНОВ

Знаете ли вы своего участкового инспектора? Нет? Ну, тогда можно с уверенностью сказать, что соседи ваши не устраивают пьяных драк, не включают на полную мощность магнитофон после 23 часов, а квартирные кражи вы представляете только по детективам.

Особой героини, что просилась бы на журнальные полосы, в работе участкового инспектора не много: ходить по адресам, разговаривать с людьми... Точь-в-точь как у участкового врача: спешит по вызовам, давая советы, прописывая рецепты. И задача, в общем, та же: вернуть человека к здоровой жизни. Точный диагноз морального недуга, эффективные меры профилактики и «терапевтические средства» — от этих факторов как раз и зависит, сможет ли «пациент» обойтись без «хирургического вмешательства» суда...

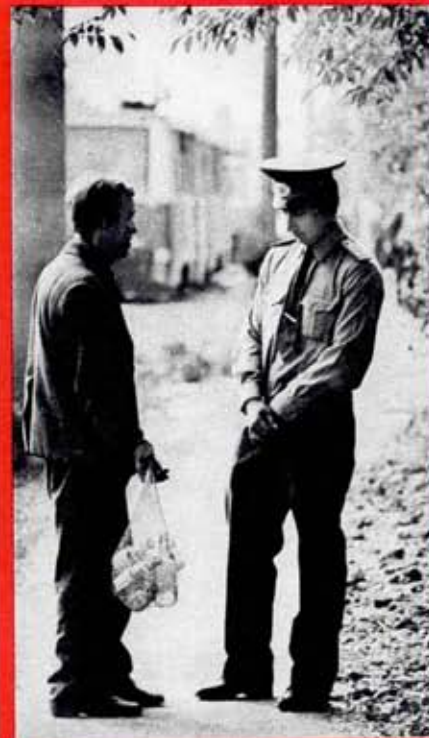
Административный участок инспектора Чаусова составляют в основном деревянные дома, каких в Воронеже немало (он и сам с матерью, женой и сыном пока живет в таком же), — так называемый частный сектор. Многие здесь знают его, и ему знакомы многие, особенно если они соседствуют с «поднадзорными лицами», а уж о них-то он просто обязан знать как можно больше. Неблагодарность работы участкового как раз в том, что ему всего чаще приходится наведываться именно к таким гражданам. Как сохранить тут «душу живу» и способность сочувствовать? В этом одна из психологических трудностей, о которой мы и не задумываемся. А вообще-то много ли мы задумываемся о чужих трудностях? О том, к примеру, как может воспринимать человечество дежурный по вырезвителью, если изо дня в день годами видит лишь изнанку жизни? Все понятно: кому-то же надо... Но ему каково? Как ему-то сберечь в себе высокое и чистое?

— Здорово, тетя Тоня! — окликнул Чаусов средних лет женщину, спешившую к райотделу милиции. — Какие трудности?

— А, плохо, Коля!.. — с ходу отозвалась та.

— Что так?

— А чего хорошего-то? Вот снова вызывают, не знаешь, зачем? — Она вдруг осеклась и, смерив меня недо-

УЧАСТКОВОГО ЗНАЮТ
 И СТАР. И МЛАД.
 БЕЗРАДОСТНАЯ ВСТРЕЧА.

СКОЛЬКО ОЧКОВ?

вольным взглядом, отвела Чаусова в сторону, о чем-то быстро заговорила вполголоса. И, видя, как он ее слушает, вспомнил я слова Василия Васильевича Арепьева, начальника Ленинского РОВД, об этом лейтенанте: «Не смотрите, что он такой, на вид вроде дробненький. Подход он к людям имеет, а это главное в нашем деле».

— Сожитель ее пропал, — подойдя ко мне, объяснил участковый, — поднадзорный мой, в прошлом особо опасный рецидивист. Сейчас мы его разыскиваем, а ее вызвали расспросить поподробней, где он может скрываться.

«ИТАК, ВСЕ
 ПО ПОРЯДКУ».

СЕГОДНЯ
 ДЕЖУРСТВО
 ПО РЫНКУ.

ВЫДОЛ

В одной из подобных квартир, вполне уже приведенной в жилой вид, жена поднадзорного продемонстрировала некое подобие светомузыки (понятное дело, люди молодые).

— Музыка — это все неплохо. — Лицо участкового стало строгим. — А где ж сам-то? Который раз не могу его застать.

— Володя в поликлинику пошел.

— Что с ним такое?

— Да с кожей что-то...

— А почему не работает до сих пор? Сколько уже, как освободился?

— Да месяца три будет. Но он оформляется...

— Долго оформляется: три месяца и десять дней сегодня.

— Так я же говорю, лечится он сейчас. Правда, правда, а то бы уже оформился.

— Трудностей нет с трудоустройством?

— Да нет, вроде берут его на старое место.

— А с соседями как сейчас, не обижаются на Владимир Пальча?

— Нет, нет, все в порядке, ведь он даже не пьет теперь...

— Ну хорошо. Пусть завтра зайдет ко мне. В 14.00 буду на пункте охраны порядка...

12-й общественный пункт охраны порядка — средоточие пяти участков, но пятеро участковых встречаются здесь редко: придут заполнить документы и снова — в обход по адресам: встречи с людьми, разбор жалоб. Так весь день, а вечерами — поочередно — в патруле с народной дружиной

Время обновления требует решительного искоренения спекуляции, взяточничества, воровства, хищений, пьянства. Вступивший в действие Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об усилении борьбы с извлечением нетрудовых доходов» особо подчеркивает роль сотрудников внутренних дел в этой нелегкой борьбе. Среди тех, кто делает жизнь нашего общества чище, участковый уполномоченный, лейтенант милиции Николай Чаусов...

АДЯ ТА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 18 (1424) СЕНТЯБРЬ 1986

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наша обложка:
автогонки —
спорт XX века.

Фото
Евгения
СТЕЦКО.

- 1** Виктор АНТОНОВ. «ВИДНАЯ РАБОТА».
- 4** ЛАУРЕАТЫ ПРЕМИИ ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА.
Ксения АВДЕЕВА. «И ЮНОСТЬ ПРОСВЕЩАЯ».
- 7** Стихи Равиля ФАЙЗУЛЛИНА.
- 8** Рассказ Виктора ПОТАНИНА
«ГОЛУБАЯ ЖЕМЧУЖИНА».
- 12** РАССКАЗЫ О СОВРЕМЕННОЙ АРМИИ.
Константин ДАНОВ. «ШКОЛА ВЕРНЫХ».
- 14** ЧТО ВОЛНУЕТ МОЛОДЫХ.
Михаил ПЕЧЕРСКИЙ. «НЕУВАЖАЕМЫЙ ШКАФ».
- 16** ОТЕЧЕСТВО.
Ирина СТИН, Анатолий ФИРСОВ.
«ОДНОЙ УЛЫБКИ РАДИ».
- 18** Стихи Роберта ФРОСТА.
- 20** Клуб «МУЗЫКА С ТОБОЙ».
Елена ТКАЧ. «ЧАРОДЕИ РИТМА».
- 22** НРАВСТВЕННАЯ НОРМА.
Борис БАЛКАРЕЙ. «РАДЕТЕЛИ».
- 24** НАУКА — ТЕХНИКА — ПРОГРЕСС.
«ЧТО ПРОИСХОДИТ С КЛИМАТОМ?»
- 26** АВТОБИОГРАФИИ.
Армен ДЖИГАРХАНЫАН.
«ОЖИДАНИЯ НА РАСКАЛЕННОЙ КРЫШЕ».
- 29** Повесть Бориса ВАСИЛЬЕВА
«РОЗЫСК ПРОДОЛЖАТЬ».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ.

Редколлегия: В. И. ВИНУКОВ, Б. Л. ДАНИУШЕВСКИЙ (ответственный секретарь), В. И. ДЕСЯТЕРИК, М. Г. КИЗИЛОВ (заместитель главного редактора), А. П. КУЛЕШОВ, И. Н. ОРДЖОНИКИДЗЕ, Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, В. П. СЕРИКОВ, И. А. СЕРКОВ (заместитель главного редактора), Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник), О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник В. Р. Павлов. Технический редактор А. В. Гусева.

© Издательство «Правда». «Смена». 1986 г.

или в общегородских рейдах. А может быть, они не сидят тут, пока ремонт? Но нет, на соседнем общественном пункте охраны порядка помещение на зависть: новое, светлое, у каждого инспектора свой кабинет, а и там особо не засиживаются. Некогда. Даже санитарное состояние улиц — на участковом. На своем участке он действительно отвечает за все.

Словно в подтверждение тезиса о многообразии исполняемых обязанностей показал Николай одинокие футбольные ворота на глубине тупика:

— Вот, уже хотели их снести. Пришлось-таки повоевать с жзу. Ну, ничего, отстояли.— Он улыбнулся, на мгновение расслабившись, и даже походка его стала, как мне показалось, беспечней.— Конечно, это не решает проблемы, но все же. А то ребятам и играть-то негде...— Посмотрев на часы, Чаусов прибавил шагу — до конца ежегодного марафона было еще далеко.

В «бегунке», то есть списке лиц, которых предстояло посетить, значились двое молодых мужчин, последние месяцы нигде не работавших. Один ранее привлекался к ответственности за уклонение от уплаты алиментов, другой — судим за злостное хулиганство. Но на первого поступило заявление от матери и братьев, что немоту с ним жить под одной крышей, а о втором мать отзывается положительно: «Я на бюллетене сейчас, руку вот обварила, так Саша мне помогает по хозяйству». И пойми тут, кто есть кто.

Как не просто порой отличить законченного преступника от случайно оступившегося! С тунеядцами еще сложнее: поди разберись, то ли его в самом деле не берут на работу из-за прошлой судимости, то ли сам он отлынивает от работы, ссылаясь на то, что не берут (и даже хранит справку с мотивированным отказом)?

Вот и ходит участковый, обивая пороги отделов кадров, прося трудоустроить своих подопечных. А отделы кадров боятся брать на себя ответственность. И их можно понять. Всех абсолютно можно понять. И лейтенант дозванивается до директора, назначает встречу...

— Этого-то?! Да вы что?! Зачем он нам? Если б я его не знал — другое дело. А он ведь у нас работал. Что ни день — пьяный. Такому и Указ — не указ. Прими его, а через два дня увольняй? Зачем мне такой хомут на себя вешать?

— Но и на мне тот же хомут — вот и будем в одной упряжке, — пробует урезонить инспектор. — И если мы вместе возьмемся, глядишь, и выпатчим еще одного из болота на твердую почву...

— Ох, нелегкая это работа...
— Но кому-то же надо попытаться. Если все откажутся, отвернутся — окончательно потонет человек.

— А можно ли заставить работать того, кто не привык и не хочет? Воспитывать тридцатилетних недоделок — это же нонсенс. У нас производство, а не детсад.

— Но вы же не пробовали. А вдруг?
— Да я и так знаю, сколько уж таких было...

Слушая их спор, я понимал, что обе стороны по-своему правы. И сочувствовал трудностям лейтенанта. Но недолго я оставался между двух правд.

На следующий день мы опять были в многоэтажном доме, где давно уже не работал лифт. Тогда и подумалось: ну к чему эти бесконечные хождения по адресам мифических героев? Я тут всего второй раз — и то без особой охоты топаю на седьмой этаж, а участковому каково? Он-то ходит сюда много чаще. Опрос соседей по лестничной клетке и этажом ниже лишний раз подтвердил, что искомый гражданин по месту жительства появляется редко, ведет себя

тихо, потом опять исчезает. Ни с кем толком не общается, потому, где он пропадает месяцами, ничего сказать не могут. А инспектор все-таки обязан встретиться с этим бродягой, чтобы официально предупредить его об уголовной ответственности за тунеядство. Не слишком ли сложно? Ведь неуловимый тот гражданин знает все это наизусть — не впервой — и права свои знает и — спокоен. Потому как по закону имеет право не работать до четырех месяцев...

И это еще не предел, как говорили мне в один голос воронежские инспектора (чувствуется: больная тема). Тунеядец, оказывается, может и дальше вести такой образ жизни, если имеет денежный вклад в сберкассе. Иные годами не работают, и ничего с ними не сделаешь. Причем как те деньги попали на лицевой счет, насколько они честно заработаны и откуда вообще накопления у человека, который вечно только тратил? Все это остается «тайной вклада». А бывает, что пользуются уловкой: берут в долг крупную сумму, кладут на сберкнижку, затем деньги снимают, а уведомление остается, что такой-то вклад действительно имел место быть...

Аморально и противозаконно жить на иждивении престарелых родителей. Но почему же тогда жить за счет общества — не создавая благ, только потребляя — подсудно лишь при отсутствии денежных сбережений? А коли довелось получить наследство, то можно, выходит, годок-другой и отдохнуть от всякой там службы, а бродягой и тунеядцем пусть считается тот, у кого ни гроша за душой. В этом, конечно, есть своя логика. Только не ясно, как же называть эту категорию иждивенцев — рантье, нешто?

Но самое любопытное, что никаких уточнений к статье 209 УК РСФСР, поясняющих такое право тунеядцев, просто нет. Нет ни в своде законов, ни в толстом томе комментариев к Кодексу. Зато они существуют в судебной практике. Прокуратура отказывается в возбуждении дела против бездельников, имеющих денежные вклады. И это после всех-то мытарств участкового: бесконечных хождений, опроса соседей, справок из жилищно-управлений и отделов кадров...

На что-то же ссылаются, когда «заворачивают» дело? Среди признаков паразитического образа жизни в комментариях названы «попрошайничество, гадание и прочие способы извлечения нетрудовых доходов». И нужно понимать так, что положенные на книжку деньги — непременно трудовые доходы (и, стало быть, не подпадают под статью уголовного кодекса). Главное, выходит, иметь минимальный прожиточный минимум, а будут ли эти деньги самим человеком заработанными или же отчислениями состоятельных родителей — для прокуратуры не существенно.

Подобные разбирательства в практике инспектора Чаусова пока редки: тунеядцы на участке все больше «безлошадные», но ведь и практике его инспекторской всего два года. И не нарастил пока участковый защитной толстокожести, так необходимой, когда смеются в лицо, чувствуя свою неуязвимость: «Нет, лейтенант, по 209-й ничего не выйдет — годика через два приходи. Есть у меня деньги, есть! Вот, смотри, могу и тебе еще дать взаймы...»

— Всякую несправедливость воспринимает уж очень болезненно, два дня потом ходит сам не свой. — Старший участковый инспектор Владимир Михайлович Середов будто извиняется за чрезмерную впечатлительность своего подчиненного. — Вот вам случай в прошлом году. Он с двумя дружинниками был в патруле. Видит, на автобусной остановке группа ребят, лет по 16—17, нетрезвые, черес-

Выступление и наказание

чур шумно общаются, с «матерком» даже. Рядом женщины... Ну, Чаусов сделал ребятам замечание. Так они, нет чтобы уgomониться, еще сильнее, да на него с кулаками. Он одного-то поймал, руку ему за спину — как по инструкции — и повел в отделение. Остальные — врассыпную. А дружинники — это ж слезы! — так и не вмешались. И что же вы думаете? Одна бабуся, там на остановке, как заголосит: «Милиция, называется! Сами хуже бандитов! Изверги!» И по-всякому... Коля растерялся, стал объяснять: мол, товарищи, вы же сами видели, как парни себя вели, как на меня набросились... Ну, а хулиган видит, такое дело, вывернулся и — деру. Правда, догнал его Николай в каком-то дворе, привел в отделение. Но долго потом, помню, не мог успокоиться: «Почему же они так, вместо того чтобы помочь?» И помощники у нас разные бывают: студенческие ДНД неплохо работают, а так на дружину надежда слабовата...

А о Чаусове что еще могу сказать? В общем, он самый обыкновенный. Но, — командир задумался, — побольше бы таких, право, работать было бы куда легче. Надежный парень.

Думаю, капитан Середов в оценку «надежный» вкладывал больше, чем обычную исполнительность. Были у него случаи проверить Чаусова в оперативной работе. Приходится порой и участковым в ожидании опергруппы принимать свои меры к задержанию вооруженных преступников. Так что не обделен наш инспектор и работой по ведомству собственно уголовного розыска. Но главным остается, конечно, та самая каждодневная, кропотливая и невидная работа. И как ни быстро ходит инспектор по участку, все равно что-то да приходится переносить на завтра.

— Жаль, дня не хватает, — улыбается Николай, — и неделя коротковата.

И хоть улыбается устало, но огорчен этим обстоятельством, похоже, всерьез. Тем не менее всякий раз, оказавшись возле девятиэтажки по улице Матросова, не может не зайти в квартиру, живет в которой рукодельник-самоучка, резчик по дереву. Все — от дверных косяков и инкрустации на мебели до скульптур из корней — все радует глаз. Правда, есть и другой, грустный повод для визитов: сын мастера имеет привод за угон велосипеда, и справиться нужно, как он ведет себя.

Ну, а где же героика будней, опасности — вечные спутники милиционеров? С этим все в порядке, этого хватает, да о них не говорят много.

Александр Игнатович, инспектор угрозыска того же Ленинского отдела милиции, дважды раненный угонщиками автомобилей, вспоминал об этом буднично и просто. Его коллега Михаил Никулин рассказывал о своем брате Николае, которому выстрелом из дробовика изуродовало лицо. Несмотря на многолетние усилия врачей, он потерял зрение. Однако закончил юридический факультет и работает сейчас адвокатом, то есть, по сути дела, ищет в действиях правонарушителей смягчающие вину обстоятельства... И не знаешь, в чем большая доблесть: броситься на вооруженного бандита или выстоять, не сломаться под тяжестью недуга?

«Геройство — оно в добросовестном исполнении долга, — уверяет подполковник Арепьев. — А подвиги, о которых мы после читаем, — просто продолжение ежедневной работы».

Выходя из столовой, заметил Чаусов седого старичка:

— Здравствуй, Семен Иванович! Ну, какие у нас трудности?

— А я к вам, Николай Сергеевич. Сосед сверху, понимаете, опять всемирный потоп устроил. И за ремонт платить не желает...

— Ладно, давайте заявление. Завтра вечером зайду. Только и сосед чтобы был. Разберемся...

После публикации статьи «Выступление и наказание» («Смена» № 10) мы получили много писем. Читатели поддерживали позицию журнала, возмущались вопиющим нарушением моральных норм нашей жизни. В то же время в некоторых письмах проскальзывало сомнение: ну, хорошо, журнал выступил в защиту рабочих, доказал их правоту, а изменится ли что-нибудь после этого? Или, как еще бывает, руководящие товарищи защитят «честь мундира», отмахнутся от общественного мнения?

Напомним коротко, о чем рассказывалось в статье.

На протяжении нескольких лет длился конфликт в железнодорожном цехе Донецкого металлургического завода имени Ленина. Руководитель комплексной бригады диспетчер Е. К. Калашникова не считалась с мнением коллектива, нередко унижала достоинство рабочих. Не раз члены бригады требовали замены негодного руководителя, но администрация цеха отвергала это законное требование коллектива на том только основании, что производственный план выполняется, а все остальное не имеет значения. Люди уходили из бригады, не выдерживая нездоровой моральной атмосферы. И тогда молодые рабочие написали письмо в «Смену». На место выехал наш корреспондент...

Мы получили официальный ответ, подписанный министром черной металлургии УССР Д. ГАЛКИНЫМ. Факты, приведенные в статье, полностью подтвердились. «В настоящее время, — сообщает министр, — т. Калашникова освобождена от должности диспетчера и бригадира второй смены

станции «Новозаводская». Она переведена на работу, не связанную с руководством людьми, — дежурной по станции «Электрозаводская». Конфликт таким образом исчерпан».

Мы с удовлетворением отмечаем, что министерство не ограничилось проверкой только конкретного случая, а внимательно занялось общим состоянием дел на предприятии.

«Анализируя ситуацию, сложившуюся на станции «Новозаводская», — пишет далее Д. Галкин, — министерство вскрыло причины, ее породившие. Суть их состоит в том, что администрация цеха не перестроила работу, как того требует жизнь в свете Закона о трудовых коллективах.

Вскрыты существенные недостатки в формах и методах руководства низовыми звеньями производства, в действующей на этом предприятии системе воспитательной работы с кадрами на уровне от мастера до начальника цеха и директора предприятия.

Директору завода В. П. Следневу предложено в месячный срок совместно с общественными организациями проверить состояние воспитательной работы во всех бригадах, обратив особое внимание на психологическую обстановку, выполнение требований Закона о трудовых коллективах. Предложено еженедельно заслушивать по этим вопросам мастеров и начальников цехов. Предложено также в месячный срок пересмотреть список резерва на замещение должностей бригадиров, организовать постоянную учебу состоящих в резерве, чтобы уже на этой стадии безошибочно определять умение каждого резервиста руководить не только производством, но и людьми.

Намечено также организовать в этом году выборочную проверку работы советов бригад и бригадиров на предприятиях отрасли».

Словом, как видите, опасения некоторых наших читателей не подтвердились: критика возымела действие.

Принципиальную оценку случившемуся дал и Донецкий областной комитет Компартии Украины. «Статья «Выступление и наказание», — говорится в письме секретаря обкома В. КУЧЕРЕНКО, — обсуждена на совете бригадиров железнодорожного цеха и в парткоме завода. Критика признана правильной». Бывший бригадир и диспетчер не только переведен на нижеоплачиваемую работу дежурной по станции — рекомендовано и в будущем не доверять ей руководство коллективами. Строго указано начальнику цеха Л. Н. Погорелову и секретарю парткома цеха В. В. Милотину за непринятие своевременных мер, элементы администрирования, проявленные при решении заявленных рабочих. В Донецком горкоме КПУ проведена беседа с заместителем секретаря парткома завода И. З. Шаповалом и директором завода В. П. Следневым. Обращено внимание на недостатки в работе с кадрами среднего звена, предложено принять меры по оздоровлению морально-психологического климата в коллективе железнодорожного цеха. Такие меры, как видно из ответа министра черной металлургии республики, уже принимаются.

Отдел рабочей молодежи и научно-технического прогресса

Читатель — «Смена» — читатель

НЕОПРАВДАННАЯ ЩЕДРОСТЬ

Прочитала в журнале повесть Н. Леонова «Обречен на победу». Во многом согласна с тем, что пишет автор о ДНД. Какая это правда! Вот сейчас печатаю приказ на отпуск, и действительно, почти все женщины — пожилые, матери семейства — получают по 6—9 дополнительных к отпуску дней за членство в добровольной народной дружине.

Теперь представьте наш поселок. Белые ночи, спиртное по талонам (к большой нашей радости), работает один ресторан (там не очень-то и напьешься), один магазин. Вечером тишина — ни машин, ни автобусов, ни поездов, редкие прохожие, и то это люди, возвращающиеся в основном с вечерних смен или занятых физкультурой в спорткомплексе. И вдруг видишь, идет компания по центру пустынной центральной улицы, 8—10 человек пожилых женщин, 2—3 мужчин. Это члены ДНД. По справедливости это они должны оплачивать государству, что зоть дежурство в ДНД заставило их пройтись, подышать свежим воздухом, оторваться от «ячика». Правда, зимой они попросту сидят в помещении поста, смотрят телевизор, холодно, видите ли...

Вот такое идет разбазаривание государственных денег.

Я не знаю, как обстоит дело с ДНД в больших городах, но в северных поселках, подобных нашему, надо все-таки подходить к этому делу с дружными мерками, по крайней мере не раздувать число дружинников и как-то учитывать деятельность членов ДНД. А то ведь на счет большинства из них нет ни одного задержания или зотья бы сигнала о нарушении порядка, но они все равно считаются активными дружинниками. Не забывайте, на Севере за все, в том числе и за дежурство в ДНД, государство платит втрое больше. Оправдана ли такая щедрость?

Я не против дружины в принципе. Но надо соразмерять государственные затраты на оплату дополнительных отпусков с истинной пользой, которую приносят члены ДНД. Ведь, что греха таить, очень многие рассматривают свое участие в работе ДНД лишь как способ отхватить несколько дополнительных дней к отпуску на вполне законном основании. Нельзя забывать и о том, что отсутствие людей на производстве — это недоданная стране продукция.

Э. КРАЕВСКАЯ,
пос. Эгвекино
Магаданской обл.

По старым адресам «Смены»

ВЕРНОСТЬ ДОБРУ

Сообщаю читателям, что герой очерков «Добром живет человек» и «Тумаки за доброту» («Смена» № 8 и 24 за 1985 г.) Асхат Галимзянов по-прежнему продолжает свою благородную деятельность. Недавно он перечислил 10 тысяч рублей, вырученных им от продажи выращенного скота, в фонд помощи пострадавшим от аварии на Чернобыльской АЭС. А еще раньше Галимзяновым перечислено 5 тысяч рублей на сооружение многофигурного памятника, который предполагается установить на территории Казанского дома ребенка № 1.

К сожалению, такие поступки Асхата не всегда и не у всех находят понимание и поддержку. Один из чиновных деятелей прямо так и заявил мне: «Если бы ваш герой перечислил сто или, на худой конец, триста рублей, это было бы понятно. Но десять тысяч — вещь необъяснимая. Мы не можем поддерживать такое, люди нас не поймут».

Несмотря на эти «недоумения», Асхат Галимзянов последовательно верен своей идее — помогать всем, кто нуждается в его сочувствии. Он горячо благодарит читателей «Смены» за моральную поддержку.

Как и прежде, ему во всем помогают его дети и братья.

Диас ВАЛЕЕВ,
Казань

Лауреаты премии Ленинского комсомола

И ЮНОСТЬ

Б

ываете ли вы в библиотеке? — задавала я вопрос своим собеседникам — молодым рабочим и студентам.

- Бываю.
- Иногда захожу.
- Да у нас дома книг навалом.
- Не знаю даже, где наша районная находится.

Замечено: молодой читатель посещает библиотеку по месту жительства от случая к случаю. И в них не задерживается, сводя взаимоотношения лишь к функции взять-вернуть книгу. (Что, впрочем, не исключает интереса к книге как таковой, поиски «самых-самых», частный книгообмен.) Днем в библиотеке микрорайона — пустыня, а вечером и в воскресные дни не протолкнуться, и о том, чтобы посоветоваться с библиотекарем, на какой же книге остановить выбор, смешно и думать. Очередь, как в магазине, тут же приведет к порядку...

Разумеется, малые размеры помещения — проблема. Но не только в площади дело. Автору довелось видеть на БАМе в «бочке» импровизированную библиотеку-клуб, в которой читали стихи, пели, играли в шашки. Нет, самое главное — атмосфера высокой духовности, характерная для настоящей библиотеки, она, именно она сплачивает сотрудников и читателей.

Мне повезло, я знаю такую библиотеку, где всегда народ, и споры, и разговоры, и... мысли. Где читают, слушают музыку, смотрят слайды и фильмы, занимаются в многочисленных клубах по интересам, изучают иностранные языки, консультируются с психологом о выборе будущей профессии. Где создают пластинки и книги. Встречаются с замеча-

тельными людьми. Где даже проводятся дискотеки. В воскресные дни здесь тесновато, но завсегдатаи на это не сгуют.

Двадцать лет назад, когда рождалась первая в нашей стране республиканская юношеская библиотека, носящая теперь имя 50-летия ВЛКСМ, было немало споров, чем же ей от других библиотек отличаться, да и нужна ли она вообще.

На спорные вопросы ответила сама библиотека. Юношеская библиотека, не имеющая аналогов ни в одной стране мира. Уникальность ее прежде всего в принципиально новой структуре: здесь есть отделы, которые еще недавно вписывались разве что в штатное расписание научно-исследовательского института. Какой новинкой в библиотечной практике был, например, отдел социологии и психологии чтения юношества. Или отдел профессиональной ориентации со штатным психологом (он, кстати, в ближайшем будущем перерастет в районный центр профориентации), отдел искусств, технического творчества молодежи, экологии... И все это в обычной библиотеке, которая благодаря этим новшествам стала неким эталоном, примером для подражания.

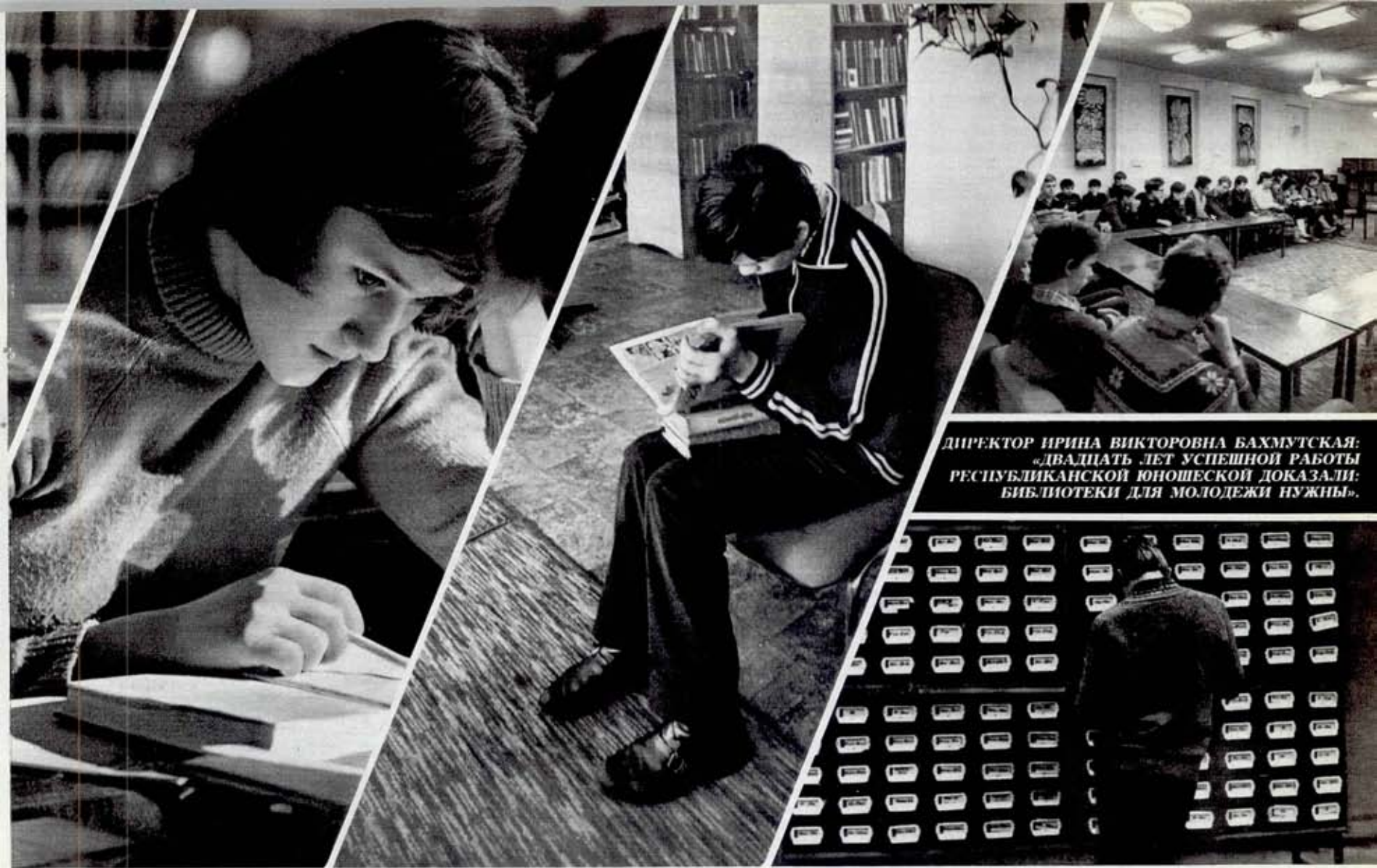
Наверное, одно из счастливых обстоятельств, сопровождающих каждое большое, а, следовательно, и невероятно трудное дело, заключается в том, что Дело непременно объединяет вокруг себя подвижников. Людей, обладающих удивительным зарядом жизненной энергии и целеустремленности, защищенных лучше любой брони своим альтруизмом, убежденностью и нежеланием иных благ, кроме блага Дела, людей, которые проходят долгий путь борьбы с не верящими в необходимость их

Дела и побеждают рано или поздно, потому что подлинного подвижника победить невозможно. Он неподкупен, лишен ложного честолюбия и амбиций и не участвует в гонке за мнимыми ценностями. Прибавим к перечисленному редкостное терпение, выдержку, умение уважать людей, даже если их взгляды не совпадают с твоими собственными, — все эти качества присущи в полной мере директору библиотеки Ирине Викторовне Бахмутской. Имя это неразрывно связано с созданием и жизнью библиотеки...

Встреча с подвижником всегда удача. Знаю, как непросто работать бок о бок с такими людьми, как трудно им «соответствовать», дораста до них. Порой мы и не задумываемся, какое везение выпало на нашу долю.

«Просветитель». Достойное, незаслуженно забытое слово. Именно оно и пришло в голову при первой встрече с Ириной Викторовной. Как всякая настоящая «книжница», живущая книгой и среди книг, Ирина Викторовна отличается завидной эрудицией не только в том, что касается библиотечных проблем. Но, как пришлось мне убедиться, по-настоящему увлечено и серьезно говорит она только о Библиотеке, ее заботах, проблемах и трудностях, перспективах и целях. А главная цель очень конкретна: воспитание той самой гармоничной личности, о которой так много говорят и которая так редко встречается в жизни.

— В тесной связи со своими читателями — а среди них молодежь самых разных профессий — мы видим свою задачу. Нельзя воспитывать молодого человека, не зная его пристрастий, склонностей, — считает Ирина Викторовна. — В идеале надо

ДИРЕКТОР ПРИНА ВИКТОРОВНА БАХМУТСКАЯ:
«ДВАДЦАТЬ ЛЕТ УСПЕШНОЙ РАБОТЫ
РЕСПУБЛИКАНСКОЙ ЮНОШЕСКОЙ ДОКАЗАЛИ:
БИБЛИОТЕКИ ДЛЯ МОЛОДЕЖИ НУЖНЫ».

Ксения АВДЕЕВА

ПРОСВЕЩАЯ

не просто знать интересы читателя, но и прогнозировать их. Вот, например, сама жизнь подсказала нам актуальность создания отделов экологии, профориентации, технического творчества. Ежегодно совместно с ЦК ВЛКСМ мы проводим анкетирование десяти тысяч молодых читателей для того, чтобы выяснить, какой представляют они современную библиотеку и что от нее хотят. Выясняется, что большинство хотело бы изучать с помощью библиотеки и в стенах ее иностранные языки, активнее пользоваться кинофотофономатериалами, получать квалифицированные консультации библиотекарей по самым разным жизненным вопросам. И, конечно же, общаться.

«Скажи мне, что ты читаешь, и я скажу тебе, кто ты», — наверное, можно так перефразировать сегодня старую поговорку. Когда у замечательного советского писателя, редкостного книголюбца И. Вабеля спросили, сколько книг надо прочесть за всю жизнь, он ответил: «Не более ста пятидесяти». «Каких именно?» «О, для того, чтобы это понятие, надо предварительно прочесть пять тысяч».

Думается, писатель был не так уж далек от истины.

Что читать, в каком количестве? Соответствует ли круг юношеского чтения нравственным, духовным требованиям дня? И какой он — сегодняшний молодой читатель?

Ответить на эти вопросы помогают не только наблюдения сотрудников библиотеки, беседы с подростками, но и исследования, проводимые отделом социологии и психологии юношеского чтения, возглавляемым кандидатом философских наук Зоей

Алексеевной Янковой. Для того чтобы лучше узнать своих читателей, сотрудники отдела выезжают в командировки, встречаются с молодежью в многочисленных филиалах республиканской библиотеки.

— Мы давно уже не говорим о чтении вообще, ибо его как такового просто не существует, — рассказывает социолог Маргарита Михайловна Самохина. — Есть чтение «деловое» и «свободное». Или, если упростить понятия, то одно — «для дела» — подготовка к занятиям, экзаменам, а другое — «для души». Существует еще так называемое «маргинальное» чтение, находящееся на грани приятного с полезным. Проведенное нами исследование помогло выяснить запросы юного читателя, соотношение делового и свободного, библиотечного и внебиблиотечного чтения, а также читательские авторитеты.

Формирование читательского вкуса происходит, как правило, стихийно и не под воздействием специалистов, а случайных и сомнительных авторитетов, чаще всего подружек и приятелей, передающих из рук в руки «модное» чтение, зачастую просто книжку-однодневку.

Однажды группе наших сотрудников, — продолжает Маргарита Михайловна, — довелось побывать в текстильном профтехучилище города Камышина. Там по комнатам общежития, где жили в основном девушки из близлежащих сел, «ходил» роман волжского писателя Б. Ярочкина «Незаконный». Главная героиня этой книги, кстати, библиотекарь. Сделав значительное усилие над собой, я прочла эту сентиментальную, безвкусную, изложенную вполне в духе бульварных романов историю любви бедной

брошенной девушки, рождения ею незаконного (!) — слово-то какое — ребенка. Разумеется, автор не избежал сладкого «хеппи-энда», в котором у героини появляются, несмотря на ее «падение», сразу два жениха.

А девушки «Незаконным» зачитывались, даже плакали над ним. И некому было объяснить им, что книга эта довольно дурного тона. В беседах мы узнали, что роман Ярочкина попал в общежитие случайно и увлеклись им за неимением лучшего — библиотека ПТУ была закрыта. Девочки рассказали, что мечтают прочитать «Анну Каренину». Но где взять эту книгу? В массовую библиотеку их не записывают — это вообще бич всех, кто приезжает на учебу и работу из других городов и живет без прописки, — они могут пользоваться только своими ведомственными библиотеками.

В результате обследования социологами отдела было опрошено более тысячи трехсот подростков в разных городах России — школьников, учащихся техникумов и ПТУ. Важно было выяснить, что представляют собой реальные читательские интересы.

Ребятам задавали вопрос: «Представьте себе, что вам надо подготовить доклад или сочинение. К кому обратитесь вы за помощью в подборе литературы? К учителю, библиотекарю, родителям или предпочтете действовать самостоятельно?» Большинство высказалось в пользу библиотекарей. На втором месте у ребят авторитет преподавателя. И только на третьем, и то среди школьников, — родители.

Действительно, когда речь заходит о деловом или маргинальном чтении, молодежь предпочитает об-

ращаться за советом к библиотекарю. Анкеты показали, что к его рекомендациям прислушивался каждый четвертый читатель. А вот что касается анализа «чтения одного дня», чтения свободного, незапрограммированного и, как правило, никем не направляемого, то здесь рекомендуемая библиотекарем литература составляла менее десяти процентов того, что читали в этот день опрошенные.

По данным статистики, молодой человек тратит на чтение в среднем два с половиной часа свободного времени в день. Но уходит оно в основном на деловое чтение. Грустно, что к этой категории многие молодые относят и всю русскую классику. Видимо, отношение к классическому наследию изрядно подпорчено в школе.

И сегодняшний реальный читатель предпочитает читать, лежа дома, на диване, Жапризо или Дюма, а не склоняться в читальном зале массовой библиотеки над Тургеневым и «Страданиями юного Вертера». Нравится нам это или нет, а Дюма и Конан Дойл по-прежнему остаются для юношества самым популярным чтивом. В кругу чтения молодежи различно и соотношение реального и желаемого. Десятки подростков хотели бы прочитать, например, «Мастера и Маргариту» Булгакова, но где ее взять, не представляют. Дефицитные книги становятся мечтой, за ними «гоняются», переплачивают книжным маклерам. Содержание их передается «из уст в уста» иногда просто в катастрофически искаженном виде. За последнее десятилетие увеличился интерес к зарубежной литературе, чему немало содействовали многосерийные телефильмы. С удовольствием читают Мопассана, Золя, Бальзака, тем более что их произведения почти всегда можно найти на библиотечных полках. Ну, а книги «редкостные» — Цветаева и Мандельштам, шведский детектив и Азимов — добываются в основном посредством внебиблиотечного частного обмена. Несмотря на высокий потенциальный авторитет библиотекаря, сегодня он влияет на выбор подростком книг весьма незначительно. И вряд ли многие библиотекари могут похвастаться тем, что с их легкой руки семнадцатилетний паренек стал зачитываться Аксаковым или Григоровичем.

Кстати, о дефиците. Заведующая отделом профориентации юношеской библиотеки кандидат педагогических наук Тамара Петровна Соловьева рассказывала, как довелось ей познакомиться с типичными трудными подростками. Книг эти ребята особенно не читали, учились кое-как, ни в одной из библиотек никогда записаны не были.

— Что мы там не видели? Пушкин у нас у самих дома есть, а за Дрюоном или Струацкими надо полгода в очереди стоять!

— Ничего подобного! — возразила Тамара Петровна. — Даю вам честное слово, если вы сейчас пойдете со мной и запишетесь в нашу библиотеку, то получите там любую книгу. Именно любую. Какую захотите.

«Трудные» пошли с недоверием, получили книги, о которых давно мечтали или были наслышаны от друзей, прочитали, пришли за новыми и стали постоянными читателями. И пусть не заподозрят меня в прекраснотуши («Неужели сразу исправилась?!») — воздействие настоящей книги на молодой ум ошеломляюще велико. Метаморфоза, производимая высокой литературой в душевном строе подростка, может сравниться, пожалуй, только с озарением любви.

Одно из безусловных достоинств юношеской библиотеки в том, что она не просто четко выдает книги или развлекает своего читателя с помощью клубов по интересам, диспутов, встреч с интересными людьми, но и формирует эстетический и нравственный вкус, влияет на его мировоззрение. Здесь не только дают исчерпывающую информацию о выпускаемой в стране да и во всем мире литературе. Здесь по-новому открывают для подростка то прекрасное и подлинное, мимо которого невозвратно можно пройти в жизни.

Организованная библиотекой выставка «Воспитание души» открыла юным читателям нравственные искания молодежи в произведениях русских писателей XIX века. Показала им, может быть, впервые замечательных русских мастеров не традиционно хрестоматийными, а страстными, ищущими, живущими тревогами и чаяниями своей непростой эпохи.

Бесспорно, библиотека может еще полнее осуществлять свои досуговые функции. Можно еще чаще приглашать в гости популярных писателей и актеров, расширить дискотеку, выдавать еще больше слайдов, нот, диапозитивов, пластинок, создать видеотеку (это, кстати, входит в планы на будущее), но разве сможет что-нибудь заменить радость общения с настоящей книгой?

Одна из важнейших граней в работе республи-

канской юношеской — постоянная помощь своим филиалам, многолетнее шефство над библиотеками ударных комсомольскихстроек, учебных заведений, совхозов, детских домов — фонды их комплекуются лучшими книгами. Оторванный волею обстоятельств от «большой культуры», порой не имеющий достаточного опыта, провинциальный библиотекарь имеет в лице Библиотеки наставника, у которого всегда можно попросить помощи и совета. И получить их (вместе с новыми книгами), как говорится, из первых рук. Ведь сотрудники библиотеки легки на подъем, много ездят, знают состояние библиотечного дела отнюдь не понаслышке, не по справкам и отчетам. Библиотека уже давно стала признанным авторитетом как крупный научно-методический центр.

— Конечно, формировать круг чтения юношества должен прежде всего библиотекарь. А для этого ему самому надо быть настоящим «книжником», высокообразованным человеком. Он должен уметь общаться, находить психологический контакт со своими читателями, — считает Ирина Викторовна. — Нет этого, и возникают ножницы между возросшим интеллектуальным уровнем читателя и невысоким уровнем библиотекаря. Осуществляемая нами совместно с многими министерствами, ведомствами и ЦК ВЛКСМ программа «Книга, библиотека и комплексное воспитание молодежи» не только объединит усилия в издании, пропаганде и распространении книг, определит главные направления идейно-воспитательной работы с молодежью, но и поможет решить проблему подготовки кадров молодых библиотекарей, способных направлять процесс молодежного чтения.

Многие сотрудники библиотеки пришли сюда девочками, здесь росли, учились, окончили институт, стали асами в своем деле. Прошу Ирину Викторовну назвать фамилии лучших. Она улыбается: «У нас все лучшие...» «Ну, тогда лучших из лучших!» И их набирается предостаточно: начальник отдела кадров Лидия Павловна Жилыева, заведующая читальным залом Ольга Адольфовна Вочкова, заведующая абонементом Ольга Глебовна Карпова, заведующая справочно-библиографическим отделом Валентина Гавриловна Краснова, заведующая научно-методическим отделом Александра Валентиновна Полякова... Много добрых слов можно сказать о каждой из них. Они единомышленники, хорошая, умная, сыгранная «команда». В этой «сыгранности» одна из причин того, что так много удалось им сделать. Предстоит же еще больше.

Совместно с исполкомом Моссовета планируется работа клуба молодой семьи «Общение». Мечтают в библиотеке открыть камерные литературную и музыкальную гостиные. Надо расширить дискотеку, создавать видеотеку, оформлять зал для диспутов, встреч, дискуссий, приема в комсомол, проводов в армию.

Уже в этом году читатели будут иметь возможность получать не только кинофотофонодокументы (их, кстати, можно брать и домой), но и микрокалькуляторы, компьютерную технику.

А ведь было время, когда смеялись над идеей сотрудников юношеской иметь в фондах пластинки и слайды... Но тогда они были первыми, а сейчас в стране создано (по образу и подобию республиканской) около ста юношеских библиотек.

Главная заветная мечта коллектива юношеской (и библиотека готова взять на себя во многом ее реализацию) — стать наконец настоящим дворцом молодежной книги, а для этого необходимо новое здание.

Библиотеке тесно уже сегодня. Значит, невозможно будет работать на более высоком уровне завтра. (Несмотря на колоссальный рост фондов, библиотека по-прежнему занимает лишь первый этаж жилого дома на Большой Черкизовской улице Москвы.)

Республиканская юношеская заслужила право на новые стены фактом своего существования, огромной самоотверженной работой ее коллектива. И так надо, так хочется ей помочь.

Фото
Сергея
ВЕТРОВА

К ЧИТАТЕЛЯМ.

Как часто вы ходите в библиотеку?

Что вас привлекает и что не устраивает в работе библиотек?

Какой, на ваш взгляд, должна быть библиотека для молодежи?

Родная сторона

Есть благодатные края
под солнцем на Земле:
коснется прутика заря—
цветок уж зазелел...

И у меня обитель есть:
тихонько песню оброни—
и отзовутся там и здесь,
смеясь иль плача,
родники.

Как мне легко!
Как мне светло!
Я—дома! Грудь полна!
И мысль

как струйка о стекло,
а не тяжелая волна.
Светляк мой освещает путь.
Старик, как юноша,

мне друг.
А соловей не даст уснуть.
Цветок не выпадет из рук.

Былинке каждой поклонюсь.
Босым тут в детстве проходил.
Изведал хлеба сладкий вкус
и в горе не был я один.

...Над прошлым поверну зюзу,
но подыши—
и уголек
затеplit милая земля.
И вспыхнет пламенем восток.

То утро жизни занялось.
Очаг мой здесь
и вся родня.
Земная здесь прошла ось
первоначального меня.

Что проку от платья красивого,
когда любоваться некому?
Что проку от тела сильного,
когда приласкать его некому?
Что проку к вершине далекой
взойти, а встречать тебя некому?
Что проку от тайны глубокой,
когда и довериться некому?

На сходе осени в сиянье янтара
все глуше листьев слет
и даль безбрежней.
И замечаешь вдруг, когда заря,
перемещенье птиц
и шелест крыл
поспешных
птиц, остающихся

на гнездах зимовать:
щебечут воробьи, кустарник населяя,
вороны серые—
то обживают гать,
а то кружат, сбиваясь зябко в стаю.
Домашний гусь трепещет у ворот
и шею тянет в явном возбужденье.
Всему виною дальний перелет
и воздуха просторное движенье,
хоть вышел срок...

И утренний ледок
уже морозит колею дороги,
иль дождь закроет запад и восток
на всю неделю слякотной морокой.
И птицы в высоте не увидать,
испуганная, у земли мелькает,
верна гнезду,
забыв, как ей летать
и перышки ронять под облаками.

...Слежу. Вот кружат над селом.
Поля пусты. Чернеют голо липы,
до лоскутка единого смело...
Все тихо и неприхотливо.

А птицы—ниже, ниже...
Верно, так
и человек о высоте позабывает,
а позабыв, уж не взлетит никак
и тень к земле бескрыло прижимает.

ПОЭЗИЯ — ВСЕГДА НАЧАЛО

В поэзии нет начинающих, она сама начало. Ибо поэзия—состояние, а не настроение, образ видения, а не постижение ремесла. Продолжается жизнь, поэзия же всегда начинается, торжествует наново. Ее приобретения отнюдь не законы и тем более не каноны для следом идущих. Каждое гнездо новой весны отличается от гнезда, оставленного осенью. Ничто не повторяется в природе: от узора на крыле бабочки до взгляда человека.

Равиль Файзуллин как в жизни, так и в поэзии необычен, неординарен, своенравен. Его стихи можно было бы «причесать» при переводе на «гладкий пробор», но тогда бы мы увидели обезличенную пригожесть или похожесть, как хотите,—появился бы очередной дублер.

Когда я познакомился с молодым поэтом (тогда студентом филфака Казанского университета), по одной строке можно было разглядеть его будущее: «Стригутся парни наголо, чтобы планета не облысела...»,—а было это в 1963 году. С тех пор мы друзья, и я могу сказать: поэт постоянно чувствует себя гражданином Земли и потому подлинно современен.

Я видел его подрастание, ощущал это непосредственно, переводя стихи на русский язык, сопереживая. Мне кажется, переводчик должен знать личностное «хозяйство» поэта, стихи которого он хочет перевести на голос своего языка.

Равиль Файзуллин—человек увлекающийся, человек определенного жеста. Ему будет тесно везде: и в горах, и на равнине, в рамках стиха тем более. Он должен преодолеть инерцию или, скажем так, выйти за ее пределы и тогда уж раздышаться: зимой—непрерывно на лыжне, летом—на теннисном корте или в плыва по Волге.

Деревенским паренком приехал он в Казань в 1960 году после десятилетки. Окончил университет. Отслужил в армии. Выпустил двадцать три книги. Из них восемь на русском языке в центральных издательствах. Стал лауреатом премии комсомола республики имени Мусы Джалиля и лауреатом Государственной премии имени Габдуллы Тукая.

И по-прежнему он дерзок в начинаниях. Ему тесны пределы и желанно ожидание удачи. И что ценно: нетерпение не снимает с его лица задумчивости, энергичность не превращается в суетливость, подтянутость не грозит перераста в суперменство. Поэт достиг зрелости, и ему радостно быть сыном своего Отечества.

Рустем КУТУЙ

Музыка

Черные крылья сиротства
белую люльку качали.
Падали белые звезды.
Мама
не пела
ночами.

Облако в небе пустынным,
белый туман над Чаганом¹,—
кто назовет меня сыном,
мальчика

с именем странным?
Вот он бежит
до могилы,
белые пуговицы блещут,
горе не срезало б силы...
Бабочка
крылышком плещет.

Песенки детства простые
тайно лечили
сердце.
Вижу ворота резные,—
музыка,
дай обогреться!

Храм,
синим воздухом полный,
где задыхать мне глубоко,
чуждые звуки,
как волны,—
музыка!—
нет выше бога.

С голосом дальнего неба
под ослепительным снегом.

Музыка слаще хлеба,
хочешь, упейся светом.

Музыка, пруттик певучий,
звездный
в ладошке осколок—
есть ли что-нибудь жгучее
даже в нужде невеселой!

Конь приходил ко мне
белый
и уносил на вершины...
Музыка,
мальчик несмелый
стал суровым мужчиной.

Но не забыл завета:
прямо ходить, не горбясь.
Музыка легче ветра,
ты моей жизни повесть.

Все ты скопила,
вынянчила—
молнии куст и лепет...
Белый стою я нынче
в зимнем великолепии.

Белый, седой,
не тяжелый,
снегу,
как дней за плечами,
Слушаю небо и доли,
путь свой в конце и в начале.

¹ Чаган—река в городе Уральске.

Как скользкий
по струнам смычок,
отзвучала и наша весна!
Захлебнулся в логу ручеек.
Потускнела голубизна.

Ну, а время
замедлило ль ход?
Не шелохнутся яблони в снах,
Эхо грома
вздохнет в небесах...

Так простим ей неслышный уход,
паутинку седую в садах.

Сентябрь

Лето тихо вышло в поле—
сарафан цветастый,
ленты,
бусы...

На пригорке пригорюнилось,
а яблочки—в подоле,
паутиной вьется волос русский...

А потом в лесу укрылось.
Желтые следы
цепочкой на тропе.

Август

Отсекла подол кося
у лета красного
небо блекнет,
а роса
все ясная.

Потеряли цвет луга,
а зато душисто.

Жеребеночек бежит,
не догонишь свистом.

Не заметил я и сам,
сын обрел походку.

Скоро месяц в камышах
ударится об лодку...

Стригунок бубенчик
над травой пронесит,
и никто его, куда
он летит,
не спросит.

Отчий дом

В этих досках и бревнах родимого дома
запеклись мед и солнце
лесной стороны.

Словно вижу отца на заре молодого,
пламя силы на срезе сосны.

Эта мощная печь
в своей пазухе тесной
жар долины Шарлы сберегла.
Знать, вложил в нее душу
умелый кудесник—

глина глиной,
а сколько тепла.
Время камень подточит—
и станет песком он,
желтым,
белым в долине Шарлы.

Все к земле возвратится
и тленом, и звоном
отлежаться до новой поры.

В этих темных занозах святого порога
детский шаг затаился,
мой первый шажок,
а уж дальше легла
через поле дорога—
шепот матери милой: «Храни тебя бог!»

Но остался в дому скрип-напев колыбели.
Среди ночи проснешься,
и вот он звучит...
...Долго глаз не сомкнет
человек на горячей постели,
в темноте

к тайникам подбирая ключи.
Перевод с татарского.

У нас в деревне такое озеро! — И Славка щелкал языком и щурил глаза. — Вода, как небо. Голубая жемчужина... А глубина! Любой катер пройдет...

— А паром? — перебивал кто-нибудь из девчонок.

— Да ну вас! — Сердился Славка, но быстро отходил, успокаивался. И вот уж снова улыбка на его рябом, безбровом лице.

— У нас в деревне конь был Ветерок! Так он с маху обгонял легковушку.

— А самолет? — опять кто-то подставлял Славке подножку.

— Какой самолет? — Он смотрел на нас удивленно, беспомощно. А в глазах начиналась печаль: надо же, мол, все время не верить. Но печаль длилась недолго. Он снова вскидывал свою рыжую голову, уверял:

— У нас в деревне скоро нефть найдут, честное слово. Были геологи, пообещали...

— А золота не пообещали? — опять кто-то лезет ему на грех, и он нервно кусает губы. По лицу бросается пунцовый румянец.

Так и прозвали Славку «У нас в деревне». Он знал об этом, да не обращал внимания. Ведь часто прозвище — от любви к человеку. Конечно же, от любви... И мы тоже его любили. А впрочем, за всех не ручаюсь. Может, кто-то относился к нему по-другому. Ведь прошло столько времени. Столько дней, столько лет.

Время, время... Что же это такое? Вопрос этот очень тяжелый, запутанный. У каждого на него — свой ответ, свое мнение. Но все же в одном ответе сойдутся: есть время счастливое, есть печальное. Есть время расцвета, есть и заката... Но лучше не буду об этом, а то собьюсь. Просто скажу сразу, признаюсь: наша юность со Славкой — это далекие уже шестидесятые годы. Ну, конечно, далекие, уже и не верится... Ведь тогда нам нравились девчонки, которые коротко стригли волосы, носили короткие юбки и ходили на тоненьких каблучках, при этом чуть-чуть задирая голову и подпрыгивая. Точно бы все время тянулись вверх, к облакам. А что там, в облаках, поди угадай. Но они-то, наверное, знали, догадывались...

Боже мой! Когда это было? А ведь было же... Тогда в нашу жизнь ворвались зарубежные фильмы с Бриджит Бардо и Лолобриджидой, Жаном Марэ и Аленом Делоном. Мы смотрели на этих красивых людей и мечтали походить на них и лицом, и голосом. Смешные мы были, но какой спрос со студентов...

Да, мы все учились тогда в пединституте, а жили в маленьком городке за Уралом. Ой, какой это был городок, особенно наши окраины!.. Ведь и у маленьких городов есть такие окраины: спешит вперед, завивается улочка — и вдруг по сторонам что-то отступает, распахивается, и вот уж на глазах вырастают березы, кустарничек, а пройдешь дальше еще километр — и вот уж мечется в небе жаворонок и садится на цветок веселая пчелка. И хорошо здесь и пчелке, и жаворонку, но человеку лучше всего. Да и простор кругом, тишина. И в этой тишине сразу замолкает душа, покоряется, и сразу отпускают ее все печали, мучения, как будто она только жить начинает, и все еще впереди, впереди, и надо просто жить и дышать, не оглядываясь, как эта травка, как березы, как быстрая веселая птичка, которая куврыкается в вышине. И вот проходит час и другой, и теперь уж совсем человек успокоился, а глаза все равно ищут себе развлечение, их снова манит этот простор. И вот уж он вздыхает счастливо, беспомощно, точно призывая кого-то в свидетели: «Ну почему, почему же здесь так хорошо? Почему такая трава кругом, такие деревья? Ведь город рядом, вон за тем поворотом, а здесь светло, как на пасеке...» Но что ответить на это, да и надо ли отвечать? Просто легко жить в таких местах и спокойно. И легко дышать полевым березовым воздухом. И легко ступать по чистой зеленой травке и еще в чем-то также легко-легко. То ли в мыслях, то ли в каких-то желаниях нечаянных, то ли просто в мечтах. А какие здесь подступают желания! О них не скажешь никому, не признаешься. Разве только птице какой-нибудь или облаку. Недаром у наших девчонок голова всегда была сверху, в облаках...

Вот в таком городке и жил я в студенческом общежитии. А вместе со мной на этаже жили филологи-первокурсники. Золотой народ — не соскучишься. Жаль только, что растерял я их теперь, растерял! Конечно, иногда доходит до меня кое-какие известия. Недавно узнал, что один из них возглавляет экспериментальную школу в далеком совхозе. Включил телевизор, а он там машет руками, обличает кого-то. Другой бросил навсегда педагогику и ушел на завод. А вот третий-то? Где же он, третий-то, мой товарищ по комнате? Почему ни слуху о нем, ни духу?.. Лишь только голос его мелькнет на мгновение, улыбка... Мелькнул — и снова погас огонек. Но я уж все равно кидану на эту искорку, раздуваю.

— Эх, парни, какое у нас озеро! А вокруг — березы. Прямо бело от них. А рыбалка-то! У меня нынче щука сорвалась на десять кило...

— Которая не бралась, — опять кто-нибудь прерывает его, смеется. И Славка сердится, хмурит брови...

Ну вот я и сознался, выдал себя. Это же опять Славки Тихомирова голосок. Ну, конечно, конечно, он и мучит память, терзает. И опять трепыхается, встает в памяти тот огонек. И я чувствую, понимаю — мне не забыть тех дней, не простить себе...

Не простить, что иногда шутил над ним и просмеивал. Правда, Славка тоже не оставался в долгу. На каждую мою шуточку он отвечал тремя. Но что эти шутки, насмешки! Мы ведь все равно любили друг друга и были как братья. Да что говорить! Он и сейчас в глазах у меня: и лицо его, и фигура, и даже походочка... Он был высокий, сухой, как жердинка: снизу прямая, а сверху чуть склонилась назад, сутулилась. И руки тоже нескладно топорщились. Они походили на ветки какого-то дерева, и эти ветки всегда качались, жестикулировали. Одним словом, Славка не из красавцев. А впрочем, я до сих пор не знаю, как он должен выглядеть, настоящий красавец? Так, наверно, и умру — не узнаю...

Зато друзей у Славки — не сосчитать. Один за кружкой зайдет, другой за сигаретами, третий попросит рублевку взаймы. И так бесконечно: с утра и до ночи. А ночи, помнится, стояли уже холодные, стылые. И осень грозилась уже зимой и морозами. Студенты разъезжались по родным деревням за теплыми вещами. Однажды и Славка собрался на автовокзал, но его задержал второкурсник Коля Соловьев. Он заскочил к нам в комнату какой-то нетерпеливый, потерянный. А глаза смотрят прямо на Славку:

— Слушай, друг, проводи Наташу. Через час у ней поезд. Я бы и сам, но меня вызвал декан...

Как сейчас вижу: Славка помрачнел, выгнул брови суровой скобочкой. Потом обреченно махнул рукой:

— Ну ладно, ясное море. Так и быть! Но только...

— Что только? — Коля Соловьев побледнел и сжался, как от удара. Но удар прошел стороной. Ведь Славка уже смеялся.

— А только это, дорогой, не по правилам. Я, значит, ублажай ее, таскай чемоданы, а она вернется и в кино с тобой побегит. Так оно? Так, так, не крути голову. У нас в деревне за это штрафуют. — И он опять рассмеялся. Потом заговорил примирительно:

— Ну хорошо, провожу... Где она твоя злая, неверная? — И голос его театрально затрепетал, стал куда-то проваливаться. Ему нравилось ломать свой язык. И мы к этому скоро привыкли...

И Наташа привыкла. Она училась с нами в одной группе, жила на одном этаже. Ах, Наташа!.. В знакомой песне поется. Хорошие там слова. Но Наташа сама лучше песни, простите за сентиментальность. Ах, Наташа, Наташа... Я хорошо помню нашу первую встречу. Она подошла тогда к моей тумбочке, потрогала гору бумаг на ней и сверкнула глазенками:

— Уж не роман ли пишете?

— Конечно, роман. — Мы оба захохотали, и я заметил, какие у нее белые, морозные зубы. А глаза еще лучше. Они были продолговатые, синие и блестящие, как льдинки. А над этими льдинками металась ресница.

— Так значит, роман? — она опять прищурилась на мои бумаги.

— Ну что вы, что вы. Просто люблю портить чернила.

— А я люблю пирожное. На него и трачу все свободное время.

— Не верю, — сказал я тихо.

И в это время у меня за спиной возник Славка.

— А я верю. Как доказательство — приглашаю в кафе.

— Сейчас, что ли? — поразилась Наташа, и ресницы у ней застыли, потом заметались, как стайка птиц.

— Сейчас, доча, сейчас! — И он схватил ее за руку и потянул к двери. Я про себя возмущился: «Ну и приёмчики. Совсем-совсем одного... И только слабенький запах сирени стоял еще у двери. Это было ее дыхание — ее духи. Да что толку, ведь самой уже не было. И мне сделалось тяжело. Так бывает порой, вдруг начинаешь злиться, таить обиду на целый свет — и на друзей, и на близких, и на себя самого. И никто тут не поможет, никто: вдруг нахлынет тоска, как мешок набросит на голову, и ты страдаешь, ходишь с этим мешком. Так и было тогда, так и было... Я вдыхал запах сирени и без отрыва смотрел в окно. А там, за стеклом, лил дождь, и в этом сером, тягучем дожде мелькали какие-то всполохи. «Ах, Наташа, что мне делать...» — опять встала в голове никчемная песенка. И я уже презирал и Наташу, и песенку, а может, и то и другое сразу, ведь она выбрала Славку. И об этой печали стонал дождь за окном, и моя душа тоже стонала, сжималась. Ведь она выбрала, выбрала... Но только Славку ли? Но об этом потом, чуть дальше, не сразу...

А он так и стал называть ее — доча да доча. И Наташа не возражала. Почти каждую субботу они теперь убегали в кафе и заказывали там пирожное и мороженое. И у нее, конечно, испортилось горло. На Наташу накинута ангины, простуды, и однажды ее целую неделю не было в группе. Славка затосковал и осунулся: на лице один нос да глаза. Но вот она появилась! И лицо совсем бледное, как будто припудрили. Мы все стали ее жалеть, но больше всех Славка:

— Как же ты, доча? Надо беречь себя, не поддаваться суровой жизни.

— Надо, — согласилась Наташа.

— Вот и договорились, — просиял Славка. — Больше мы не взглянем на это мороженое. Мы не пингвины.

Виктор ПОТАНИН

РАССКАЗ

ГОЛОМ ЖЕМЧУ

— Правильно, не пингвины, — повторила покорно Наташа и посмотрела на него умоляюще. И сразу в глазах ее поднялась печаль. А потом вина... Я давно уж заметил, что все красивое изнутри немного печальное. И Славка тоже подумал об этом.

— Ну, доча-а, тебя у нас подменили. А глаза-то, глаза-то! Как после похорон...

Наташа смуглилась, щеки порозовели. Но Славку не остановили:

— А все мороженое, честное слово. Расстрелять бы его, на березе повесить. У нас в деревне и слышать не хотят про это мороженое...

— Да ладно тебе — у нас в деревне... — повеселела Наташа. Глаза ее опять заблестели, вспорхнули ресницы. И Славка весь засиял, изогнул свою тонкую шейку и начал ломать язык. И посыпалась шуточки, прибауточки. А потом они оба выпорхнули из комнаты. Как будто ветром сдувало. Как будто легкую соломку подняло с суроба — и вот уж закружило ее над головой, завертело, и вот уж нет ее, этой соломки, как будто приснился. Но я-то знал, понимал: Наташа спешила, рвалась к Коле Соловьеву. Тот был местный, отец у него работал в торговле. У них, говорят, была большая квартира. «Бедный, несчастный Славка...» — болела душа моя. Наташе ведь нужен Коля, а Славка-то ей зачем? Может, готовит слугу для себя, камердинера... И у меня теснило в груди, не хватало дыхания.

Потом пришла первая сессия — наше первое горе. А для Славки эти дни стали просто кошмаром. Буквально за ночь он познакомился с Овидием и Менандром, а, сдавая экзамен по фольклору, сам придумал песни уральских рабочих. Я слышал, как он хвалился Наташе:

— Ух, доча! Уработался, как на суботнике. Как будто вагон угля раскидал. Но ведь прошло... Обманул ее. Понимаешь, вру ей, даже спел немного, честное слово. А она сидит, как мышка, ужала плечи. Только ноготками красненькими постукивает. Как синичка по стеклышку: тук, тук да тук. И все склевала мое да еще попросила спеть. Но я ей отказал: хорошего понемногу, мол. Га, га! Га! — хохотал он, играл бровями. И Наташа с ним — глазенки выпрыгивают. И что-то пыталась сказать. Но он перебивал, не дослушивал, опять сам говорить начинал:

— Ох, умора! Кино-о! Потом вижу — берет ручку и выводит: «У-дов-лет-ворительно». И так с нажимом пишет, сердито, с ногтей краска посыпалась, честное слово, не вру. А у меня сразу — с души кирпич... Теперь, доча, командуй ты. Пойдем, отметим наши успехи.

УБАЯ УЖИШНА

на Славку: он был бледный, почти оглушенный. Рыжие волосы стали еще рыжее. А кадочек прыгал, метался, как будто на птичку наехал колесо, но она еще жить хотела, желала подняться, но это уж сгоряча, ненадолго. Пройдет миг — и затихнет.

Пройдет миг... Я отвел глаза от него. Девчонки тоже затихли, даже кашляли в кулачок. Потом одна за другой потянулись к двери. И вот уж за последней закрылась дверь, а Славка опять взял гитару. Но не смог играть — зарыдал...

Я не ошибся: он стоял теперь у окна, давил лбом на стекло. В горле у него что-то перекачывалось и медленно хлопало. Как будто весла в уключинах — бесконечный тяжелый звук.

— Ну, хватит! Она тебя любит... — Это был мой голос, но я его не узнал. Кто-то говорил за меня и командовал. Этот кто-то скоро выгнал меня за дверь, настыл — зачем глазеть на чужое горе. Своего, мол, хватит, достаточно, а если нет пока, то дождешься...

Впрочем, горя у нас хватало. Разве не горе — прожить от стипендии до стипендии и прокормить себя на эти жалкие деньги. Да еще обувь надо купить и кое-что из одежды. Мне хоть мать помогала немного, а у Славки — никакого дохода. Но он не расстраивался и разгружал вагоны с цементом, нанимался грузчиком в магазины, а потом нашел работу легкую и непьющую — записался донором в городскую больницу. За сданную кровь давали талончики, на них он брал обеды в столовой, даже меня, случалось, подкармливал. Мне было стыдно сидеть у него на шее. Но Славка утешал, успокаивал:

— Мы же с тобой, как братья. Так что не рви себя, не терзайся. — И смотрел на меня весело, проникающе. Как будто знал какую-то тайну, и тайна эта смешная, веселая — не пережить... Или брал в руки гитару, подходил к окну и смотрел на дорогу: «Мне холодно в городе этом...» Пел он тихо, шепяще, как поют часто одинокие люди.

Время, время... Что же это такое? На каких поездах ты мчишься, на каких самолетах... Вот и наступили уже наши первые каникулы. Славка уехал в свою деревню Васильевку, а я остался в городе, устроился подносчиком на торговую базу. За три недели заработал там кучу денег и купил новый костюм и пару рубашек. Решил встретиться друга при полном параде. Решить-то решил, но Славка не появлялся. Вот уже и каникулы давно закончились. Вот уже из самых дальних деревень вернулись студенты, а мой Славка исчез. И в деканате его потеряли — пропал человек... Прошло еще два дня, но его нет и нет. Я уже сон потерял, решив, что случилась беда. Так и есть, пришла беда. И какая! Но расскажу по порядку...

В тот вечер я сидел в комнате совершенно один и читал какой-то нудный учебник. Буквы прыгали у меня в глазах, расплывались, потому что в голове стоял один Славка. И в этот миг постучали. И не успел я даже сказать «войдите», как на пороге возникла худенькая высокая женщина с большой хозяйственной сумкой. Я опешил. Но гостья уже оглядывалась по сторонам, говорила. Голосок у нее оказался слабенький, вежливый, как будто бы все время обращался с просьбой:

— Я сюда попала? Или куда?..

— Кого ищете?

— Я от Славки... Я сестра его, — добавила она тихим, утасующим голоском и поджала губы. Потом подошла к столу и поставила на клеенку сумку.

— Выходит, он тут и обитался? — Гостья смерила меня глазами и опять строго поджала губы. И непонятно: то ли осуждает за что-то, то ли хочет сообщить новость. У меня от напряжения онемели ладони. Хочу прикурить сигарету, хочу зажечь спичку и не могу. Наконец, не выдерживая, пытаю о Славке:

— Сам-то он где?

— Сам-то... — Она всхлинула и стала медленно открывать сумку. Замок заедал, не слушался, и она его дергала со всей силой. Наконец сумка открылась. Гостья глубоко вздохнула, задумалась, на белой коже лица обозначились пятна.

— Где Славка?! — опять спросил я и сжался. Даже не спросил, а почти крикнул, не помня себя. Но что с ней? Она молчала, будто ее не касалось, точно задремала возле стола, унеслась куда-то. И теперь хоть в колокол бей — не обратит внимания. Но я ошибся. Она покашляла в кулачок и стала что-то доставать из сумки. Руки у нее были сухие, костистые, все в узлах и в проломах. И волновались, ладони подрагивали, точно их кололи иголкой. Я не мог от них оторваться. Вот они достали пару кружочков мороженого молока и топленого масла. Потом достали полосатый мешочек с пельменями, они тоже мороженые и стучат, как ледышки. Потом явились на свет два белых калачика, пирожки и еще что-то — теперь не помню. И все это богатство лежало на моем столе, я даже не верил... Да и тревога не проходила.

— Что с ним? — спросил я громко, решительно, она не могла не услышать. Но гостья молчала.

— Почему молчите?

Она посмотрела на меня долгим, жалеющим взглядом и вдруг опять стала всхлипать. Так плачут дети. Тихонько, покорно, невыносимо. Наконец заговорила. Я сжал спинку у стула — побелели пальцы.

— Вот везла всё, торопилась. А для чего? Славка-то помирает...

— Как помирает? — Меня зашатало. И она это заметила.

— А ты, значит, переживаешь? Вижу, что друзья вы, из одной, поди, тарелки хлебали.

— Где он?

— Да он же в больнице... Неуж не сказал тебе, не позвонил никому, не сознался?..

— Никому.

— Ну это не удивляет... — Она усмехнулась и стала подвигать ко мне калачики, масло.

— Ломай да намазывай. У меня ведь в больнице не взяли. Обрато отправили. У нас, мол, негде хранить, за все отвечать. Да кого там. Я им слово, а они мне два. Еще молоденьки, а зубаты. Не дай бог таких наберете в жены. Они вас в мешок сложат и завязкой завяжут. А потом братко адрес твой дал, и я сразу сюда...

— Да что с ним? — перебил я снова ее.

— Что, что... Считаю, помирает. Три дня температура давила, а сейчас слабость. На ногах не стоит — прямо как ватка сделался. Немудрено. Всю ведь кровушку у него забрали. Да Мишке Петрову влили. Он в аварию попал... Вот она, дружба-то. Сам, как говорят, погибай, а товарища выручай. — Она ладонью пригладдила волосы. Они были такие же, как у Славки, — рыжеватые, цвета меди, и сильно вились на концах, завивались кудряшками. Эти кудри казались на ней чужими, и она это чувствовала. Потому, наверное, все время поправляла свою прическу, приглаживала. А вот голосок у нее набрал силу, окреп:

— А ты бери масла да на калач. Потом еще привезу. Может, вместе в больницу сходишь, выберешь день. Лишь бы только остался живой... — Она вздохнула с усилием и заговорила снова. Но теперь потише, наверно, устала:

— Он ведь с Мишкой у нас с пяти лет. Как близнята, рядком ходили, дружили. А тут у Миши авария сделалась: «Беларусь» опрокинулся, гололед... Опрокинул-

Наташа счастливо охнула и потащила его за собой.

А через час они зашли в нашу комнату, и Славка сделал широкий жест. Я видел, как он высоко поднял тяжелую сумку и из нее брызнули на стол разные кулечки и сверточки. Тут и бутерброды, и булочки, и даже сок с лимоном. пей, ешь, веселись, душа. И скоро к нам набились девчонки — соседи. Все галдят и смотрят на Славку. А он, как купец, как богатый цыган. Только красной рубахи нет. И Наташа даже покраснела от удовольствия. Она ведь поняла, что он старается ради нее. Потом он включил нашу старенькую радиолу, которую сам же принес недавно с первого этажа. И вот уж закрутилась пластинка и запел шепелящий голосок, вот-вот разрыдается:

*Ельничек, осинничек минуя стороной,
Ох и страшно, девочки, в лес ходить одной.*

И этот голос как бы стоял вверху, над нами, а внизу мы смеялись, дурачились, пили лимонад и опять смеялись неизвестно над чем. Анна Герман пела грустно, потерянно, а нам было весело. Казалось, покажи палец — и мы расхожемся. А почему? Поди угадай... Но потом устали, повесили головы, точно вспомнив что-то из прошлых дней. Правда, этого прошлого у нас еще не было, но все равно мы задумались, углубились в себя. А потом, помню, Наташа воскликнула чужим, нервным голосом:

— Ну что вы, мальчишки? Мальчишки?.. Что за скорбь, кого схоронили?

— Меня... — усмехнулся Славка, но Наташа даже не услышала, не заметила или не хотела понять. А потом Славка достал гитару. Недавно он принес ее с барахолки. Говорит, купил по дешевке, но я особенно не расспрашивал. Какое мне дело — лишь бы играла гитара, лишь бы гитарист был доволен. А Славка не спускал с нее глаз и никому не давал. Даже на пять минут не давал, боялся, что сломают. Но зато сам мог играть часами, целыми днями. Вот и в тот вечер он достал гитару и начал петь. Нет, не так... Вначале провел ладонью по струнам, прислушался, оттянул голову, и кадочек на шее вздрогнул, как птичка, и начал рваться на волю, да где уж... И Славка запел:

*Мне холодно в городе это-о-ом,
Где серые зданья молча-а-ат,
Где так одиноко рассветы
Шагами прохожих стуча-а-ат...*

И в этот миг скрипнула дверь, и на пороге возник Коля Соловьев. Наташа поднялась с табуретки и покорно, точно невольница, пошла к нему. Я оглянулся

ся, слышь, не послушался. Ну, Миху-то самого кабиной помяло, еле берегу не хватил. А ты ешь, ешь, чё не ешь?.. — Она стала подсовывать мне пирожки и калачик, но ничего не шло в горло, прямо откинуло от еды. Да и она опять напугала:

— Вот мы сидим тут, базарим, а братко поди умирает.

— Как?

— А вот так! — Она засмотрела на меня большими глазами, а в зрачках все выгорело, пустота.

— Нет уж, ему больше не встать... — Она сжала губы до синевы. — Нет уж, не встать ему...

И после этих слов в меня будто громом ударило. И долго-долго не возвращалось ко мне сознание. Потому и запомнил ее дальнейший рассказ какими-то клочками, обрывками. И вот теперь соединяю их вместе, шиваю, но соединить все равно не могу — они рвутся снова, не слушаются. Помню только, что слова ее лились не спеша, потихоньку. И еще помню ее узкую сухую ладонь. Она то за висок держалась, то поправляла волосы, а кудряшки все равно падали вниз, не слушались. И голос то приближался, то отдалялся. Так шумит часто дождь за окном, то затихая, то набирая силу, то опять затихая.

— Привезли его тогда в медпункт, а тот на замке. Миху дальше по улице, в сельсовет занесли. Там и телефон, и машина нашлась. На ней и сгоняли в районную больницу и привезли троих докторов. Два мужика, а с ними девчонка. Она, значит, по уколам у них, с чемоданчиком. А что уколы — Миху совсем ослабел. Тут надо кровь вливать, надо донора. А Слава-то уже возле Михи. У него же каникулы. Ну что? Дальше надо рассказывать? — вроде бы так она спросила. А может, не так. За точность слов не ручаюсь. Но когда я очнулся, пришел в себя, она уже опять о Славке говорила, только о нем:

— И сказал братан докторам: я ведь, мол, давно донорством занимаюсь, и у меня такая же группа крови. Так и сказал. А потом красну книжку вынул — они и вовсе уверились. И положили его рядом с Мишкой и давай кровь у него перекачивать. Вот оно как. А меня саму из комнатки выгнали: иди, мол, домой. Галина Петровна, мы уж сейчас без тебя... И запомни: твой брат, как герой. Так и сказали, герой, мол, спаситель. Я и сама знаю без лишних слов: он ведь на глазах у меня поднимался. Я, значит, старшая, а Слава помладше на восемь лет. Трудно жила мы, и ох, тяжело. Отец у нас с войны не пришел, и у меня замужество не сложилось. Муженек бросил меня с троим, а сам, подлый, удрал на Север или в Якутск...

— Это одно и то же, — перебил я ее, желая узнать поскорее о Славке, но она точно оттягивала свое последнее сообщение. И вот опять поднялся ее голосок:

— Знаю, что одно и то же. Да мне-то не легче. Тому, значит, Севера да поездки, а семья погибай. Да и братана надо было собирать на учебу, а это же тяжело. Сколько денег надо на ваш институт, не знаешь? Ну и я не знаю, а костюмишко-то все равно надо? Надо. Пальто с шапкой надо. А ботинки с пимами надо — вот и посчитай. А мамушка-то наша пластом лежит, отнялись обе ноженьки. С возу падала два года назад. Поясницу отшибла — вот и беда. Да еще бруцеллез признали. Даже до уборной таскали на руках, а у меня еще трое мальчюшек, это надо понять. Одна надежда на Славу... — Моя гостья заморгала быстро-быстро, потом сжала глаза, отвернулась. И сразу плечи дернулись, запошатавались и вдруг остановились на месте — не шелохнулись. Она, видно, сдержала себя, не дала волю слезам. Заговорила снова, повернула лицо. И даже голос теперь переменялся — стал громче, уверенней:

— Вот на него и надеемся, а Слава, видно, на нас. — Она рассмеялась, пригладила медленно волосы. Так же медленно заговорила, старательно разделяя слова:

— Он у нас все время в колхозе — и на пашне, и на покосах. А зимой скотника подменял. Придет из школы, портфель в угол, а сам — на ферму. И какой рубль набегит — племяшам своим тащит, ребятишкам моим. Он и кровь свою сдавать начал: все же приработок...

— Он и здесь сдавал, — сказал я тихо, как будто бы про себя. Но она сразу услышала.

— Во, во! Все время сдавал. Даже от стипендии племяшам делал подарки. А тут приехал недавно, говорит — на каникулы. Но какие же каникулы. Нанялся в школу дрова колоты. Сам знаешь, как в школах с дровами. Их бы летом заготовить да подсушить. Но летом дали немного, а остальное все оттягивали. Вот и привезли недавно сырье да все комли, отломьши. Братан исколот три машины, а потом беда с Михой случилась, и он отдал другу кровь. Отдать-то отдал, да, видно, ослаб. Надо бы отдохнуть маленько да полежать, а он опять в школу пошел да опять за дрова. Тут его и накрыло. Полагаю, что продуло, не поберегся. Да опять же надсада. У него и делалось воспаленные легки. Вот так — температура да жар. И дыханья нет, прямо захлебываются. Отправили в город, он же здесь прописан, вот и сюда... Здесь, видно, и оздоровет. Или помрет. — Она сказала это спокойно, легко, не придавая никакого значения словам. А потом дотронулась рукой до меня, по плечу провела. Я даже испугался — сидел-то близко от нее, прямо лицо в лицо.

— Я уж была у него раз, а сегодня второй... А ты-то ходил?

Я что-то промычал, что не знал, мол, не слышал...

— Ну не был, так сходишь, — успокоила она меня и начала собираться. Я не помню, как она одевалась, как говорила что-то, наказывала. Я не помню, как закрывал дверь за ней, как прощался...

А на другой день после лекций я сидел уже у Славки в больничной палате. Он был бледный и исхудал. Особенно лицо. Оно было прозрачное все, синеватое. Такого же цвета было молоко — те замороженные кружочки, которые принесла мне вчера Галина Петровна. Но с виду Славка храбрился:

— Ну, здорово, старичок. Какие принес новости? — Губы у него растянулись в улыбке, а переносица запала так глубоко, как будто там образовалась бездонная ямка. Он опять заговорил:

— Без новостей, значит? Нехорошо... А я вот утром подряд три стакана чаю выпил, а потом еще попросил... — Он засмеялся громким здоровым смехом. На него сразу засмотрел сердито старик с соседней кровати: зачем, мол, так, ты же в больнице... Славка сразу замолчал и подтянул одеяло до самого подбородка. И в этот миг я достал свои гостинцы — большой кулек с пряниками и халвой. Славка недовольно поморщился:

— Унеси, старичок, обратно. Сладкого мне нельзя. Разъедает бронхи. Так что возьми... — Когда он передавал кулек, руки у него задрожали, губы тоже дрогнули нехорошо. А лицо еще сильнее побледнело. Не лицо — белый мел. Белый мел... «Боже мой! — пронеслось у меня в голове. — Человек рожден для счастья. Но для счастья ли? За что ему эти мучения?»

— Говорят, ты спас человека?

У него взметнулись ресницы.

— Я никого не спасал. Михаила врачи спасали. — Он улыбнулся грустно, с

каким-то значением. Потом улыбка ушла, но тоска во взгляде осталась. И тогда я решил его ободрить и подсел поближе к кровати.

— Утром видел твою Наташу, к тебе собирается... — соврал я и весь сжался от стыда, покраснел, но он, кажется, не заметил моего состояния.

— Что, с Соловьевым поссорилась? — усмехнулся он и отвернулся к стене. Потом снова заговорил:

— А ты меня не успокаивай. Мне здесь и так спокойно. Вон даже птички чирикают. — Он показал рукой на окно.

— Не переживай. Наташа грустная ходит... — В моем голосе стояло волнение. Я это чувствовал. Было стыдно, что сочиняю, придумываю, оттого и волнение.

— Она походит, старичок, побродит да и замуж выйдет.

— Вот за тебя и выйдет... — улыбнулся я и похлопал ладонью по краю одеяла. — Все бывает.

— Нет, не бывает! — Славка решительно приподняла голову, подложил под спину подушку, потом опять медленно, с тяжелым усилием повернул голову обратно к стене, точно голова налилась тяжестью, невыносимой тяжестью. Потом опять повторил:

— Нет, не бывает... Ты вот скажи мне, почему первая любовь никогда не сбывается? Ну почему?.. Почему любишь девушку, а она — бах и за другого выскочит. Будет убеждать, что ты хороший, добрый, а сама за другого...

— Славка, не сочиняй.

— Ладно, перевернем пластинку. Давай лучше договоримся: ты приедешь ко мне летом в деревню. И мы пойдем купаться на озеро. Ох, и озеро — ты увидишь. Голубая жемчужина... Вот лежу тут, не спится, а оно все в глазах. Понимаешь, в глазах? И до того хорошо станет, прямо в горле перехватит... — И в это время я перебил его. Никогда не прощу себе, но тогда разозлился. Я ему про Наташу, а он только — озеро, озеро... И я не вынес:

— Хватит, Славка. Мы уж об этом слышали. Давай что-нибудь поновее. — Так и сказал я, и он сразу обиделся.

— Ну если хватит, тогда прощай. У нас подолгу не сидят. Не положено.

— Но почему прощай?

— Да я, знаешь... — Он немного помолчал, потом сказал почти шепотом: — Я перехожу на заочное.

— Почему?! — Я с трудом выдохнул из себя.

— А потому, старичок, потому. У меня с матерью плохо. Ходить за ней надо, а у сестры — своя орава. Не успевает. Трое ребятишек у ней, а последний еще с соской гуляет. Так что... — Он улыбнулся и опять подложил под спину подушку. Глаза у него блестели, а щеки запали. Кожа на них была синеватая, слабая, и опять вспомнилось про то молоко в кружочках.

— Значит, жалеешь сестру? Берешь удар на себя.

— Какой удар? Ведь мать же... Ты понимаешь — мать...

Но я не дал ему договорить, мне стало обидно:

— Значит, бросаешь институт? И нас бросаешь?

Он не ответил. Только посмотрел на мое лицо очень пристально, с каким-то значением, точно бы запоминая его или, может быть, осуждая. И я взорвался:

— Всех, дорогой, не пожалеешь! Надо и для себя что-то делать. Для себя! Понимаешь? — Я почти кричал, наступал на него, даже старик на соседней кровати заворочался и заохал, видимо, недовольный моим криком. Но я не мог уже удержаться себя:

— Донор ты! Вечный донор. Хочешь всех лучше быть. Не выйдет...

— Правильно! Крой его, негодяя, — он засмеялся и дотронулся рукой до моего колена. Я так и не понял, что он хотел, к чему призывал этот жест... А он уже сидел на кровати. Подушка сползла с одеяла, скатилась на пол. Я теперь совсем-совсем рядом увидел его лицо, я даже слышал его дыхание. Оно было тяжелое, с частыми остановами, как будто он бежал наверх, на какую-то гору. И голос тоже был глухой и прерывистый:

— Ты не горячись... И пойми. Я не хочу губить в себе совесть. Да и мать одна у меня.

— Одна, одна... — Передразнил я его, и тут оставили меня силы. Я не мог уже ни говорить, ни смотреть на него. Я не мог даже встать, подняться со стула. Славка понял меня по-своему.

— Ну вот и успокоились. Ну и хорошо... Хорошо... — Без конца повторял он и хитро щурил глаза. Этот хитрый веселый лучик родился в глазах внезапно, да так и остался в них. И когда я уходил и жал Славке руку, опять этот лучик пронзил меня, и я даже закрылся от него. Закрылся ладонью... Но разве закроешься.

Он и на следующий день смотрел на меня, этот лучик. Смотрел и посмеивался. Он и погнал меня однажды в Наташкину комнату. Как сейчас помню — она стояла в полный рост перед зеркалом и подводила ресницы. Я кашлянул, она повернула голову. «Ах, Наташа, что мне делать?» — опять завертелась в уме та песенка. Да я и правда не знал, что делать. Я стоял, как дурачок, посредине комнаты.

— Наташа?

— Ну что тебе?

— Неужели ты разлюбила заварное пирожное?

Она сжала плечи, будто ожидала удара. Но разве можно бить беззащитную девушку? Нельзя, конечно, нельзя. Да она уже смотрела на меня виновато и обессиленно.

— Ну как он там? Болеет или полегче?

— Все тяжелое уже позади. Но из больницы он уедет прямо в деревню... — Я не успел договорить. За моей спиной скрипнула дверь, и на пороге возник Коля Соловьев. И сразу Наташа отвлеклась от меня, забыла. Через секунду уже звенел в комнате ее смех, ее заразительный голосок.

— Ну, я ухожу, дети. Учите уроки, — бросил я им на прощание. И Наташа еще сильнее засмеялась, и в глазах ее родился тот самый лучик. Он, наверно, перешел к ней от Славки... Ну, конечно же, от него. А, впрочем, не знаю. Это, может, совсем не лучик, а время, наше время. Ведь оно всегда с нами и в нас. И в глазах, и в нашем дыхании. Но кто знает... Я и тут не уверен...

Время, время... Что же это такое? У меня уже седая голова, а я все не могу ответить на эти вопросы. Говорят, что есть счастливые, есть и печальное время... У меня, наверно, сейчас ужасно печальное. Какое-то кругом горе и горе покрывало. Куда ни ступи — там и пал...

Да что говорить! Тяжело говорить... Недавно встретил на улице Наташу Соловьеву. Она меня еле-еле узнала.

— Это ты? Неужели?! Укатали, значит, Сивку... Ну извини, не буду.

— Извиняю, — я рассмеялся и вдруг не вынес, спросил ее: — Ты Славку Тихомирова не встречала?

— Кого? — она даже отпрянула от меня и сморщила лобик. — Нет, милый, ты что-то напутал.

— Ну как же, Наташа? Мне холодно в городе этом... А озеро-то? Голубая

жемчужина? Неужели забыла? Неужели... — пытался я ей объяснить, докричаться, но она только щурилась, играла ресницами, и я опять наступал на нее, горячился и нервничал, а потом опять что-то вспоминал и рассказывал, желая вызвать в памяти то далекое, такое далекое время. Но Наташа уже сердилась, не понимала меня.

— А ты где теперь? Со школой тоже в разводе? — В ее глазах мелькнул интерес, какая-то искорка. Но это длилось только мгновение. Только мгновение... Да и было ли с нами то время, то счастливое время? А может, это мираж, пустота?

— Ты что, онемел? — стала сердиться Наташа. — Я тебя спрашиваю, где ты теперь обитаешь?

— В газете обитаю... В газете... — добавил я тихим, не своим голосом и отвернулся. На меня навалилась усталость — не хотелось ни говорить, ни спорить, да и мешали ее глаза.

— Ну прощай, — сказала Наташа так, как будто наказывала за что-то... Но наказание было еще впереди.

Да и наказание ли это? Может, что-то похуже... Да и не ждал я, не ведал. Ведь все началось с обыкновенной поездки. Сколько их было уже по моим газетным делам! Вот и тогда судьба занесла меня в одну степную деревню. Мне сообщили, что здесь интересный председатель колхоза: год назад, мол, оставил в Ленинграде квартиру и поехал в наши снега, в наши степи. Случай редкий, чудесный... Вот я и отправился к этому человеку.

Хорошо помню то теплое утро. Я зашел в правление колхоза, у председателя было совещание. Мне посоветовали подождать в приемной. Я присел на разбитый кожаный диванчик и стал разглядывать стены. Ничего интересного — какие-то графики, листочки с приказами. И вдруг на глаза мне попала одна фотография. Она висела на стареньком стенде, который назывался «Ударники пятилетки». Фотография была старая, пожелтевшая, но все равно я узнал это лицо, эти глаза, эти волосы. Да и не мог спутать, не мог! На меня смотрела со стенда Славкина сестра — Галина Петровна. Боже мой!.. Затрепетала и сжалась душа. Ну почему я сразу не пошел искать Тихомировых, не спросил местных жителей, ведь деревня эта называлась Васильевка... Ну, конечно, конечно же, это ведь Славкина родная деревня...

Время, время... Что же это такое? И где те люди, и где те дни? Да и на что я надеюсь? Говорят, что Тихомировы здесь жили давным-давно, а потом куда-то уехали. И родни после них не осталось. Остались, правда, соседи...

И вот уж я стою в ограде Марии Петровны Сазоновой и вслушиваюсь в ее медленный болезненный голосок. На вид ей примерно лет шестьдесят, и она этого почему-то стыдится:

— Ты не гляди, что я старая, это неправда...

— Почему так? — удивляюсь я и начинаю расспрашивать ее о Славке. Но она вначале все о себе, о себе:

— Мне ведь всего пятьдесят два. Удивительно? Сама удивляюсь. А что делать — глупила болезнь. Сперва ноги болели да отнимались, а теперь в груди не стало дыхания. Туда дохну — а обратно что-то застрянет, и сердце колотится. У меня и астму признавали, потом как-то давление... А парня я твоего знала и сестру его знала. А как же, бывали дела. И у коров вместе робили, и на поле. Потом в огородной бригаде сколько работы перевернули, а все живем. Поболем да поохам да снова... — Она запахнула на себе стеганку самодельного исполнения и поднесла платочек к глазам.

— Че-то мерзну всю дорогу. Чуть дунуло где — и простыла. А тебе про Тихомировых чего надо?

— Да хоть бы немного. Куда уехали, например?

— Куда уехали? — Она сохотнула. — Куда, где да почему... — Опять запахнула ласку потуже и сжала губы кружочком.

— Ну, что... Давай слушай, записывай. Галина Петровна, значит, укатила в Тюмень с ребятами. У ней трое их — не соскучишься. Так что завербовалась и ручкой сделала...

— Как это? — вырвалось у меня.

— А вот так это. Помахала нам на прощание. Живите, мол, тут, оставайтесь, а я поеду свою долю искать, да ребяташек надо учить. Там, в Тюмени-то, мол, под ногами деньги валяются и в магазинах завал, — она опять усмехнулась. — Да... А у нас тогда получились полный раззор. Даже правление колхоза отняли. Вот так. Живите, мол, тут без правления, да и деревню вашу надо прикрыть. Сильно маленька и на отшибе стоит. Вот так. Утешили, называется. У нас народишко и побегал. А Настасья Ивановна, мать твоего-то дружка, прямо тогда руками, ногами: никуда не поеду отсюда, тут и помру. Вот так. Осмелела Ивановна. Хоть веревками связывай. Не поеду — и все.

— Привыкла, значит, к Васильевке?

— Ясное дело. — Женщина посмотрела мне прямо в глаза. — Привыкам помаленьку, хоть ни воды тут, ни леса.

— Как это? — изумился я. — Мне говорили, что здесь бело от берез.

— Ну, ну, чудеса... — Она засмеялась. — Выйди вон на поскотину, там две березы увидишь. Да и те обьяли все, облупились. Распахали ведь все у нас — какие же березы?

— Ну а озеро? — отступал я от нее. — По нему, говорят, катер ходил?

— Катер? — переспросила она. И вдруг засмеялась от всей души. Я хочу ее обурвать, отвлекать словами, а она все сильнее, сильнее... И смех громкий, как на гулянке. Наконец, унялась. И снова смотрит мне прямо в глаза. Кожа у ней на лице желтенькая, блестящая. И само лицо очень похоже на луковку. И вдруг опять луковка сморщилась — она смеется снова, не переждать.

— Катер, говоришь? Да ты бывал хоть на этом озере? Там куличку у нас по колону. А в июле пересыхат совсем — одна нияша да камыши... Да и как же ему сохраниться — сколько сезонов воду качали: то кукурузу придумали, то капусту как-то цветочку. Бывало, наростим, а выдержат некому. Мы побегам, поохам, возьмем и запашем. Вот и дела. А ты случайно ей не родня? — она наклонилась ко мне близко-близко и перешла почему-то на шепот: — Ты не родня Настасье Ивановне? Уж больно с сыном ее находишься?

— Да нет же! — сердито вырвалось у меня. Меня что-то уже томило и мучило, но она не заметила моего состояния.

— Значит, не родня? А я как тебя увидела, как перво слово услышала, так и решила — не зря ты здесь, ой, не зря, уж больно с Настасьиным сыном находишься. И лицом, и походочкой. Он такой же русский был, темноглазенький. Да и ростик — под стать...

— Да что вы! — рассердился я. — Он же выше меня на целую голову.

— Не кричи. На меня и мужик мой не кричал... — Она опять поджала губы кружочком. — А если надо, я тебе ихний дом покажу.

— Надо, надо! — обрадовался я, и она тоже повеселела. Заблестели глаза.

— Тогда запомни! Впереди будет небольшой переулочек, а там домик — по правой руке. Перед домом — поленица дров. Там и обиталась с сыном Настасья Ивановна. Он ее и схоронил, а потом куда-то уехал... Ох и парень был!

Расскажу — не поверишь, никто не поверит. — Она вздохнула тяжело, полной грудью и опять запахнула стеганку, как будто ее знобило. — Он ее прямо с ложечки и поил, и кормил. У ней же не только ноги, но и руки отказывали. С возу падала да брдуцллез признавали. Да кто поди знает. Сынок-то ее и в баньку таскал. Возьмет в беремея и понес на руках. И стирал на нее, и гладил, да еще коровешку как-то держали. Надо, мол, мамушке свежее молочко. А придет зима — он ее на санки, а сам впереди, как коняшка. Вот оно как! Она сзади притихнет. А сынок бежит, что есть мочи. Коняшка! Аха? — Она засмеялась, потом посмотрела на меня долгим взглядом.

— С такими дитями жить можно. Да неуж он тебе не родня? И глаза такие же, и плечи... Не дал бог вам доброго ростика.

— Да нет же! — опять я обиделся. — Славка был под два метра. Высокий, сильный, веселый...

— А ты не веселый, что ли? Вон как стоишь веселишься. Прямо извеселился весь. — Она хмыкнула и крутанула обиженно головой. — Ищешь и не знаешь, чё потерял. Может, он в другой деревне? Мало ли Тихомировых...

— Как так?

— А вот так. Всё бывало — давно живу. А все же советую — дойди до этого домика. Там Семка Гольый сейчас проживается. Может, что и знает... Расскажет... — Она по плечу меня легонько задела. Как будто ободрила: иди, мол, туда, не раздумывай.

И я пошел. И не успел даже выкурить сигарету, как увидел большую поленицу дров. А напротив — дом под светлым шифером, похожий на ящик, или, точнее, на барак. Зато ворота добротные, недавней постройки. Но они почему-то закрыты изнутри на засов. И я стою в нерешительности. Да и мешают музыка — играет магнитофон. Он гудит на полную силу, как будто на танцах. Музыка непонятная, иностранная — одни визги да вскрики.

Я постоял еще с минуту, потом решительно постучал в окно. Музыка начала отдаляться и вдруг возникла совсем рядом, и открылись ворота. Передо мной появился парень в зеленой майке и в черных длинных трусах. На ногах болтались галоши большого размера. Он смотрел на меня, не мигая, а магнитофон орал, как беда. Но почему? Почему он не выключит?... Мелькнуло какое-то подозрение, но парень отвлек:

— Ты кто?

— Человек... — ответил я тихо и, наверно, с испугом, потому что у парня заблестели глаза. И я заметил в них радость или что-то похожее. Но разобрать тяжело. Да и как разобрать, если в глазах у него вместо зрачков переливался какой-то кисель неопределенного цвета. И волос на голове тоже не было, только на самой макушке торчало два хвостика из щетинки, а больше ничего, совсем ничего, и голова походила на продолговатый арбузик. Затрону его — и он распадется, расколется. Я смотрел на эти белесые хвостики, и во мне все медленно каменело и угасало. И я забыл даже, зачем пришел сюда, но парень напомнил:

— Ты чё молчишь?! — Его голос вдруг отрезвил меня, и стало возвращаться сознание.

— Ты не знал здесь такого Славку?.. Он жил в этом доме.

— Какого такого? — Парень захохотал, у него смешно задергался подбородок. Этот смех походил на кашель, и мне опять сделалось страшно. Но я решил все же не отступать.

— У него фамилия Тихомиров. Ты вспомни... — Я зажег спичку, чтоб прикурить, но парень быстро шагнул вперед, задул ее:

— Еще подожжешь... Ха-ха-ха... — Он захохотал еще громче, и мне стало не по себе. Я смотрел в его белые глаза и ничего не соображал уже, а хохот не уменьшался. Да и магнитофон шумел, раздирал виски...

— Ты вспомни... Его Славкой звали. Он большую мать на санках возил...

— Кого возил? — Парень нажал на кнопку, и музыка наконец прекратилась. И сразу тишина ударила в уши. Какая радость! Но ненадолго... Парень хмыкнул и нагнувшись на меня. Я не выдержал, отшатнулся.

— А-ах, гад, испугался! — парень затряс лбом, как будто его облили водой. Глаза заблестели. «Да он же... Он же... со сдвигом. — Я стал о чем-то догадываться. — Ну, конечно, конечно, рабочий день сейчас, а он дома...» Но парень прервал мои размышления. В руках у него был обломок доски. Подбородок опять задергался:

— А ну брось! Брось сейчас же, псих! — Я закричал на него и опять не узнал себя. Вроде бы я кричу, а вроде кто-то другой.

— А ну брось! Убери руки!

— Я тебе уберу... — Голос у него стал опадать, замедляться, но губы все еще не сжимались, подрагивали, и между ними билась синеватая змейка.

— Ты перестань. Успокойся... Давай успокойся... Начал я просить его, уговаривать, и, странное дело, он подчинился. Лицо сделалось совсем бледное, даже мучное какое-то. И мне уже было жаль его. Нестерпимо жаль... До гнетущей боли в висках, до сердцебиения, но разве поймет он, разве поймет...

А через минуту я уже опять шел по дороге. Хотелось забыться, хотелось отвлечь себя, но ничего не выходило — болела душа. А ноги все равно куда-то шли, торопились, и скоро я уперся в маленькое, заросшее осокой и камышом озерко. «Неужели оно, неужели это Славкино озеро?» И сразу в памяти зашпещил, заторопился на волю его восторженный голосок: «У нас в деревне такое озеро. Вода, как небо. Голубая жемчужина!» И сразу хлынули, обступили меня со всех сторон те далекие люди, те далекие дни. Они стояли возле меня, как живые, только протяни руку — дотронешься... Даже слышно дыхание их, голоса... Но это длилось недолго. Набежал ветер, и под ветром ожили камыш и осока. И эти звуки отвлекли меня, разбудили. «Но где же ты, Славка? И где же твое озеро и твои березы?» Я огляделся по сторонам. Везде, во все концы катилась ровная пологая степь. И на этом плоском бесконечном пространстве стояли черные островки прошлогодней соломы. Я стал считать их и сбился. Да и зачем... И зачем мне те далекие дни...

Ах, время, время... Что же это такое? Я поднял глаза, потому что почудилось: сверху смотрит кто-то живой. Так и есть. На меня смотрела большая синяя туча. Она шла с южной стороны, и края ее на глазах набухали, темнели, и в этом темном беззвучно сверкали молнии. Я повернул в деревню.

Улица была пустая, безлюдная, даже собаки попрыгались. Я пошел побыстрее. Вот и снова этот переулочек, вот и поленица дров, вот и крыша под светлым шифером. «Может, еще раз пойти туда, поспрашивать... Но нет, нет! — Все содрогнулось во мне и сразу заныли виски. — Да и был ли он, Славка-то? — усмехнулся я сам над собой. — Кого ты ищешь-то? Кого потерял?» Но никто не давал мне ответа, никто и не слышал слов. И ни улица, и ни близкая степь, и ни ветер... «Да был ли ты? Был ли...» — шептала душа. И вдруг ветер откликнулся. Он налетел на меня плотной стеной, и скоро начался шумный, веселый июньский дождик.

АРМЕЙСКИЕ СОБАКИ НЕ БОЯТСЯ ГРОХОТА
ВОЕННОЙ ТЕХНИКИ.

Константин ДАНОВ

Мы лежали в придорожных кустах и, затаив дыхание, ждали. Украдкой поглядывали на часы: еще сорок секунд... Кого же выберет командир? Тридцать секунд, двадцать пять... И вот, когда все другие звуки приближающегося локомотива, раздастся команда: «Пускайте Альфу!»...

Альфа, неброская, но очень ладная немецкая овчарка, быстро вскарабкалась на железнодорожную насыпь. Рывок зубами за кольцо, и, сбросив выток на рельсы, метнулась вниз, в кусты.

Взрыва мы не услышали. Вместо тола выток был набит опилками. «Взрыв» на железной дороге был учебным. Так курсанты центральной военной ордена «Красной Звезды» школы младших специалистов караульной службы вместе со своими четвероногими друзьями из собачьего питомника «Красная Звезда» отработывали элементы боевого применения собак. Во время Великой Отечественной войны тем же самым способом собаки успешно пускали под откос вражеские эшелоны.

ШКОЛА ВЕРНЫХ

Историческая справка. Первый приказ РВС СССР о создании специальной организации военного собаководства в Красной Армии появился 23 августа 1924 года: «В целях проведения опытов по применению собак в военном деле... организовать в г. Москве при Высшей Стрелково-Тактической школе Центральный учебно-опытный питомник-школу военных и спортивных собак для целей разведки, связи, сторожевой и санитарной служб в войсках и окарауливания военных складов в помощь сторожам...»

Так было положено начало организации собаководства в Красной Армии. ...На полигоне идут занятия. Молодняк осваивает общий курс дрессировки, а мы наблюдаем за действиями взрослых, получивших «высшее» образование псов.

Немецкая (восточноевропейская) овчарка Дунай в защитном костюме из блестящей ткани, в противогазе, обвешанная всевозможными датчиками,

проникает в горящий дом. Это так называемая дозиметрическая служба. Заодно Дунай спасает из огня «ребенка».

— Дунай не только дозиметрист и спасатель, — рассказывает его вожатый ефрейтор Виктор Лесовой, — он еще и в разведку ходит. Замечательный пес!

Затем ризеншнауцер Джин и рядовой Михаил Линьков задерживают «нарушителя» в толстом стеганом ватном халате. Они идут навстречу друг другу — Линьков с Джином и человек в халате. «Преступник» неожиданно заносит над Михаилом «нож». Джин тут же взлетает в воздух и повисает у него на руке, перехватив зубами запястье. Деревянный нож уже у Михаила. «Стой, — командует он. — Руки вверх!»

Потом будет обыск задержанного, попытка к бегству, задержание (Джин прыгает беглецу на спину и сбивает его с ног), еще одна погоня со стрельбой... Рядовой Линьков и его черный Джин свое дело знают. «Нарушитель» не уйдет. Джин — один из немногих псов,

способных в прыжке сбить всадника с лошади, мчащейся галопом.

А навыченный грузом «взрывчатки» Рекс тем временем ползет под танк — таким способом собаки уничтожили во время Великой Отечественной войны более трехсот вражеских «тигров», «пантер» и «фердинандов».

Снаряжая собаку под танк, боец знал, что отправляет ее на верную смерть: собаки взлетали на воздух вместе со взорванной техникой. «Было тяжело, ведь мы успевали к ним привязаться, — вспоминает участник тех боев, ныне директор музея боевой славы Центральной школы-питомника Г. И. Бортников. — Но шла битва, в которой гибли миллионы людей, и жалеть собак мы не имели права».

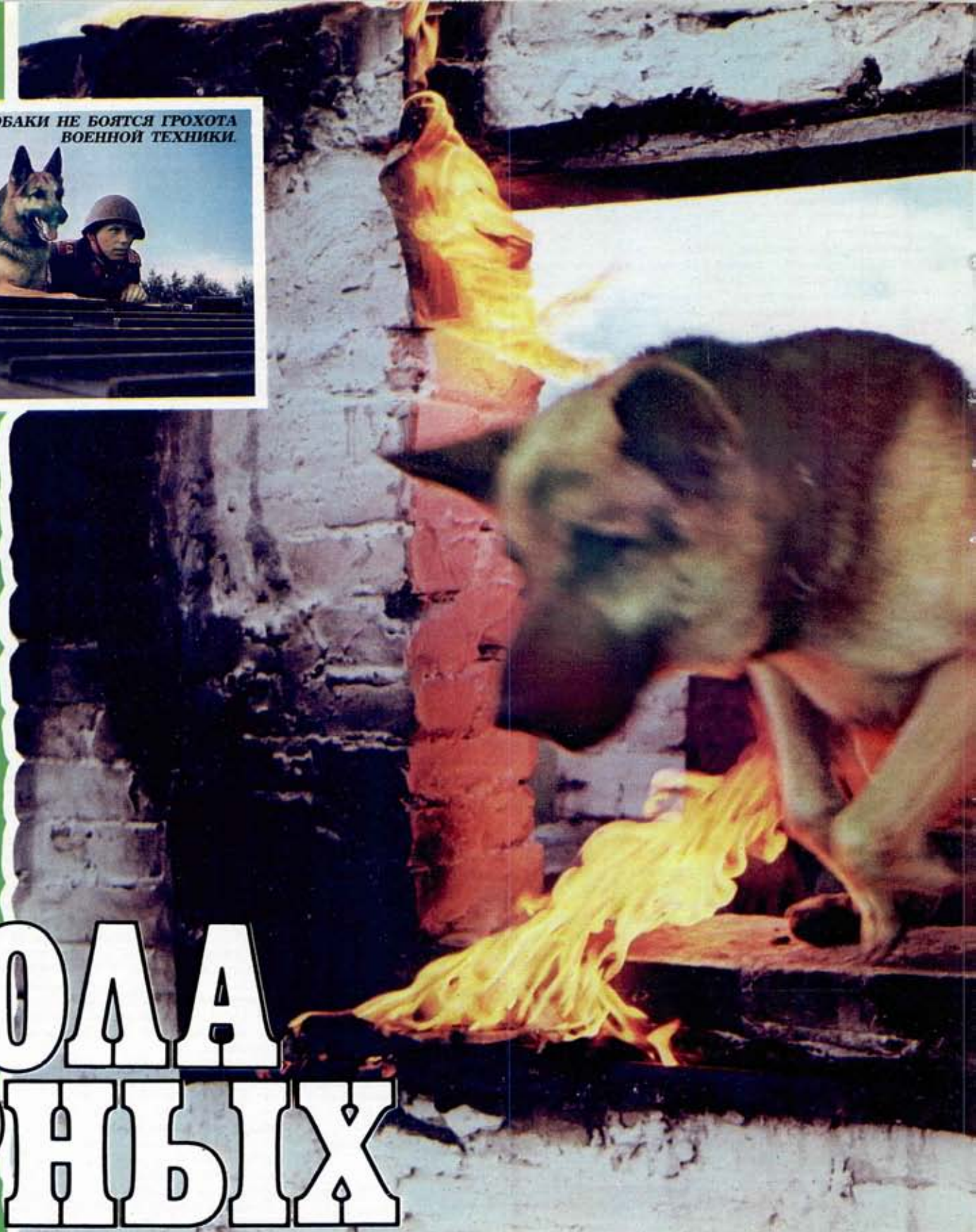
На боевом счету подразделений военного собаководства свыше 200 тысяч боевых донесений, доставленных в обстоятельствах, когда других средств связи не было; более 600 тысяч вывезенных с поля боя тяжелораненых. Чет-

вероногие саперы обследовали заминированную противником территорию площадью более 15 тысяч квадратных километров. Они участвовали в разминировании 303 городов и населенных пунктов, 18 394 зданий, обнаружив свыше 4 миллионов мин.

Не случайно в параде Победы на Красной площади принял участие и полк военного собаководства. Во главе колонны шел один из организаторов применения собак на войне, генерал-майор Г. П. Медведев.

Более шестидесяти лет жизни отдал Григорий Пантелеймонович Центральной школе. Он и сейчас часто приезжает сюда, беседует с молодыми воинами, передает им свой богатейший опыт, помогает готовить собак к показательным выступлениям.

После войны число собак в стране резко сократилось. Генерал получил приказ: вывести новые отечественные породы. Опыт применения их на полях сражений дал специалистам ясное

АКРОБАТИЧЕСКИЙ ЭТЮД С РИЗЕНШНАУЦЕРОМ.

Благодаря их усилиям на свет появились и завоевали большую популярность черный терьер, водолаз, московская сторожевая...

Вместе с Григорием Пантелеймоновичем заходим в племенной питомник. Останавливаемся у московских сторожевых, или, как их называют для краткости, «москвичей».

— Смотрите на этого малыша. У него в четвертом поколении сидит Файрам... До сих пор не могу забыть этого отважного пса.

Файрам нес в ту ночь караульную службу у складов. Преступник знал, что склады охраняются, и был вооружен. Но такой развязки он не ожидал.

Файрам моментально сбил бандита с ног. Тот пустил в ход остро заточенную стамеску, нанес Файраму множество ранений, выколол глаз, пробил череп. Но собака не разжала челюстей.

Около двух месяцев боролись врачи Центральной школы-питомника за жизнь Файрама. И все-таки вернули его в строй. Ослепнув на один глаз, Файрам не потерял свои рабочие качества и исправно нес караульную службу до самой «пенсии».

В конце рабочего дня в школе устроили показательные выступления питомцев. Черный терьер Цорн разгуливал по буму, держа в зубах корзинку, в которой совершенно спокойно сидел котенок. Барс, среднеазиатская овчарка, без видимого напряжения поднимался по вертикальной лестнице на пятиметровую высоту и там, наверху, на крохотном пятачке кружился в вальсе. Ефрейтор Игорь Дудкин выступил сразу с пятью собаками, которые синхронно выполняли его команды. А потом выехал всадник на лошади в сопровождении целой своры оглушительно лающих псов. Так начинают тренировать молодняк, развивают у собак выносливость, скорость бега. Пройдут месяцы, и молодые собаки станут верными, незаменимыми помощниками военных людей в их трудной службе.

представление о том, какими должны быть эти собаки.

— Для различных видов служб в армии и народном хозяйстве требовались собаки, обладающие целым комплексом полезных качеств,— рассказывает Г. П. Медведев.— Они должны были быть крупными, сильными, неприхотливыми, выносливыми, с хорошим чутьем и крепкими нервами, осторожными, способными стойко сохранять и передавать по наследству навыки, быть преданными своему вожатому...

Ни одна из имевшихся в стране пород полностью эти требования не удовлетворяла. Даже, казалось бы, универсальная немецкая (восточноевропейская) овчарка—и та не выдерживала условий Крайнего Севера.

Более трех десятилетий специалисты «Красной Звезды» под руководством генерал-майора Медведева ведут кропотливую селекционную работу.

ПОМОЩНИКИ МИНЕРОВ.

ЧЕТВЕРОНОГИЕ САНИТАРЫ.

ДРУЗЬЯ.

Один из моих собеседников, что называется, с порога отшел тему разговора:

— Мебель для молодежи? Да выдумки все это! Чем она должна отличаться от массовой? Ничем. Пусть молодежь пройдет по магазинам, там есть все, что им требуется, — и хорошие «стенки», и удобные диван-кровати, и кухонные гарнитуры, и многие другие атрибуты домашнего обихода. Были бы деньги...

Генеральный директор производственного объединения «Волгомебель» Анатолий Кириллович Денисенко был не столь категоричен, сказал в начале нашей беседы уклончиво:

— В наших конструкциях мы стараемся учитывать то, что может заинтересовать молодежь: компактность, практичность, нестандартность. Например, Борская мебельная фабрика выпускает подростковую кровать с раздвижными торцами, Сызранская — удобный раскладной стол, Куйбышевский комбинат — малогабаритную детскую мебель...

— Может быть, «Волгомебель» особенно гордится тем, что в изобилии поставляет в торговлю детские стульчики? — усмехнулся директор крупнейшего в области магазина «Дом мебели» Владимир Трофимович Чекулаев. — Вещь, конечно, необходимая, но для молодой семьи нужно в первую очередь не это. Вот мы как-то получили из ГДР около тысячи молодежных гарнитуров «Юниор»: шифоньер, сервант, две кушетки, письменный стол, два кресла. Расхватили в один миг, потому что сделано красиво, компактно и нестандартно. Наши же поставщики никак не могут развернуться в этом направлении. Их ассортимент — унылое однообразие. Покупательским запросам молодежи вообще ноль внимания. Числом поменее, ценою подороже — вот какая у них забота!

Чекулаев уже лет тридцать торгует мебелью и знает, что говорит. Есть у него и конкретные предложения:

— Если, например, говорить о «стенках», то молодежь просит, чтобы они были небольшими и по возможности универсальными. Вот, скажем, одна из модификаций, как я ее себе представляю. В «стенке» для молодой семьи должно быть четыре секции — для верхней одежды, для книг, для белья, для телерадиоаппаратуры. Плюс встроенная в нее полураскладная кушетка с подъемным механизмом и выдвинутой стол, а в придачу — пара недорогих и удобных вертящихся кресел. Могут быть, конечно, и другие варианты.

А что думают по этому поводу сами молодежь? Кстати, в одной Куйбышевской области ежегодно справляют свадьбы около тридцати тысяч молодых супружеских пар. Кто-то из них живет на всем готовом с родителями; многие, однако, получают комнаты в общежитиях для малосемейных, рано или поздно — отдельные квартиры. Существует ли для них мебельная проблема?

— Зайдешь в магазин — казалось бы, все есть, — говорит шофер одного из автокомбинатов областного центра Александр Киреев. — Начнешь искать красивый, компактный и недорогой гарнитур для малогабаритной квартиры, а перед тобой громадные и тяжелые, как мамонты, «стенки», сдвоенные кровати величиной с футбольное поле, неуклюжие платяные и книжные шкафы — и ничего того, что нужно. Повернешься и увидишь носолоно хлебавши. У себя в квартире я сам оборудовал очень удобную и практичную прихожую. Сделал бы и много чего другого, да где достать материалы?

— Набор из шкафа, диван-кровати, стола и нескольких стульев — вот что в первую очередь нужно молодой семье, — считает инструктор комитета ВЛКСМ авиационного завода Алексей Абзитаров. — Мы с женой после свадьбы несколько месяцев искали по магазинам такой дешевый малогабаритный набор, но только зря потратили время. Пришлось покупать в кредит первые попавшиеся разрозненные вещи. И дорого, и не нравится, а что поделаешь?

— Иным молодоженам родители дарят к свадьбе дорогую обстановку, — вздыхает работница Волжского автозавода Татьяна Осколкова. — А мы, когда с Игорем поженились, на первых порах мечтали всего-навсего о симпатичном и недорогом сборно-разборном стеллаже. Поставить бы внизу чемоданы, на верхние полки — книги, магнитофон, разные мелочи. Но нет в продаже таких стеллажей.

— У многих молодоженов возникает проблема: где разместить радиоаппаратуру, — рассказывает молодой металлург Александр Вохминцев. — Кинулись мы с женой в магазины — ничего не нашли. Купил я тогда в комиссионке старый платяной шкаф, сделал из него неплохой и удобный «пенал», туда и поместил магнитофон с колонками, игровые пластины. Приходят в гости друзья, завидуют: «Где достал?» А где достанешь? Нет пока в серийном производстве таких конструкций, чтоб в них нашлось место не только для одежды, белья, посуды и книг, но и специально для телевизора и радиоаппаратуры. Почему — непонятно. Спрос-то ведь есть!..

— Я бы так сказал, — размышляет архитектор Тольяттинского архитектурно-планировочного управления Владимир Буддыгин. — В той мебели, что нам предлагают, нет демократизма, раскрепощенности и динамизма. Ну, наскребет молодая семья на первых порах, предположим, тысячу рублей. Что она купит за эти деньги? В лучшем случае — так называемую «стенку». Втолкнет это громоздкое сооружение в ограниченное пространство небольшой комнаты, и оно задавит весь интерьер. Его секции — от пола до потолка — стоят мертво, не допускают никаких вариантов ни по вертикали, ни под углом. Выдвижных и выкатных элементов нет и в помине. А молодым нужна мебель, доступная по цене и такая, которую легко можно передвигать и трансформировать, создавая из блочно-ящичных модулей новые интересные варианты. Один мой знакомый, например, сам сделал съемно-разъемные стеллажи, установил на полках в живописном расположении кубические ящики из фанеры, время от времени создает из них новые композиции, и смотреть на эту самодельную конструкцию всегда приятно...

Так что мебель для молодежи — это проблема, и у нее глубокие корни. Лет десять назад с ней вплотную столкнулся, кстати сказать, и нынешний генеральный директор «Волгомебели» А. Денисенко (правда, работал он тогда в другой организации). Не располагая крупными средствами, а главное — не отыскав в магазинах того, что было нужно, Анатолий Кириллович сам взялся за дело. Целый год понадобился ему,

НЕУВАЖ

Что волнует молодых

Мебель для молодежи. А есть ли она? Нужна ли она? Если нужна — кто отвечает за ее производство? Что думают по этому поводу

чтобы раздобыть материалы и соорудить в своей квартире многовариантный удобный шкаф во всю стену. С тех пор повзрослела и зажила самостоятельной семейной жизнью его дочь, которая просит теперь: «Папа, сделай и мне такой же».

Проблема была и остается. Правда, в областном центре имеется небольшая «отдушина»: производственное объединение «Куйбышевгормебельбыт» ежегодно изготавливает на полмиллиона рублей нестандартной мебели по индивидуальным заказам населения — приносит эскиз, растолкуй свой замысел и жди открытку с уведомлением. Но у этого объединения не хватает площадей, мощностей и рабочих рук, плохо со снабжением (бытовика в этом отношении вообще как пасынки у недоброй мачехи). Отсюда и очереди, и долгие сроки выполнения заказов, и их высокая стоимость. Да и существует эта «отдушина» пока только в Куйбышеве. От иногородних заказы не принимают: управиться бы с теми, что поступают от «своих». А как быть живущим в Тольят-

ти, Новокуйбышевске, Сызрани, Чапаевске и других городах, не говоря уже о селах?

На территории области — пять мебельных предприятий. Может быть, стоило бы создать при них участки для изготовления нестандартной мебели по заказам населения, в том числе молодоженов?

— Да вы что? — отвергает подобную мысль генеральный директор «Волгомебели» А. Денисенко. — Во-первых, это совершенно не входит в наши обязанности — пусть бытовики ломают голову над такой проблемой. Во-вторых, с экономической точки зрения это нам невы-

ДЕМЫ ДА

Рисунки
Сергея
БОГАЧЕВА

молодые семьи? Как они выходят из положения? За ответами на эти вопросы выехал в командировку наш корреспондент.

годно. Гораздо выгоднее серийно выпускать небольшой ассортимент рентабельных изделий с наименьшим числом типоразмеров. В прошлом году мы на этом получили 800 тысяч рублей сверхплановой прибыли. Чем плохо?

Неплохо, конечно. Восемьсот тысяч на дороге не валяются. Но не валяются там и мебель для молодых семей! Многие, с кем довелось разговаривать на эту тему, предлагают открыть в Куйбышеве и Тольятти — самых крупных городах области — специализированные магазины «Мебель для молодежи», наладив там продажу не только готовых изделий, но и мебельных деталей, полу-

фабрикатов, некондиционных отходов, фурнитуры и т. д. Эту идею поддерживает и директор Сызранской мебельной фабрики А. Анастасиев.

— Если открыть специализированные магазины, — считает Альберт Андреевич, — это подстегнет и торговлю, и промышленность к более решительным действиям. Многих, в том числе и наш коллектив, заставит думать, искать решение проблемы.

Студенты архитектурного факультета Куйбышевского инженерно-строительного института, молодые дизайнеры Волжского автозавода, многие другие энтузиасты предлагают: «Давайте проведем областной конкурс на лучшую молодежную мебель, устроим выставку наиболее интересных и перспективных образцов, а промышленность пусть потом осваивает изготовление самых удачных модификаций!»

— Нет! — категорически возражает А. Денисенко. — Наша отрасль не полигон для подобного рода самостоятельных экспериментов. И в создании специ-

ализированных магазинов «Мебель для молодежи» я тоже пока не вижу смысла. Мы не готовы к этому, понимаете? Что будем поставлять туда, какие изделия, в каком количестве? Надо же сначала изучить это дело как следует, согласовать в вышестоящих инстанциях, прежде чем принимать решение. А то разведем «партизанщину».

Изучать и согласовывать, конечно, надо — никто не спорит. Но как долго? Годами, десятилетиями? Можно найти тысячи отговорок, сослаться на то и на это, отгородиться инструкциями и «спецификой производства». А проблема тем временем будет расти, обостряться.

Столь же «непрístupной» казалась куйбышевцам три с лишним года назад и проблема молодежной одежды. Обком комсомола тогда проявил инициативу и активно взялся за создание в областном центре и городе Тольятти специализированных магазинов «Товары для молодежи». В то время тоже хватало всяческих возражений. Многим руководящим товарищам казалось: рано, нет для этого материальной базы. Магазины, однако, по настоянию комсомольцев и при поддержке партийных органов были созданы и по сей день успешно выполняют возложенные на них функции. Магазин в Тольятти имеет даже демонстрационный зал.

Значительную часть модных изделий для этих торговых точек создает областная Дом моделей. Раньше деятельность Дома жестко регламентировалась и полностью зависела от воли вышестоящих инстанций, которые находятся в Москве. Теперь ему предоставлено право самостоятельно, без согласования со столицей, разрабатывать и запускать в производство новые модели, а цены на них утверждать в облисполкоме. Это многократно сократило путь от разработки новинок до поступления их на прилавки.

Трудно было перестроить на новое дело трикотажную фабрику с ускоренным там консерватизмом, привычкой работать на некоего усредненного потребителя, неумением чутко отзываться на требования сегодняшнего дня и прогнозировать день завтрашний. Сумели, однако, повлиять и на это предприятие. Фабрика теперь поставляет в специализированные магазины много модных молодежных изделий, в том числе такой ходовой товар, как футболки и майки с интересной и разнообразной символикой. Естественно, и

торговые базы учитывают специфику таких магазинов — дают сюда то, что пользуется повышенным спросом у молодых покупателей.

По комсомольской инициативе в Куйбышеве открыто также специализированное ателье для пошива модной одежды по заказам молодежи. От заказчиков нет отбоя. Такие ателье в скором времени появятся в Сызрани, Тольятти и Чапаевске. Готовятся к открытию специализированные магазины и комплексы «Товары для молодежи» в Большечерниговском, Борском, Ставропольском, Шигонском сельских районах.

Проблемы, как видим, решать можно, если браться за них основательно и заинтересованно. Тут, конечно, и руководителям торговых организаций следует быть понапористей, усилить требовательность к промышленности за организацию и увеличение выпуска недостающих в продаже товаров, особенно недорогих... Мебель для молодых семей как раз относится к числу таких товаров. Торговля, однако, не поднимает эту проблему выше уровня пустых разгово-

ров. Ей тоже выгодно выполнять план тысячерублевыми «стенками» и прочими дорогостоящими предметами домашнего обихода.

Что касается мебельщиков, то задача для них, конечно, непривычная, дорога к ее решению непроторенная, и, что греха таить, много на ней рытвин и ухабов. Лет десять назад у мебельных фабрик отобрали право самостоятельного, с учетом местных условий, разрабатывать образцы новых изделий и запускать их в производство. Своих КБ на фабриках теперь иметь не положено. Выпускать приходится то, что прикажут Министерство лесной, целлюлозно-бумажной и деревообрабатывающей промышленности СССР и Всесоюзный проектно-конструкторский и технологический институт мебели (ВПКТИМ). «А с этим институтом свяжешься — рад не будешь, — сетуют производители — Закажешь ему художественно-конструкторскую разработку какого-то нового изделия, заключишь договор, уплатишь немалые деньги — и сиди, жди. Тонет дело в рутине всевозможных согласований. В результате от начала разработки до внедрения новинки в серийное производство проходят не месяцы — годы! А уж о выпуске молодежной мебели ни в министерстве, ни в институте и думать не думают...»

Все это я слышал и от руководителей мебельных фабрик, и от генерального директора «Волгомебели» А. Денисенко. Между прочим, в просторном кабинете Анатолия Кирилловича на видном месте висит лист ватмана, где крупными буквами начертано мудрое изречение: «Хочешь сделать — найдешь средства, не хочешь сделать — найдешь причины».

Они, эти причины, как спасительный щит, за которым можно укрыться от необходимости решать любую проблему, оправдать безынициативность, тихонько дожидаться, пока сверху спустятся соответствующие указания и «разжуют», как их надлежит выполнять. Но время-то требует иного подхода.

Ситуация, впрочем, такова, что о выпуске молодежной мебели и широком применении в ней дешевых, в том числе нетрадиционных, материалов — пластмассы, стекла, металла, пенополиуретана — надобно думать не только непосредственным изготовителям, но и тем, кому они подчиняются. — Минлесбумпрому СССР и ВПКТИМу. Коль скоро эти инстанции взяли на себя функции полномочных законодателей мебельной моды и держат свои предприятия в ажурных рукавицах, то с них, естественно, и спрос в первую очередь. Поэтому мы хотим задать им от имени наших читателей всего один вопрос:

Что конкретно делается для того, чтобы молодые семьи уже в ближайшее время смогли обставить свои комнаты или малогабаритные квартиры доступной по цене, красивой, удобной, практичной и во всех отношениях современной мебелью?

Обращаемся и к вам, уважаемые читатели:

Каким требованиям, на ваш взгляд, должна соответствовать мебель для молодых семей? Если вы сами занимаетесь изготовлением мебели, так сказать, по принципу «Сделай сам», расскажите о своих успехах и трудностях в этом деле, поделитесь опытом, дайте совет.

Ждем ваших откликов!

Отечество

Одной улыбки взаш

**Ирина СТИН,
Анатолий ФИРСОВ.**
Фото авторов

Что за люди сотворили эти чудные искусства? И легко ли появляются на свет сказочные домики, и летучие колесницы, и скульптуры, словно живые? Нет. И не только творческие муки несет необычное занятие, но и часто непонимание и даже неодобрение окружающих, нередко людей самых близких: разве по дому пыль, стружки, краски, а толку? Потерянное время и деньгам убыток! Обыватель силен своим мнением. Но пусть он не пугается. Все пенсионеры за кисти не схватятся, большой художественный переворот не случится. Только немногие, в которых горит страсть к любимому ремеслу, удержат инструмент в руке и веру в душе.

Один мастер так объяснил: «Это — навроде инерции: с молодости взял разбег — умения, сноровки, хитростей разных набрался, остановиться не хочешь, а тут — стоп! — пенсия. Нет, думаешь, я чего-то главного не сделал, не крикнул свое людям».

Подойдите к дому Тобиена в Суздале:
— Петр Павлович, мол, дома ли ты?

И тотчас выйдет улыбочивый Петр Павлович в синем своем халатике, обтирая руки вполыхах, от дел отозванный.
— А что, мол, Петр Павлович, сейчас делаешь?

И, виновато улыбаясь, скажет мастер: «Пойнтера расписываю». Или: «Глухаря вырезал».

Поднимите голову, оглядите это чудо — дом Тобиена! От основания до крыши и сама крыша украшены разной разностью: сороки, глухари, дикие утки, лиса и заяц, собаки и охотники, букеты цветов — все вырезано из жести, раскрашено и со вкусом расположено. А забор и стены сарая и гаража картинами светятся, писаны те картины маслом.

— На что тебе все это? Безделушки эти?

Не может ответить добрейший Петр Павлович. А мы знаем: душа его красота просит, вот дом и расцветает...

В Ростове Великом заглянем в «берлогу медведя-одиночки», как сам себя называет мастер Королев.

— Михаил Дмитриевич, здоров ли?

Есть у него жилая комната — светлая, сухая, но вся жизнь протекает в толстенных стенах бывшего купеческого склада, где окна как амбразуры, в сумраке табачного дыма. Здесь Королев в своем «королевстве». Нет тут женского духа — салфеточек, занавесочек, нету даже обедов — всего того, чем по-

В МАЛЕНЬКОЙ МАСТЕРСКОЙ
РОЖДАЛИСЬ УДИВИТЕЛЬНЫЕ СКУЛЬПТУРЫ
МАСТЕРА В. Н. ЗАЗНОБИНА.

В. Н. ЗАЗНОБИН. «СТАРУХА».

ГОРДЫЕ КОНИ, ГОРДЫЕ
ВСАДНИКИ — КОМПОЗИЦИЯ
МАСТЕРА М. Д. КОРОЛЕВА.

МАКЕТ КРЕМЛЯ
РОСТОВА ВЕЛИКОГО —
ЭТО СЕМЬ ЛЕТ ЖИЗНИ
МАСТЕРА А. Д. КОРОВКИНА.

вседневно счастлив семейный человек. «Я не встретил этой дамы!» — говорит Королев, а в голосе слышна печаль. Но горд и дерзок мастер и сочувствия не терпит. Свои первые работы возил на тачке на базар. Но не на продажу — на осмотрение. «Чтобы люди, а детишки особенно, за машинным-то мельтешеньем лошадь не забыли».

Когда же мы у него одну из диковин купить захотели, денег не брал, бросал их обратно: «Я не для денег! Не для денег!» И почти плакал. И скажут неукротимые кони под могучими всадниками — все герои. По мысли автора, тот — Болотников, тот — Ермак, покоритель Сибири, тот — Степан Разин, а этот — Петр I.

Смотрит хозяин гордо — никто ему не указ, никто не помеха. Тут и сам он, как полководец среди воинства, тут вся его душа, все страсти и мечтанья...

Зачем бы, например, слесарю Андрею Дмитриевичу Коровкину, уроженцу того же Ростова Великого, долгие семь лет, с того самого дня, как проводили его на пенсию, ходить с карандашом и блокнотом, занося туда все древние строения родного города? Оказалось, мечта у него давняя и решение твердое — успеть сделать своими руками макеты всех памятников города, с учетом масштаба и всех особенностей линий и декора. И сделал. Семь лет положил, а сделал.

— Я еще загодя присматривался, думал: неужели, как стану пенсионером, усядусь на лавочке в домино стучать? Нет, решил, силы еще есть, надо сделать что-нибудь умное, полезное людям.

И теперь в сухие погожие дни выходит Андрей Дмитриевич на улицу, выносит специальные козлы, расставляет макет и ждет туристических автобусов. Остаются, народ высыплет, смотрят, ахают и дальше едут. А мастеру только того и надо — других порадовать.

Коль уж взялись мы познакомить читателя с удивительными рукодельниками, не можем не упомянуть добрым словом и двух ушедших мастеров.

Сергей Николаевич Дормидонтов, тихий шорник. Семья его жила с ним в согласии. И жена, и дети, и внуки — все с интересом ждали рождения новой упряжки. Из проволоки, пластилина, клеенки, кожи мастерил лошадей, оснащал их полной упряжкой, запрягал в тарантас, кибитку, карету или ландо — смотря по замыслу.

— И лисоры делаю, чтоб мягко было ехать, и фонари, чтоб освещали. По моей упряжке и сбрую, и экипаж настоящие можно делать. Шорник я, мыльные, шорник. Сколь лошадок-то, можно сказать, обшил-обрядил!

Умер мастер тихо, как и жил. И стоят его лошадки — не на дыбах, не такие

страстные и могучие, как у Королева, а ухоженные, веселые, с бубенцами и розами на дугах — на долгую и красивую жизнь...

Владимир Николаевич Зазнобин. Он потомственный крестьянин, плотник. За долгую жизнь сорок две избы поставил. Это не считая колодцев, бань, амбаров, мосточков, крылец. Четыре полных года войны прошел он также с топором, пилой и подпилком, устанавливая блиндажи, ходы сообщения, наводя мосты, словом, делая всю плотницкую работу, которую война потребовала.

Деревянной резьбой занялся в мирное время, решил украсить свою избу. Потом принялся резать скворечники, флюгера, потом — отдельные фигурки и, наконец, целые бытовые сцены. Был Владимир Николаевич истово трудолюбив. Взявшись за дело, всегда доводил его до возможного совершенства. Трудно теперь и перечислить все созданные им композиции — их около ста. А так как создавал он их с многократными вариантами и повторами, можно предположить, что в музеях и коллекциях находится теперь около тысячи его работ. В этом году Союз художников решил провести в Москве выставку резьбы по дереву, на которой среди других будут представлены произведения Зазнобина, и все мы, его друзья и ценители, снова полюбуемся богатством, оставленным им на радость людям...

Если в городе мастера непременно отметят, то в глуши Угличского района Ярославской области, в Заозерье, где чужой человек редкость, некому и оценить то, что творит Николай Николаевич Бородулин. Он жестящик. Да не простой — художник, виртуоз. Каких только кружев не нарезал, каких цветов, подзоров, дымников, наверхий, корон не насажал на крыши, водостоки, ворота и беседки! К делу своему мастер имеет горячую страсть. А вот жена его, женщина серьезная, строгая, бесцельных страстей не понимает и очень оскорблена мужчиной необстоятельностью. Однако страсть есть страсть. Помните, мечтал он сделать колодец «с кумолой, резьбой и шпилем». Надо обязательно поехать, посмотреть. Ведь сделал, конечно!

Друг его детства, Иван Григорьевич Налимов, тоже здесь живет, в лесу Заозерья. Некому им с Бородулиным своим творчеством похвастать. Не едут сюда музейщики, а зря. На своем огороде расставил Иван Григорьевич рукотворные домики — дворцы, палаты.

Окончание на IV обл.

Небольшое местечко Бредлоуф, что в американском штате Вермонт, не всегда обозначается на географических картах, но зато занимает особое место на литературной карте Америки. Рядом, в горах, жил каждое лето в скромном рубленом доме один из крупнейших поэтов XX века Роберт Фрост (1874—1963), который еще при жизни был признан и едва ли не канонизирован поэтическим и читательским миром. И, конечно, не случайно, что именно в Бредлоуфе в течение многих лет проходят литературные конференции, собирающие многих крупнейших литераторов.

Минувшим летом состоялся здесь и первый американо-советский симпозиум по литературе и искусству для детей и юношества. На этом симпозиуме мы обсудили с американскими коллегами проблемы влияния литературы, кино, телевидения, музейного дела на воспитание детей в наших странах. Посещая десятки начальных и средних школ и встречаясь с американскими детьми и их воспитателями, мы рассказывали им о советской школе, о творчестве наших ребят, об эстетическом воспитании детей, о борьбе молодежи СССР за мир и взаимопонимание. Рассказывали, конечно, и о том, как широко издаются в Советском Союзе произведения классиков американской литературы, какую

роль в формировании мировоззрения подрастающих поколений играет знакомство с высокохудожественными произведениями литератур разных народов. Мне было особенно приятно сообщить, что и в журнале «Смена» публикуются рассказы американских писателей, недавно был напечатан материал об американском музыкальном театре для детей и юношества (№7), а в портфеле редакции есть новые переводы стихов Роберта Фроста.

Предлагая их вниманию читателей, мне хочется повторить то, что я говорил на встрече с американскими коллегами: самый короткий путь к сердцу взрослого человека лежит через сердце его ребенка, и если мы хотим усовершенствовать мир, мы должны главные, быть может, усилия общества обратить к растущему человеку, к воспитанию в нем важных нравственных устоев, влияя через него и его формирование на взрослую часть человечества. Поэзия таких великолепных художников слова, как Роберт Фрост, является непреходящей духовной ценностью для всех людей мира, мечтающих жить в мире.

Альберт ЛИХАНОВ

РИФМЫ СКАЖУТ ОБО МНЕ

Роберт ФРОСТ

Гора

Гора как туча накрывала город,
Я долго вглядывался перед сном,
Но запад был без звезд — там, где гора
Громадой черной врезывалась в небо,
Она стеной мерещилась глухой,
Которой был я защищен от ветра,
Хотя меж ней и городом нашел,
Когда я утром вышел на прогулку,
Поля и реку и опять поля.
Река уже успела обмелеть
И в валунах лениво клохотала,
Но виделись еще следы безумств:
Овраги и песчаные наносы,
Кой-где топляк с ободранной корой.
Мост перейдя, я двинулся по склону
И встретил человека на телеге,
Волами запряженной, он тащился
Так тихо, что не грех остановиться.

«Что тут за город?» «Это? Луненбург».

Так я ошибся: тот, где снял я номер,
За речкой, не был городом горы,
А лишь дышал ее ночью мглою.

«А где деревня ваша, далеко?»

«Здесь ни одной деревни, только фермы.
От силы шесть десятков голосов
На прошлых выборах. Да и теперь нас
Не многим более: все заняла
Вот эта штука!» — ткнул он кнутовищем.
Гора стояла там, куда он ткнул:
По склону пастбище взбиралось в гору,
Потом вздымался частокло стволы,
Потом взмывали кроны, а потом
Безлистые утесы громоздились.
Кривой овраг, покрытый сушняком,
Вел к пастбищу.

«Похоже на тропинку.
Могу я здесь забраться? Не теперь,
А как-нибудь при случае, попозже,
Я должен к завтраку еще успеть».

«Я не советую вам подниматься
По этой стороне. Здесь нет тропы.
А те, кто поднимались, шли от Лэддов.
Миль пять назад. Да вы найдете сразу,
Зимой там раскорчевали склон.
Мне не туда, а то б я проводил вас».

«А вы взбирались?»

«Я бывал на склонах,
Ловил форель. Там есть один ручей,
Так он берет начало, как я слышал,
На гребне, удивительное дело.
Но удивительней всего, что он
Холодный летом, а зимой теплый.
Вы поглядели бы в морозный день:
Он весь дымится, как воловьье стадо,
Пока кусты по берегам его
Морозные колючки не усеют
На целый дойм. И солнце выйдет вдруг!»

«Весь мир, наверно, можно увидеть
С такой горы, не будь она лесиста
До верхних скал». — Я видел сквозь листву
Гранитные террасы и уступы,

Где можно стать коленом и стопой,
Когда в сто футов пропасть за спиной,
И повернуться, и присесть на край,
И вдаль взглянуть, а под рукой щитовник.

«Я знаю только то, что там есть ключ
И бьет он, как фонтан, на самом гребне.
На это стоит глянуть».

«Раз он там,
Так вы его не видели?»

«Не видел.
Но он на самом гребне, это факт.
Ну, может быть, не на самом, а рядом:
Чтоб был напор воды, он должен быть
Немного ниже, а тому, кто снизу
Взбирается по склону на скалу,
В листве он долго может быть не виден.
Я как-то парня попросил взглянуть
И рассказать, какой он в самом деле».

«И что сказал он?»

«Высоко в горах,
В Ирландии, есть озеро, сказал он».

«Ну, озеро — другое. Что с ключом?»

«Он влез, но не настолько, чтоб увидеть,
И вам не стоит подниматься здесь.
Он шел отсюда. Мне всегда хотелось
И самому взглянуть на этот ключ:
Не трудно вроде на гору подняться,
Вблизи которой протрубил всю жизнь.
Да как пойду? В комбинезоне с палкой,
Как за коровами привыв ходить,
Когда они спускаются для дойки?
С ружьем, как на медведя-шатуну?
Нет, просто так — едва ли заберешься».

«Я не полез бы, если б не хотел.
Что просто лезть? А как она зовется?»

«Мы называем Ор. Не знаю, так ли».

«А долго обходить ее кругом?»

«Вы будете идти вокруг горы,
Все время оставаясь в Луненбурге.
Вот все, что можете. Граница стерта.
Ор — это город, город — это Ор
И несколько домишек у подножья,
Как валуны, скатившиеся вниз
Чуть дальше остальных».

«Вы говорите,
Студеный в мае, теплый в декабре?»

«Не думаю, чтобы вода менялась.
Мы с вами знаем, что она тепла
В сравнении с холодом, как и прохладна
В сравнении с теплом. Как посмотреть».

«И вы всю жизнь живете здесь?»

«С тех пор,
Как Ор не больше был...» — Я не расслышал
Последних слов. Он стеганул волов
Легонько так, прикрикнул и поехал.

Золотые Геспериды

Взял Мэттью Хейл дичком ее, а плод
Она на пятом году завязала;
Приветив пчел, стяхнула цвет и вот,
Три черенка оставив, в тот же год
И понесла и, не таясь нимало,
Качала их и к свету поднимала.

Когда, клонясь под тяжестью своею,
Не в небеса глядели, а скорее
На землю, вниз, как будто напоказ.
— А ну-ка, — Хейл сказал, — что тут у нас?
И два нашел (будь зрение острее,
Нашел бы три). И пара в самый раз.

Сын Мэттью, тоже лет пяти, и сам
Уже наладив тайные визиты,
С отцовских плеч представлен был плодам:
— Не рви зеленых, скиснут от обиды.
А чтобы слаще были, я им дам
Их имя: Золотые Геспериды.

Теперь, когда он шел кормить свинью
Или доить корову, он сначала,
Еще роса по башмакам бежала,
Шел к яблоне. Она дорожке стала
Любой скотины, на живом клею
Качая плоть дочернюю свою.

Давным-давно они качались тройней —
Еще одно, и Мэттью стал спокойней
За них перед Судьбою-градобойней
И плододожоркой, ибо эти три
Могли удостоверить изнутри:
Их имя верно, что ни говори.

Так вплоть до заморозков он берег их.
Но в день, когда листва уже легла
И падалица гнила на дорогах,
Пора взыскать свое, все дело в сроках,
Подумал он. Возьму, и все дела.
И увидал их посреди стола.

Всклянь золотых, как загадал весною.
А в сад пришел и обмер: что за бред?
Ни яблочка. Ни так, ни на просвет.
А дереву как будто дела нет.
Тут Мэттью Хейл, одетый в выходное,
Услышал колокол над головою.

И, как стоял, не смея проклинать
Обидчиков, под мерный звон церковный
Он, ослепленный яростью греховной,
Ударил шляпой оземь — наплевать! —
И с наслаждением стал ее топтать,
Пока она как блин не стала ровной.

И вдруг остыл и устыдился сразу,
Когда узрел окрестные сады.
То грех, вмененный некогда Ахазу
(Был смысл его едва ли явлен глазу):
На дерево смотреть и на плоды,
Молясь им. Далеко ли до беды?

Господь лишь видел танец беснованья,
Он сделал так, чтобы никто не мог
Хоть в шутку бросить гордецу упрек.
И случай этот не занес в Писанье;
По сей причине Мэттью дал зарок
Быть осмотрительней в негодованье.

После ливня

Пусть ливень льет проливной,
Пусть трудятся впрок осадки.
Но что с того? Перегной
Осядет с водой в распадке.

Как мир, этот дождь непрост,
Поливом идя по фермам,
Взимает за буйный рост
Последующим ущербом.

И дальний ущерб, он впрок,
Ведь все,
что вчистую сгнило,
Источится в порошок.
Когда же со слоем ила

Сад к морю весь отойдет.
Удар—и вершина канет
С горою в пучину вод,
И бездна вершиной встанет.

Тогда я на склон другой,
Бог даст, перейду и в гору
Недавней пойду тропой
Под солнцем искать опоры.

И лемех-землеворот
На пахоте огородной
В земле инструмент найдет,
Сточившийся,
но добротный.

И пусть мой удел и впредь,
Не раз повторюсь от века,
Даст силы все претерпеть,
Что спросится с человека.

Зимним вечером у леса

Чей это лес и эти дали?
Хозяин дома и едва ли
Поймет,
к чему мы здесь, у кромки
Заснеженного поля стали.

И непонятно лошаденке,
Зачем мы здесь
в ночной поземке
Стоим, где пасмурные ели
Глядятся в белые потемки.

Звеня уздечкой еле-еле,
Мол, что такое в самом деле,
Она все ждет, пока ездок
Прислушивается к метели.

Прекрасен лес,
дремуч, глубок.
Но должен я вернуться в срок,
И путь до дома еще далек,
И путь до дома еще далек.

Перевел с английского
Олег ЧУХОНЦЕВ.

Срединность дороги

Дорога, что за чудеса,
Вдруг на крутом подъеме
Совсем уходит в небеса.
И так же на изломе,
Уйдя за дальний поворот,
Готова стать покоем
Лесным, не двигаясь вперед.
И все-таки не скроем
Того, что взрывчатый бензин,
Вскипающий в моторе,
Асфальту верен, шуму шин.
Он даль приблизит вскоре

К тебе, но чужд голубизне
Надмирной, повсеместной,
Как и статичной тишине
Той зелени древесной.

Древнему человеку

В бессмертии твоём есть две черты,
Взращенные тобой среди темноты.
О, разреши мне быть с тобой на Ты.
Не знали точно, где и что найдем,
Но вот нашли в пещере над ручьем
То, что назвать позволю твоим жильем.
Следы столь древни, все-таки по ним
Узнали все, над прахом дорогим
Склоняясь, как если б встретились с живым.
Определили по земным пластам
Мы возраст твой, по илу и камням.
Представить нрав твой страшно было нам.
Ты золит создал и кость взрастил.
Кость скажет больше нам, чем скажет ил
Или кремь: воистину, ты был.
А я? Что рифмы скажут обо мне?
Или костей достаточно вполне?
Их известковый прах всегда в цене.

Так гласит басня

Слепого звали, скажем, Лафонтен,
Себе лишь веря, крался он вдоль стен,
Постукивая палочкой тук-тук:
Сплошное недоверье и испуг.
Лежала на пути его, увя,
Траншея—все предместья таковы:
Прокладка труб, кто с этим не знаком?
Помочь слепому бросился бегом
И путь ему рукою преградил
Не знаю, кто, но жалостлив он был.
Назойливостью возмущен такой,
Слепец хотел с размаха, сам не свой,
Сразить беднягу палочкой наповал,
Но, промахнувшись, шмяк!—и в ров упал,
Вниз головой, что делать?—жалкий вид:
Рабочими он там же был зарыт.

(мораль)

Мораль. Хотя мораль какая ж тут?
Всем тем, кто в одиночестве идут,
Отвергнув помощь—так они горды,—
Не избежать в конце концов беды.

Перевел с английского
Александр КУШНЕР.

Чтоб вышла песня

Был ветер не обучен пенью—
И, необузданно горласт,
Ревел и выл, по настроенью.
И просто дул во что горазд.
Но человек сказал с досадой:
Ты дуешь грубо, наобум!
Послушай лучше—
Вот как надо,
Чтоб вышла песня, а не шум.
Он сделал вдох—но не глубокий,

И воздух задержал чуть-чуть,
Потом, не надувая щеки,
Стал тихо, понемногу дуть.
И вместо воя, вместо рева—
Не дуновение, а дух,—
Возникли музыка и слово.
И ветер обратился в слух.

Перевел с английского
Григорий КРУЖКОВ.

Пичуга

Унылый посвист в тишине
Весь день мешал работать мне,
И я, чтобы умолкнул он,
Спугнул пичугу от окон.

И устыдился: пусть убог
Был тот мотив и голосок,
Ни у кого, однако, нет
Прав налагать на них запрет.

В зоопарке

Один самодовольный мальчуган
Двум обезьянкам как-то в зоопарке
Хвалился зажигательным стеклом.
Им сей предмет понятен был не больше,
Чем поясненья: это, дескать, линза
Для собиранья солнечных лучей.
Быть может, инструмент понятней в деле?
Мальчишка точкой солнечной прижиг
Носы обеим. В их глазах застыло
Такое темное недоуменье,
Которого морганьем не сморгнешь.
Из рук не выпуская прутьев клетки,
Они встревоженно переглянулись.
Одна из обезьян коснулась носа,
Почти поняв, что далека она
На миллионы лет от пониманья.
А солнечная точка перешла
На обезьяний палец, чтобы опыт
Повторным подтвердить экспериментом.
Но в этот раз естествоиспытатель
Был слишком близок к своему предмету.
Вдруг—хватать!—и зажигательным стеклом
Теперь уже владеют обезьянки.
В глубь клетки убежав, они свои
Над лупой провели эксперименты
Без должной, разумеется, методы:
Стекло кусали, пробуя на вкус,
Потом сломали ручку и оправу.
Когда же бесполезная возня
Прискучила, они зарыли лупу
В солому (вдруг опять придет охота
Немного поразвлечься) и вернулись
Назад спокойно, будто вопрошая:
Кто, собственно, берется утверждать,
Что важно понимать, а что неважно.
Пускай они не понимают лупы,
Пускай им даже солнце непонятно,
Важнее знать, зачем нужны предметы.

Перевел с английского
Борис ХЛЕБНИКОВ.

Ритм жизни — ритм танца — ритм фразы. «Ритмы планеты». Хореографический ансамбль образован в 1978 году на базе Тульской филармонии. Руководитель — заслуженный артист РСФСР Борис Санкин. Менее чем за 10 лет — международные фестивали, туры по Италии, Испании, Индии, ГДР, ЧССР, Польше, Вьетнаму, восторги прессы и эмоции импресарио. Ансамбль объездил всю страну, участвовал в съемках доброго десятка фильмов, среди них «Бедная Маша», «Карнавал», «Поэма о крыльях». Ну, и, конечно, музыкальные программы ТВ.

А что стоит за этим информативным перечнем? В чем суть художественной программы коллектива?

— **Наша специфика — это синтез,** — утверждает Борис Санкин. — **У нас представлены все направления современной хореографии: народный танец, эстрадный, элементы классического танца и акробатики. Любый зритель, пришедший к нам, может найти для себя что-то интересное.**

Обычно концерт состоит из двух отделений. В первом — танцы народов мира, близкие к своей фольклорной первооснове, во втором национальная лексика более стилизована, острые ритмы, современные интонации. В репертуаре самые разнообразные танцы: индийский, кубинский, испанский, африканский, русский, цыганский...

— **Прежде чем поставить что-либо, мы начинаем изучать национальный фольклор, школу танца, его традиции. И только затем ставим номер. Во всех номерах должен присутствовать особый почерк, присущий только нам, свой стиль...**

Борис Санкин задался целью воспитать в своем коллективе «синтетического танцовщика», который должен уметь все (что осложняется неравноценной профессиональной подготовленностью артистов: все они пришли сюда из самых разных ансамблей и не владеют единой школой). Санкин — принципиальный противник узкой специализации в хореографии. Универсальность, полная свобода владения своим телом, «разговор» на всех танцевальных языках, многожанровость, разноязыкость пластики — вот цель.

Итак, танцовщик, который умеет все!

— **Наши артисты справляются с любой задачей, которую я им предложу. Каждая танцевальная система в какой-то степени ограничена и обладает некой уязвимостью. Так, классический танцовщик, на мой взгляд, несколько зажат: ведь основа классики — прямая спина; эстрадник же чересчур расхлябан. Чтобы воспитать разносторонне подготовленного артиста, нужна особая методика преподавания.**

Итак, универсал. Как это достигается? Как над этим работают?

День выстраивается примерно так... В 10 утра — разминка 45 минут, это чаще всего классический станок. Затем — джаз. Надо сказать, что методика классического и джаз-танца принципиально различна. В классике все движения строятся вокруг центральной вертикальной оси человеческого тела, словно его пронзает острая прямая спица. Первооснова джаза — «расчлененность» частей тела, которые танцовщик ощущает как бы отдельно друг от друга. В классике — единство, в джазе — дробность. В ансамбле «Ритмы планеты» эти пластические антиподы сосуществуют, дополняют друг друга. Вслед за классикой и джазом сегодня может быть каратэ, завтра — занятия гимнастикой по системе йогов, а послезавтра — акробатика. Затем «чистка», отделка номеров текущей программы и постановка новых. И так почти целый день. А вечером концерт. И все это на колесах, ведь ансамбль — коллектив гастрольный, и дома «универсалы» бывают считанные дни. Дисциплина очень жесткая. Ритм

ЧАРОДЕИ РИТМА

Елена ТКАЧ

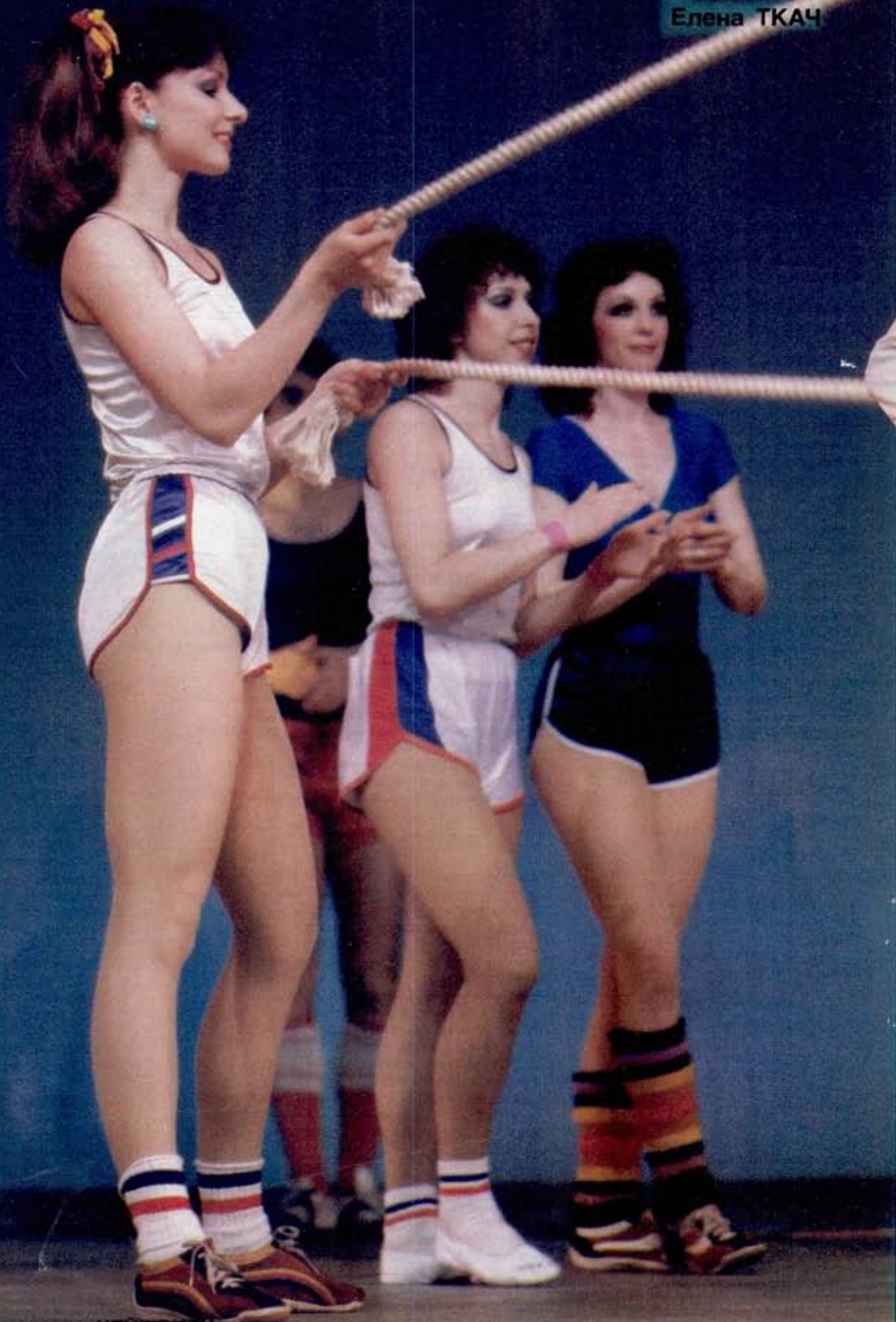

Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ

жизни еще жестче. Не каждый выдерживает такую нагрузку. Работать здесь крайне трудно, и это мнение не дилетанта — профессионала.

А как весело жить в ритме азарта! Чувствовать, что тело твое тебе полностью подвластно, ощущать его живую эластичность, силу, динамику и точность жеста. Сумасшедший ритм жизни они воспринимают как счастье, как единственно возможный для себя путь.

— Я все могу простить человеку, если есть в нем главное, а для меня это главное — трудолюбие и беззаветная преданность коллективу...

Спорно? Еще как! Но профессионалу в любой профессии такая позиция, думаю, понятна.

— Современный руководитель — это человек, ни на шаг не отстающий

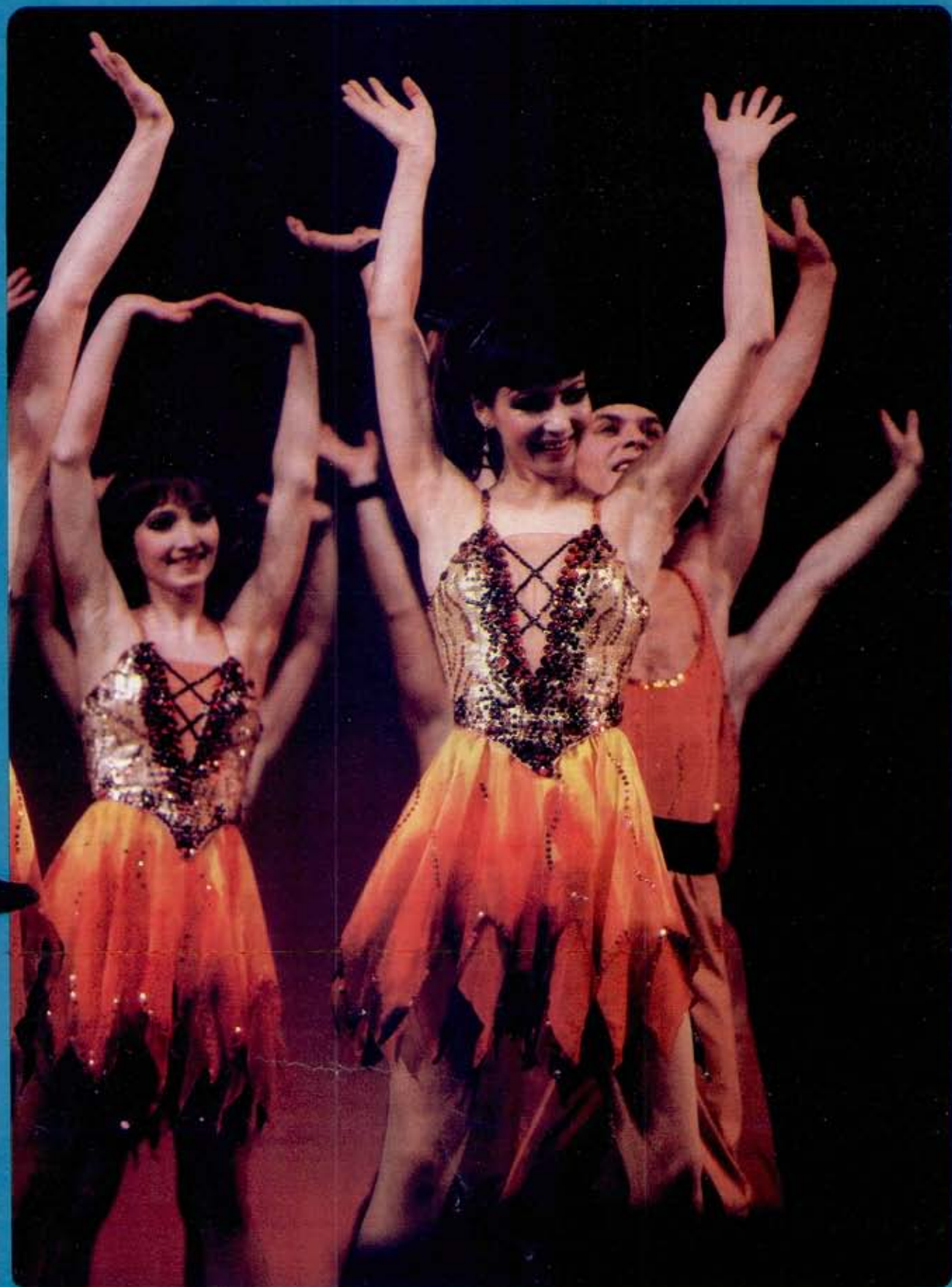
от нового. Новое в современной хореографии — это синтез острых музыкальных ритмов, пантомимы, акробатики и танца. Я знаю, что молодежи нравятся модные танцы. Поэтому я буду следовать за самым последним словом современной эстрадной музыки и искать образ ее хореографических воплощений.

Очевидно, коллектив сугубо молодежный?

— Это не так. По возрастному составу наш ансамбль молодежным назвать теперь уже трудно. Что же касается адреса — убедился на практике постоянных поездок по стране, — зрительский состав наших концертов молодежный только наполовину. Стиль «диско» интересен не только юным, взрослые люди порой

реагируют на наши выступления не менее бурно. Письма пишут, благодарят: «После вас так радостно, весело жить, получаем заряд оптимизма на всю неделю!..»

Принципиальная приверженность моде? «Ритмы планеты» можно назвать своеобразным ателее мод современной хореографии, хотя некоторые «модели» повторяют стилиобразующие мотивы западных танцевальных модельеров и не всегда отличаются оригинальностью пластического рисунка... Но ателее не претендует на роль эстетического законодателя и первооткрывателя мод. А вот свежее ощущение современности линий, чувство пластики, формы, красочная зрелищность шоу интернациональных эстрадных номеров-моделей... Тут ему равных нет.

Совершенно преступление. Как жить дальше человеку, совершившему его? Если он к тому же совсем молод, как говорится, вся жизнь впереди? А рядом — родители, готовые на все ради счастья ненаглядного сына и видящие это счастье прежде всего в благополучии и преуспевании. Но ведь есть еще и раскаяние, мучающее чувство вины — залог того, что человек осознал свой проступок и уже никогда не совершит ничего подобного. Как быть с ними? С этими чувствами и мыслями, так не укладывающимися в рамки благополучной, удачливой жизни...

Не пишете об этом, не стоит, — просила Лариса Петровна. Рядом со сквером, где мы беседовали, кипела жизнь, летели по проспекту машины. Она говорила, что у ее сына экзамены в школе. Уверяла, что Олег, безусловно, успешно сдаст их. И тогда все неприятности останутся позади, теперь уже навсегда.

Можно было понять материнскую тревогу, посочувствовать горю, свалившемуся на семью, представить себе, сколько ей с мужем пришлось пережить. К тому времени верховные судебные инстанции смягчили меру наказания сыну Ларисы Петровны, сочли возможным определить ее условно, и тот окончил школу, правда, другую, не ту, где он сидел за одной партой со своим бывшим приятелем — потерпевшим. Она еще долго сетовала на то, что в городке не утихают страсти вокруг этого дела, не умолкают слухи, а родственники потерпевшего продолжают жаловаться...

— Не понимаю, зачем им это? Деньги по иску на дополнительное питание и лечение мы заплатили... Чего же еще? — спрашивала меня Лариса Петровна.

Тогда, думалось, и впрямь не стоит ворошить эту историю. Она ведь завершилась вроде бы благополучно. Коля Никитин, которого сын Ларисы Петровны два раза ударил ножом в живот, сейчас жив-здоров. И вот-вот шагнет в самостоятельную жизнь.

Ларисе Петровне хотелось, чтобы и Олег не отставал. Она считала, ее сын и они вместе с ним уже полностью расплатились за то преступление.

С того дня прошло почти два года. Недавно я узнал, чем это все закончилось. И понял: писать надо.

Как-то Олег Томилин заглянул к своему другу Никитину. Сели на кухне. Сперва поговорили о чем-то малозначительном, обсудили успехи любимой хоккейной команды, а затем решили сразиться в «подкидного». Олегу не везло — он проигрывал и злился. Плата была невелика, так, копейки, но раздражала. Через три партии Олег решительно заявил: «Не играю!» — «Экономить?» — подначил Николай.

Слово за слово и... поссорились. Николай и не заметил, как у приятеля возник кухонный нож, что лежал до этого на хлебнице...

Спустя некоторое время у соседки настойчиво затрещал звонок. «Вам кого?» — спросила она строго, не сразу узнав в бледном подростке пятнадцатилетнего Кольку. В следующее мгновение она увидела его окровавленную руку, прижатую к животу. Поняла: беда, нельзя терять ни минуты. «Запомните: это Томилин, Томилин...» — успел сказать Николай. Соседка бросилась звонить в «Скорую»...

Состояние мальчика было критическим: сквозное ранение желудка осложнилось большой потерей крови. Дежурная бригада успешно провела операцию. Одноклассники вызвались стать донорами. Им отказали: малы еще. Кровь сдали учителя, соседи. Много

других знакомых и незнакомых людей приняли участие в возвращении мальчика к жизни. Люди, по долгу службы и по долгу сердца помогавшие Никитиным, оказались на высоте. Беда отступила.

Следующий учебный год Коля Никитин начал в своем десятом классе. Правда, осталось заключение медицинской экспертизы о частичной утрате трудоспособности. В тяжелые дни, когда Ольга Михайловна Никитина не отходила от постели сына, она не уставала твердить ему: «Не таи зла на Олега, Колюшка. Им сейчас страшнее, чем нам с тобой. Мы поправимся, с нами люди. Пусть не будет в твоём сердце злобы, мой мальчик».

Пока велось следствие, Олега под стражу не брали: учли возраст обвиняемого. И родители Олега беспокоились: мальчику нужно в школу, как бы не отстать в учебе. Сделали попытку вернуть его в класс. Но школа гудела: о происшедшем знали все. Директор твердо сказал: «Нет, у нас он заниматься не будет». Родителям пришлось определить сына в другую школу.

Вскоре состоялся суд. На процесс пришли школьники, соседи, все те, кто знал Николая и Олега. Пришли не из праздного любопытства и не потому, что «жаждали крови». А чтобы убедиться: преступление не может остаться безнаказанным, за содеянное нужно отвечать.

Больно, что на скамье подсудимых оказался мальчишка, у которого впереди вся жизнь. Досадно, что искверкано ее начало. Но на то и суд, чтобы все учесть: и возраст, и прежнее поведение, и особенности личности, и тяжесть совершенного, его общественную опасность. Преступление Томилина было квалифицировано как «умышленное причинение тяжких телесных повреждений». Приговор гласил: пять лет лишения свободы. Осужденного взяли под стражу в зале суда.

...А через четыре месяца Олега Томилина увидели на улицах городка. Поползли слухи: «Томилина своего-таки добились». В различные ведомства посыпались жалобы.

Нравственная норма

ПРАВДЕ

Между тем в досрочном освобождении Олега не было ничего незаконного. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда республики вынесла определение, в котором говорилось: «...назначенное наказание снизить до 3 лет лишения свободы... наказание считать условным...»

Что послужило основанием для такого решения? И об этом говорилось: «Томилин впервые совершил преступление, в содеянном раскаялся, характеризуется положительно. Педагогический коллектив школы, где учился Томилин, ходатайствовал перед судом о назначении ему наказания, не связанного с лишением свободы».

Это ходатайство дала школа — новая школа, та, в которой Томилин успел прозаниматься до суда всего 20(!) дней. Как же так получилось? Директор школы был откровенен: «Пришел отец, уважаемый человек, долго просил, умолял. И мы, надо признать, проявили слабость, пожалели мальчишку. Согласитесь, тюрьма не лучшее место для воспитания...»

Согласен — не лучшее. Я встретился тогда с Олегом. Мы говорили о жизни, о моральных ценностях. Он оказался весьма развитым молодым человеком. Сыпал формулировками,

наизусть цитировал статьи Уголовного кодекса, который, по его словам, успел основательно изучить за четыре месяца. Говорил о себе:

— Преступление, конечно, тяжелое. А вот статья моя легкая, по ней быстро освобождают.

Как оценивает случившееся?

— Я всегда об этом жалею. Случайность. Мне даже воспитатель в колонии говорил: «Зачем тебя воспитывать, ты и так достаточно воспитан!» А Никитины всегда завидовали нам. Мы лучше обеспечены. У меня есть то, чего Николаю и не снилось...

— Сейчас тоже завидуют?

— Ну как же: они считают, что их сын потерял здоровье, а я остался невредим.

— А сам ты как считаешь?

— Здоровье мы одинаково потеряли. У меня нервы тоже расшатаны после пережитого.

Знакомые интонации, не правда ли? Они, помните, проskalзывали у Ларисы Петровны. Удивительное равнодушие к чужой судьбе, к пострадавшему человеку... Выходит, он так и не понял всей глубины собственной вины и происшедшее осталось в сознании обыкновенной неприятностью, о которой надо поскорее забыть, чтоб не мешала.

Того же мнения придерживались и родители. На заседание бюро горкома, где Олега исключали из комсомола как совершившего тяжкое преступление, пришел его отец.

— Вы приняли поспешное решение, — убеждал горкомовцев Михаил Александрович. — Нельзя выбрасы-

Борис
БАЛКАРЕЙ

вать человека из своих рядов. Комсомольская организация обязана воспитывать!

Не о том речь, правильно или неправильно освободили Олега, решать это — компетенция юридических органов. Речь о другом. Получалось, что и самые близкие люди — родители не помогли ему понять: кроме законов юридических, есть на свете и другие — нравственные. Их не уложить в сроки Уголовного кодекса. Кто знает, может быть, в этом родительском всепрощении и первопричина того, что случилось с подростком.

В комсомоле Олега не восстановили. Но вот дальше, казалось, все складывалось удачно. Не отстав от сверстников ни на год, Олег получил аттестат. Старательно подготовился к вступительным экзаменам в вуз («Камнем сидел все лето, а мог бы отдохнуть!» — потом скажет он). И набрал на экзаменах приличные баллы.

По традиции зачисление в студенты столичного медицинского института происходит публично. Вместе с абитуриентами приходят их друзья, родственники. Позади трудные испытания, и сейчас станут известны счастливицы. Когда улеглось первое оживление и аудитория притихла, взял слово ректор.

— Должен сообщить, товарищи, что мы намереваемся зачислить на первый курс института не всех, кто набрал проходной балл, — сказал он, и зал тревожно замер. — Один человек не пройдет. Этот абитуриент — его фамилия Томилин — ввел в заблуждение приемную комиссию, представил подложные документы, скрыл, что срок наказания за совершенное им тяжкое преступление еще не истек. Кроме того, — продолжал ректор, — характер совершенного Томилиным преступления несовместим с моральным

обликом будущего врача. Позвольте зачитать судебный приговор...

Публичный позор, крушение планов... Другим бы это послужило уроком, встряхнуло, заставило опомниться. Другим, но только не им, верящим в свою исключительность, не признающим правил нашего общежития, считающим, что им дозволено все. Словом, родители Олега считали, что с их сыном поступили несправедливо, и теперь уже они начали жаловаться в различные инстанции. Пришли и в редакцию.

— Он же хороший парень, — убеждала меня Лариса Петровна, тербя платочек. — Если бы был плохой, тогда не обидно. А он же хороший, хороший... Зачем человека рубить на корню?

Напрасно я пытался напомнить о великодушии школы, давшей, по сути, липовую характеристику, о

отменная характеристика с места работы, оценки в аттестате — любо-дорого поглядеть... Было, правда, одно пятнышко: в учетных комсомольских документах значилось, что в свое время ему был объявлен выговор. За утерю комсомольского билета. Однако придавать этому значения не стали. У кого, мол, не бывает ошибок...

И опять все, казалось бы, складывалось удачно, все неприятности остались позади. Олег успел даже перейти на второй курс. И тут разразился скандал. Выяснилось, что образцовый курсант не только скрыл свою бывшую судимость, обманул — уже вторично — строго приемную комиссию. Он обманул и секретаря комсомольской организации того учреждения, где работал прежде. Сказал, что просто потерял комсомольский билет. И без труда получил новый, правда, в придачу с выговором. Но что означала подобная мелочь по сравнению с бывшими неприятностями!

И опять Олега отчислили, как говорится, с треском. Сейчас он служит в армии. Эхо скандала докатилось и до уважаемого учебного заведения, где трудится отец Олега. Крупные неприятности были и у него. Поговаривают даже, что теперь ему не пройти грядущую переквалификацию...

В чем же истоки цинизма человека, только-только вступающего в самостоятельную жизнь? Вернемся к событиям двухлетней давности. Незадолго до того злополучного дня, когда Олег ударил ножом своего приятеля, в классе проходили «Преступление и наказание». Одноклассники и сейчас помнят, как он, щеголяя подробным знанием текста, блестяще отвечал на уроке. Обидно за авторов великих книг (их, я знаю, Олег прочел во множестве), что безуспешно пытались сеять в нем доброе, разумное, за учителей, так и не научивших подростка ответственности за свои поступки. Да, они преподали ему основы разных наук, но не позаботились о том, чтобы привить основы нравственности. Домашние же уроки внушали: чтобы успешно следовать по течению жизни, необязательно быть, важнее казаться.

Как и многие выпускники, он получил аттестат, хорошую характеристику, имел в кармане комсомольский билет... И все-таки в дорогу он вышел налегке, не обремененный багажом духовным. Нравственным ценностям в семье Томилиных отводилась роль доведка к жизненному благополучию, к успеху, достичь которого, как полагали родители, можно любыми средствами, даже идя «по головам».

Не оттого ли в молодом человеке росло неукротимое чувство вседозволенности? Еще не истек срок наказания за совершенное преступление, как он, не сомневаясь в своем моральном праве лечить людей, подает в медицинский. Едва пережив публичный позор при поступлении, не колеблясь, цинично обманывает комсомольского секретаря. Дальше — больше. Поступает в военно-политическое училище, то есть объявляется среди тех, кому предстоит воспитывать моральные качества в молодых воинах. Не останови его, где бы он еще мог возникнуть, этот «воспитатель» с преступлением за плечами и серией обманов, низменных один на другой?

В определенном смысле он вызывает жалость. Ибо я убежден: «прохиндиада» Олега — результат не столько его личного ловкачества, сколько плод стараний родителей, сделавших сына безвольным исполнителем своих честолюбивых мечтаний, ради этого попиравших нравственные устои, беспощадно подвергавших его психику очередным «испытаниям». Родители — радетели.

Но не только о них сейчас речь. Правда рано или поздно выплывает наружу. Случилось так и здесь. Первыми забились тревогу бывшие одноклассники, случайно оказавшиеся в учебных заведениях, куда поступал Олег. Именно они. А вот те, кому надлежало сделать это по должности, келейно выдавали положительные характеристики, «восстанавливали» Олега в комсомоле, допускали к вступительным экзаменам, не могли или не хотели разобраться в том, что входило в их прямые обязанности. Уступали нажиму и шли на компромиссы там, где компромиссов быть не должно. Сегодня мы понимаем, что бороться с этим злом можно одним средством — гласностью.

Вот почему мы так подробно остановились на этой в общем-то нетипичной, но поучительной истории. Не очень рассчитываю на разумение родителей Олега. Вряд ли они способны осознать меру своей вины в том, что случилось с сыном. Они до сих пор уверены, что хотели ему только добра. Добра ли? Боюсь, что и это понятие сужается ими до рамок этакое бытового благополучия. Ведь если разобраться, не о сыне они заботились, не о том, каково ему будет в дальнейшей жизни, — себя тешили. Чтоб было «не хуже, чем у других».

ЕМ

гуманном отношении судебных органов. Не проявил тогда гуманности Верховный суд, до института ли нынче им было? Ведь не случайно же, не по неосторожности сделал ее сын калекой другого человека. Что страшного в том, что Олег год-другой поработает на заводе, отслужит армию, делом искупит вину перед обществом? Молод же еще, время есть.

— На заводе? — Глаза Ларисы Петровны сразу стали сухими. — Чему он научится среди этих грубых людей?

— Мы консультировались у юриста, — вмешался Михаил Александрович. — У нас Конституция гарантирует право на образование. Нельзя губить в молодом человеке веру в справедливость. Вот увидите, пройдет месяц-два, и я добьюсь...

Он говорил уверенно, с напором, глаза его были сухи.

В редакцию нередко обращаются родители, которым кажется, что их сына или дочь, нарушивших закон, наказали слишком строго. Справедливость тогда если и не исчезает без следа, то ходко и не приметно превращается из справедливости вообще в справедливость частного случая. Здесь уже прав всегда свой, а чужой не прав. Здесь жалко всегда своего, а чужого не жалко. Даже если свой держал в руке нож, а чужой от этого ножа пострадал. Порой в ход пускается авторитет, завоеванный выслугой лет, делаются попытки, как говорится, нажимать на всевозможные клавиши. При этом люди часто забывают, что справедливость не бывает для каждого своя. Она одна на всех, она либо есть, либо ее нет.

Иронизировать по этому поводу грешно. Что и говорить, если сын совершил преступление — горе это страшное для отца и матери. И лично им не легче от того, что общественная справедливость соблюдена. Но почему эта горечь и боль выливаются зачастую в нравственную дремучесть?

Олегу так и не довелось поступить в медицинский. Он устроился лаборантом в учебном заведении, где работали его родители. Через год судимость за прилежное поведение с него сняли. Он опять решил поступать. И поступил. В одно из высших военно-политических училищ. Выпускники этого училища приходят в армию заместителями командиров подразделений по политико-воспитательной работе. В войну таких людей называли комиссарами.

Понятно, принимаются туда юноши, обладающие безупречными моральными качествами. Таким, по документам, был и курсант Томилин. Комсомолец,

КОНКУРС «ФУТБОЛ — МЕКСИКА-86»

В нем приняли участие 4296 читателей.

Завершился мексиканский футбольный чемпионат. Он пополнил историю мировых первенств именами новых призеров, великолепными голами, судейскими ошибками, тренерскими находками и незабытыми пенальти. А все команды по своим местам в итоговой таблице расставила игра.

Наш конкурс «Футбол — Мексика-86» состоял из двух разделов. Первый включал вопросы на знание истории чемпионатов мира, второй — пять задач любителям прогнозов. С историческим экскурсом большинство любителей футбола справились успешно. Напоминаем наши вопросы и публикуем ответы на них.

1. В каком из городов сборная СССР провела наибольшее количество матчей в мировых первенствах? Вполне естественно, мы имели в виду финальный этап чемпионатов.

Ответ: в Арике (Чили, 1962 г.) и в Мехико (Мексика, 1970 г.) — по 4 игры.

2. Над кем из своих соперников наша сборная одержала наибольшее число побед в отборочных матчах чемпионатов мира?

Ответ: над сборной Турции — 6 побед.

3. В чемпионатах мира в составе одной команды выходили родные братья. Назовите тех из них, кто участвовал в финальной стадии чемпионатов в послевоенное время.

Ответ: Мануэль и Висенте Гонсалес (Уругвай — 1950 г.); Фриц и Отто Вальтер (ФРГ — 1954 г.); Бобби и Джеки Чарльтон (Англия — 1966 — 1970 гг.); Рене и Вилли Керкхофф (Голландия — 1978 г.); Марк и Люс Миллькамп (Бельгия); Златко и Зоран Вуинович (Югославия); Карл-Кайнц и Бернт Ферстер (ФРГ — 1982 г.). В заявке предпоследнего испанского чемпионата мира были и советские футболисты, братья Виктор и Вячеслав Чановы.

4. Тактика футбольной игры постоянно изменяется. С кем из тренеров связаны следующие системы игры: «4+2+4», «Швейцарский замок», «Дубль-ве»?

Ответ: на международной арене эти варианты игры приобрели известность благодаря бразильцу Висенте Феоле, австрийцу Карлу Раппану, англичанину Герберту Чепмену.

5. Кому из футболистов принадлежит рекорд результативности в одном матче чемпионата мира?

Ответ: по четыре мяча в одном матче первенства забивали восемь футболистов: Леонидас (Бразилия), Виллимовски (Польша), Веттерстрем (Швеция) — 1938 г.; Скиаффино (Уругвай), Адемир (Бразилия) — 1950 г.; Кочиш (Венгрия) — 1954 г.; Фонтен (Франция) — 1958 г.; Эйсебио (Португалия) — 1966 г. Сложнее оказалось с прогнозами.

Надо сказать, что подавляющее большинство читателей верили в нашу сборную и предрекали ей в Мексике большую победную серию. Но только двое читателей — В. Меренков из Москвы и Д. Михайлов из села Верхний Карабулах Дланисского района Грузинской ССР предсказали правильный счет матча СССР — Венгрия — 6:0. Поздравляем, вот это интуиция! К сожалению, на остальные вопросы второго раздела им точно ответить не удалось.

Кроме сборной СССР, судя по читательским письмам, высоко котировались шансы южноамериканских команд. Но авансы оправдала из них, как известно, только сборная Аргентины.

Первого места жюри конкурса решило не присуждать, поскольку ни один прогноз не был абсолютно точным. Призерами признаны читатели, верно ответившие на восемь из десяти вопросов. **Итак, дипломы «Смены» будут вручены: П. АНДРЕЕВУ (Чимкент), И. АНОХИНУ (Омск), А. ВОРОШИЛОВУ (Свердловск), М. ЗАМЕСКИНУ (Архангельск), В. КЕЗИКУ (Красноярск), К. КОЛЕСНИКОВОЙ (пос. Старо-Тимошкино Ульяновской обл.), В. КУЛЕБЯКИНУ (пос. Чара, Читинской обл.), А. МАТОЧКИНУ (Североморск), С. МАРЧУКУ (Ровно), В. МАТКОВУ (пос. Черлены Львовской обл.), В. МИЛЕНКО (г. Авдеевка Донецкой обл.), В. ПЕШКУРОВУ (г. Ивдель Свердловской обл.), В. ПИТЕРСКИХ (г. Верхний Уфалей Челябинской обл.), С. ПОЖИДАЕВОЙ (Новосибирск), И. ПОЛЕТАЕВУ (Москва), Б. ЧУДОВУ (Краснодар), В. ШИРОКОВУ (Москва), Е. ЮХНЯКУ (Калуга).**

ПОЗДРАВЛЯЕМ ПОБЕДИТЕЛЕЙ!

Тропические ливни и шквальный ветер обрушились на северные районы острова Ява, полностью парализовали железнодорожное движение. Оползни и селевые потоки разрушили участки полотна, повредили ряд мостов. В районе города Семаранг железнодорожные линии находятся под полуметровым слоем воды. (Январь 1986 г.)

Теплая зима во Франции стала продолжением жаркого лета и осени минувшего года. Вчера ртутный столбик термометра в Париже не опускался ниже плюс десяти градусов. Такого теплого января не наблюдалось здесь более пятидесяти лет. (Январь 1986 г.)

Уже несколько дней продолжают сильные снегопады на побережье Японского моря. Вчера ртутный столбик термометра не опускался ниже минус полутора метров. Отмечаются случаи разрушения деревянных зданий, крыши которых не выдерживают тяжести завалившего их снега. (Январь 1986 г.)

Необычно холодными и ветренными выдалась первые дни февраля в южных районах Швейцарии. В кантоне Тичино снежная лавина снесла мост. Снежные завалы отрезали от внешнего мира несколько деревьев, парализовали движение на автодорогах. (Февраль 1986 г.)

ЧТО ПРОИСХОДИТ С КЛИМАТОМ?

Коллаж Олега ГРАЧЕВА

«Какие-то страшные погодные явления наблюдаются в последние годы, в газетах мелькают сообщения о многочисленных стихийных бедствиях. Что же происходит в природе? Может, климат меняется? Что думают по этому поводу ученые?»

Учащиеся строительного профтехучилища, Кемерово».

С этими вопросами корреспондент «Смены» обратился к заместителю директора Гидрометцентра СССР члену-корреспонденту АН СССР Г. П. КУРБАТКИНУ.

— Геннадий Павлович, прежде чем начать разговор о климатических и погодных особенностях, присущих последнему времени, давайте совершим небольшой экскурс в прошлое. Чем климат прошлого отличался от нынешнего? Какой из периодов вам представляется наиболее интересным?

— За время существования Земли климат менялся много раз, и изменения порой носили радикальный характер. Многие миллионы лет назад климат на нашей планете был более теплым. Небольшие колебания климата бывали и в сравнительно недавнем прошлом. На протяжении трех последних столетий, например, 15—25-летние потепления чередовались с примерно равными по времени похолоданиями.

Одним из интереснейших, наверное, можно назвать последний ледниковый период. Основную часть своей жизни Земля, по-видимому, была почти полностью свободной ото льдов, но несколько миллионов лет назад началось циклическое оледенение, и в течение десятков тысяч лет суша в северном полушарии покрывалась льдом. Толщина льда достигала трех километров. Под колоссальной тяжестью льда поверхность Земли продавливалась на полкилометра. В южном же полушарии ледников было значительно меньше. Когда лед набирал большую толщину, то под давлением, обусловленным его весом, он начинал перемещаться к югу. Постепенно ледники покрыли почти всю Северную Америку и Евразию. Огромное количество воды накопилось в ледниках, и поэтому уровень океана опустился более чем на сто метров! Затем лед внезапно отступил. Отступление длилось несколько тысячелетий.

Что касается доледникового периода, то, по расчетам на основе «простых» моделей климата Будыко и Селлера, Земле угрожала опасность превратиться в планету, закованную в ледяной панцирь, если бы солнечной энергии стало поступать на несколько процентов меньше.

Астрономы полагают, что сейчас, в сравнении с периодом образования Земли (около пяти миллиардов лет назад), уровень солнечной радиации поднялся процентов на сорок и продолжает расти. В период от 150 до 50 миллионов лет назад температура на дне океана равнялась примерно 15 градусам, ныне — близка к нулю. Изучение ископаемых, возраст которых около шестисот миллионов лет, подтверждает, что на Земле было теплее, чем сейчас. Так, например, залежи каменного угля в Гренландии и Антарктике сохранили следы тропических растений, которые там когда-то росли. Сто миллионов лет назад Северный Ледовитый океан был частью Тихого.

— Изменения климата, о которых вы рассказали, происходили на протяжении очень длительного времени — десятков тысячелетий. А известны ли случаи быстрых перемен?

— И геологические данные, и результаты инструментальных наблюдений, ставшие доступными в течение последних ста лет, показывают, что изменения климата и в далеком, и близком прошлом иногда были резкими.

Вот очень впечатляющий пример. Во второй половине 1981 года над поверхностью Индийского океана начало расти атмосферное давление. Из южных районов Индии на восток стала распространяться засуха. К середине 1982 года в городе Дарвин (Австралия) давление у поверхности достигло рекордного значения. На Австралию обрушилась такая тяжелая засуха, которая здесь не знали уже двести лет. Начались опустошительные пожары, огромные пылевые бури, погибли урожаи. Материальный ущерб составил два миллиарда долларов.

Так дал о себе знать очередной приход «Эль-Ниньо» — явления, связанного с прогревом вод и резким изменением ветрового режима.

В конце сентября 1982 года вдоль морского побережья вблизи города Паита (Перу) температура воды на поверхности океана поднялась на

четыре градуса в течение суток. Резко сократился промысел ставриды и камбалы вдоль берегов Эквадора и Перу, исчезли анчоусы. Начались катастрофические изменения в режиме осадков. Дожди пошли в октябре 1982 года вдоль берегов Колумбии и Эквадора и распространились к югу, в Эквадоре и Перу они продолжались до июля 1983 года. В Колумбии осадки вдвое превысили годовую норму. Вдоль побережья Эквадора их количество превысило норму более чем в тридцать раз, в северной части Перу — почти в 340 раз! Избыточные дожди изменили ландшафт. Сток некоторых рек превысил средние значения более чем в 1000 раз. В Эквадоре 40 тысяч семей лишились крова, в Перу — 50 тысяч.

К югу от зоны интенсивных дождей жестокие засухи принесли огромные бедствия южным районам Перу и Боливии. Общий ущерб составил для Эквадора — 640 миллионов долларов, для Боливии — 800 миллионов, для Перу — 2 миллиарда. Ущерб, связанный с затоплением археологических памятников на побережье Перу, не поддается оценке.

«Эль-Ниньо» 1982—1983 годов привело к драматическим нарушениям климата, и прежде всего его нормального годового цикла во многих частях света с существенными последствиями для жизни почти половины населения Земли.

Так, например, над северо-восточной частью Китая наблюдалось понижение температуры в течение лета, что привело к резкому снижению урожая зерновых. На Гавайские острова обрушилась засуха. В Новой Зеландии говорили «о лете, которого никогда не было»: западные и юго-западные ветры дули намного чаще и сильнее обычного, температура была холоднее на один-два градуса. В Мексике тоже свирепствовала засуха.

Таким образом, погодные условия в высоких широтах обоих полушарий могут систематически изменяться под влиянием событий в тропиках.

Эти так называемые короткопериодные колебания климата (сезонные и межгодовые) — результат глобального взаимодействия атмосферы и океанов. В настоящее время наука может лишь частично ответить на вопросы по поводу возникновения подобных природных «катаклизмов». Однако большинство ученых считают, что в конечном счете короткопериодные колебания климата могут быть объяснены и спрогнозированы.

— Со времен глубокой древности человек стремился приспособиться к окружающим его условиям, к капризам погоды. Он боролся с природой. Годы изменили эту ситуацию. Человек вырос, окреп, его хозяйственная деятельность достигла гигантских масштабов. Настала очередь природе подстраиваться под человека. Справится ли она? Какие нас ждут изменения, в частности в климате?

— Еще в первые десятилетия двадцатого века было зафиксировано устойчивое повышение температуры воздуха в крупных городах. Города с развитой промышленностью, население которых превышало миллион человек, имели более высокую среднегодовую температуру. А в настоящее время на Земле уже более трехсот городов-миллионеров, и климатологам уже нельзя сбрасывать со счетов эти «теплые острова».

В Москве, к примеру, среднегодовые температуры на полтора градуса выше, чем в прилегающей к ней сельской местности. Эта цифра меняется в зависимости от времени года и в отдельных случаях может быть выше на 8—10 градусов. За последние сто лет климат Москвы потеплел примерно на два градуса. В основном это результат задымленности воздуха, увеличения содержания в нем углекислого газа, водяного пара, создающих парниковый эффект. Суть парникового эффекта заключается вот в чем. Определенные газы пропускают большинство солнечных лучей, направленных сверху вниз, и при этом поглощают основную часть энергии, которую излучает земная поверхность. В космос с Земли уходит значительно меньше тепла, оно концентрируется в нижних слоях атмосферы. Двуокись углерода — это экран с односторонним пропусканием. Правда, если в атмосфере совсем не было бы углекислого газа, планета бы остыла и океаны превратились в льды.

За время существования Земли вулканы выбросили в атмосферу огромное количество углекислого газа. В результате химических реакций он почти весь превратился в карбонат кальция и магния или же в органические вещества и оказался погребенным на морском дне, поэтому парниковый эффект проявляется с умеренной силой. А вот на Венере, например, где нет океанов и атмосфера в основном состоит из углекислого

газа, за счет парникового эффекта температура на поверхности достигает четырехсот градусов по Цельсию. На Марсе же, где имеется небольшой атмосферный слой и парниковый эффект слабее, температура минус пятьдесят.

В прошлом веке за счет сжигания ископаемых видов топлива содержание углекислого газа в атмосфере повысилось примерно на пятнадцать процентов. Лет через сто пятьдесят человечество значительно сократит сжигание органического топлива. Правда, объем добычи угля обещает остаться прежним. Люди, очевидно, будут использовать иные виды энергии, что исключит столь расточительный расход кислорода и уменьшит выделение углекислого газа.

Может ли климат на Земле измениться под влиянием человека? Да, пожалуй. При нарушении радиационно-теплового баланса и влагообмена Земли.

— Какой же уровень углекислого газа в атмосфере может повлиять на наш климат и представлять опасность для людей?

— Климатические изменения могут произойти при его удвоении по сравнению с серединой прошлого века. Когда это произойдет (если произойдет вообще), ответить сложно. Это зависит от скорости сжигания топлива, от изменения массы двуокиси углерода в воздухе за счет других видов человеческой деятельности.

Примерно с 1973 года мировой объем потребления угля, нефти и природного газа ежегодно повышается на два с четвертью процента. Если так будет продолжаться и в дальнейшем, то, по некоторым расчетам, мы можем достичь «нужной» концентрации углекислого газа к середине двадцатого века. Если же из-за этого среднегодовая температура повысится всего лишь на два градуса, то льды Арктики и Антарктики могут растаять, отчего уровень Мирового океана поднимется на 70—75 метров, поглотив большую часть суши.

Пока среди ученых нет единого мнения по поводу потепления. Есть, кстати, и такие, кто считает, что из-за уменьшения прозрачности воздуха (в связи с его загрязнением) может начаться похолодание. Для однозначного ответа на такой вопрос ученым пока не хватает более точных измерений состояния атмосферы и поверхности Земли в глобальном масштабе (по крайней мере, в течение нескольких лет). Для развития необходимой техники глобальных измерений потребуется лет десять. Тогда можно будет разработать модель климата для однозначной оценки его чувствительности к изменениям концентрации углекислого газа в атмосфере.

— Так или иначе, главные последствия, которые может повлечь за собой неконтролируемая хозяйственная деятельность человека, — это таяние или наступление льдов. Как, за какой промежуток времени теоретически может произойти, скажем, глобальное таяние льдов?

— Полярные льды возникли примерно миллион лет назад. При этом резко изменился тепловой режим земной атмосферы. Ведь лед отражает солнечную радиацию в несколько раз больше, чем ее поглощает.

Во время наибольшего на Земле — рисского — оледенения ледяной покров в северном полушарии достигал в среднем широты 56 градусов (а где-то и 40). Земле угрожало превращение в ледяную пустыню. И если бы льды продвинулись на 200—300 километров ближе к экватору, процесс оледенения стал бы необратимым: при высокой отражательной способности льдов солнечной энергии не хватило бы на то, чтобы их растопить.

Есть расчеты, использующие «простые» модели климата, по которым к 2000 году площадь морских многолетних льдов в Арктике сильно сократится, а еще через четверть века они вообще растают (при повышении средней температуры на 2 градуса в северном полушарии). Для таяния же льдов Антарктиды и Гренландии нужны столетия.

Теоретически в первые сто лет (с того момента, как начнут таять полярные льды) уровень Мирового океана должен повыситься незначительно. При частичном разрушении льдов — по истечении столетий — уровень воды в океане поднимется метров на пять. Некоторые американские ученые полагают, что уровень океана может повыситься на десятки метров уже в XXII веке.

— Если возможность потепления или похолодания на Земле еще под большим вопросом, то как быть с тем, что на планете увеличиваются площади пустынь? Связано ли это с влиянием человека на природу? Может ли деятельность человека быть причиной опустынивания земель?

— В самом деле, на Земле есть немало районов, где проявление процесса опустынивания совершенно очевидно. И очевидно то, что это результат бесконтрольной деятельности человека. Вырубка лесов, уничтожается травяной покров. Все это способствует эрозии почвы, уменьшению количества осадков, и естественно, увеличению испарения. Пример опустынивания — области, примыкающие к южной части Сахары, некоторые районы Пакистана и Бангладеш. А ведь в прошлом веке на севере Бангладеш были непроходимые джунгли! Сейчас же лес занимает там только 16 процентов площади страны.

— Геннадий Павлович, можно со всей определенностью сказать, что человеческая хозяйственная деятельность — независимо от желания людей — оказывает заметное влияние на окружающую среду. Означает ли это, что человек когда-нибудь сможет целенаправленно влиять на климат и погоду?

— Улучшить климат пустынь, тундры, искусственно вызывать осадки, предотвращать стихийные бедствия?.. Это вы имеете в виду? Думается, решение такой проблемы, по крайней мере в обозримом будущем, нереально. Дело в том, что источники энергии — природные и искусственные — несоизмеримы. Бывает, правда, когда в пределах какого-либо района можно изменить естественный ход погоды без больших затрат энергии. Ну, например, воздействовать на облака, чтобы выпали осадки. Научиться воздействовать на погоду можно, но обязательно при таких условиях, которые создает сама природа. Можно так переориентировать хозяйственную деятельность, что при минимуме затрат в течение 10—20 лет процесс опустынивания на Земле остановится.

— Геннадий Павлович, один из юмористов заметил: синоптик ошибается один раз, но каждый день. Я понимаю, что этот юморист — дилетант в метеорологии. И тем не менее позвольте задать вам вопрос дилетанта. Итак, условия задачи: форма земного шара, источник тепла, поступающего на Землю, газовый состав воздушной оболочки Земли — величины практически постоянные. Требуется определить состояние нижнего слоя атмосферы, выраженное в температуре и влажности...

— Строгая статистика оправдываемости современных прогнозов погоды, по которым принимаются важные решения в хозяйственной жизни страны, показывает, что каждый вложенный в метеослужбу рубль окупается в пять—семь раз.

Академик Вавилов назвал прогноз погоды в числе трех труднейших и актуальнейших научных проблем нашего времени. Наравне с лечением злокачественных опухолей и созданием управляемой термоядерной реакции.

Слишком уж много причин непостоянства погоды. Атмосфера очень подвижна. Это раз. Вторых, величины и явления, определяющие погоду, которых чрезвычайно много, сильнейшим образом взаимосвязаны между собой, и изменение одного из них может повлечь изменение сразу нескольких.

Мы берем пятнадцать уровней по вертикали, то есть тридцатипятикилометровый слой атмосферы разбиваем на пятнадцать частей. И самое трудное — описать процессы у поверхности Земли, а нам ведь нужен в основном десятиметровый слой. Но вот, чтобы его описать, необходимо учесть все явления, происходящие на высоте до тридцати километров на всем земном шаре.

В последние тридцать лет качество прогнозов заметно повысилось.

Краткосрочные прогнозы по математической модели настолько точны, что по ним проверяют правильность информации, которую дают радиозондовые станции. И если расхождение между прогнозом и наблюдениями большие, то сомнению подвергаются наблюдения...

В последнее время на первое место среди других методов прогнозирования вышел гидродинамический численный метод. Сущность его заключается вот в чем.

Сначала с помощью приборов на многочисленных метеостанциях, кораблях, самолетах, спутниках измеряются различные параметры состояния атмосферы. Скорость ветра, давление и так далее. Эти данные используются в математической модели. С помощью этой модели определяются изменения условий в каждой точке сетки за короткий интервал времени (например, за десять минут), в течение которого скорость изменений можно считать постоянной. Эти новые значения используются в качестве первоначальных данных, и процесс повторяется для всего прогнозируемого периода.

Затем создается глобальная модель атмосферы. Для этого необходимо произвести громадное число расчетов. Так, например, чтобы предсказать погоду на десять дней вперед, ЭВМ должна проделать около пятисот миллиардов арифметических операций.

Чтобы проследить, как изменяются семь переменных (температура, давление, концентрация водяного пара, облачность и составляющие ветра по трем осям) на площади в 200 квадратных километров, нужно следить за миллионами переменных! А на изменения каждой переменной сильно влияет поведение соседних параметров. Для подсчета всех взаимодействий, в которых участвует одна переменная, надо произвести пятьсот арифметических действий, так что для каждого десятиминутного шага модели должно быть проделано около пятисот миллионов операций. Решение уравнений дает представление о будущем состоянии атмосферного давления, ветра, температуры и осадков на сроки 12, 24 и 36 часов вперед. Результаты подаются на графопроекторы, автоматически вычерчиваются карты погоды. По ним составляются более детальные прогнозы для отдельных населенных пунктов.

— Каков сегодня реальный временной предел, на который можно составить относительно точный прогноз погоды?

— Примерно семь дней. Это предел, за который пока трудно продвинуться.

— Не сказывается ли на точности прогнозов тот фактор, что в математическую модель закладываются не все параметры атмосферы?

— Такая проблема существует — учет мелкомасштабных атмосферных явлений. Решение ее наверняка будет способствовать увеличению периода прогнозирования. В начале шестидесятых годов Всемирная метеорологическая организация разработала эксперименты по этим направлениям. Они проводились в рамках Программы исследований глобальных атмосферных процессов (ПИ-ГАП). Так, первый глобальный эксперимент ПИ-ГАП, проведенный в 1979 году, состоял из двух двухнедельных периодов интенсивных наблюдений. Атмосферные изменения измерялись с помощью многочисленных зондов, спутников, самолетов, кораблей и буев в океанах. Одновременно измерялись параметры моря, суши, льда, почвы и растительности, которые могут влиять на погоду. Одной из задач эксперимента как раз и было выяснить: насколько измерение таких переменных (как, например, влажность почвы), которые сейчас не учитываются в прогнозировании погоды, улучшат качество прогноза.

— Геннадий Павлович, а как вы относитесь к народным приметам? К тому, например, что после теплой зимы обязательно должно быть холодное лето? К тому, что многие растения реагируют на изменения погоды? Почему бы их не брать во внимание при краткосрочных прогнозах? И, наконец, как вы относитесь к прогнозистам-одиночкам, которые предсказывают погоду порой намного точнее Гидрометцентра?

— Теплая зима — холодное лето, это достаточно распространенное заблуждение. В метеорологии, а точнее, в самой природе нет такого закона компенсации, когда бы отклонение от нормы в одну сторону в одном сезоне вызывало обязательное отклонение в другую сторону в другом сезоне. Прямой связи между погодой разных сезонов нет.

Что касается растений, то они не предсказывают изменения погоды (скажем, влажности, давления), а лишь следуют им.

Теперь об одиночках прогнозистах. Времена одиночек в науке давно прошли. И один человек, не имея технологических средств, которыми располагают научные институты, просто не способен решать задачи большого масштаба.

— В последние годы в печати все чаще появляются сообщения о разного рода стихийных бедствиях. Не свидетельствует ли это того, что климат все же начинает постепенно меняться под влиянием человеческой деятельности?

— Вряд ли можно сказать, что стихийные бедствия участились. Они бывали и раньше и будут периодически проявляться. Если говорить о сегодняшнем дне, то с пессимистическими выводами спешить пока не стоит. Другое дело, человек действительно все больше угрожает природе, и, конечно, она сумеет отомстить, если ее хорошенько «разозлить». Думаю, природа не потерпит фамильярного отношения к себе. Человек — часть природы и не должен об этом забывать, его святая задача — беречь природу.

Беседу вел
Юрий РАГОЗИН.

Не солгать бы. Ни себе, ни вам. Это трудно. Почти невозможно. Мы часто думаем, что поступаем так же, как говорим, а не сходится. Поступки и слова. И у меня не сходилось...

К счастью, не часто.

Автобиографию я понимаю не как «заполнение анкеты». Это, наверное, больше разговор о том, что понял сегодня и чем сегодня дорожу. Чем дорожу — важнее, чем дата рождения. Бывает, есть дата рождения и дата смерти, между ними черточка, смотришь на черточку и... ничего.

Актером я стал не случайно, но — вдруг. «Вдруг» — слово хорошее. Одногумного человека спросили, что такое жизнь, он ответил: «Вдруг».

Наверное, гены. Не знаю — кто. Может быть, дед по матери? Его звали Васо. Мать говорила, был он человеком неожиданным, жизнь любил. Тамадой был известным. Я внешне на него похож.

Когда война кончилась, мне десять лет исполнилось. Никогда в детстве не выступал в самодеятельности. Даже снежинок на елках не играл. Хорошо успевал по математике. Когда мой учитель узнал, что я задумываюсь о театре, он удивился и сказал: «Зачем тебе легкий хлеб, Армен? Этот несерьезный хлеб?..» Кстати, и сейчас многие считают, что хлеб этот несерьезный и легкий... И еще сказал учитель: «Я бы тебя понял, будь ты тупым, но у тебя же голова варит...» Мне очень понравилось, что моя голова «варит», и тогда я начал думать о медицинском и политехническом институтах. Думал долго. Поступать пошел в театральный. Я сказал матери: «Ты предствств, стану я инженером и у меня будет твердая зарплата, но буду проходить мимо театра и каждый раз сомневаться: зачем стал инженером, зачем не выбрал театр?..»

ОЖИДАНИЕ НА

Армен ДЖИГАРХАНЫЯН,
народный артист СССР

Мать ответила: «Слушай себя».

Это важно, чтобы кто-то первым поддержал тебя в жизни. В Ереване я учился у Армена Карповича Гулакяна — он был не только главным режиссером национального театра, но и умным человеком. Я и сейчас помню наизусть некоторые его советы. Они мудрые. «Никогда не нужно делать то, что можно не делать», — говорил Гулакян. Или: «Если не знаешь, про что играть, играй загадку». Он учил нас жить и творить не суесться, учил высматривать истину и отличать темперамент от «саматохи».

На второй год учебы я начал работать в Русском драматическом театре, проработал там тринадцать лет и мог бы еще, но однажды в город приехала на гастроли из Москвы актриса Ольга Яковлева. Она увидела меня в спектакле «Ричард III». Познакомились. Потом уехала. Потом позвонила и сказала: «Приезжай. С тобой будет говорить Эфрос». Тогда он был главным режиссером Театра имени Ленинского комсомола.

Я, конечно, обрадовался, потому что мечтал об этой радости.

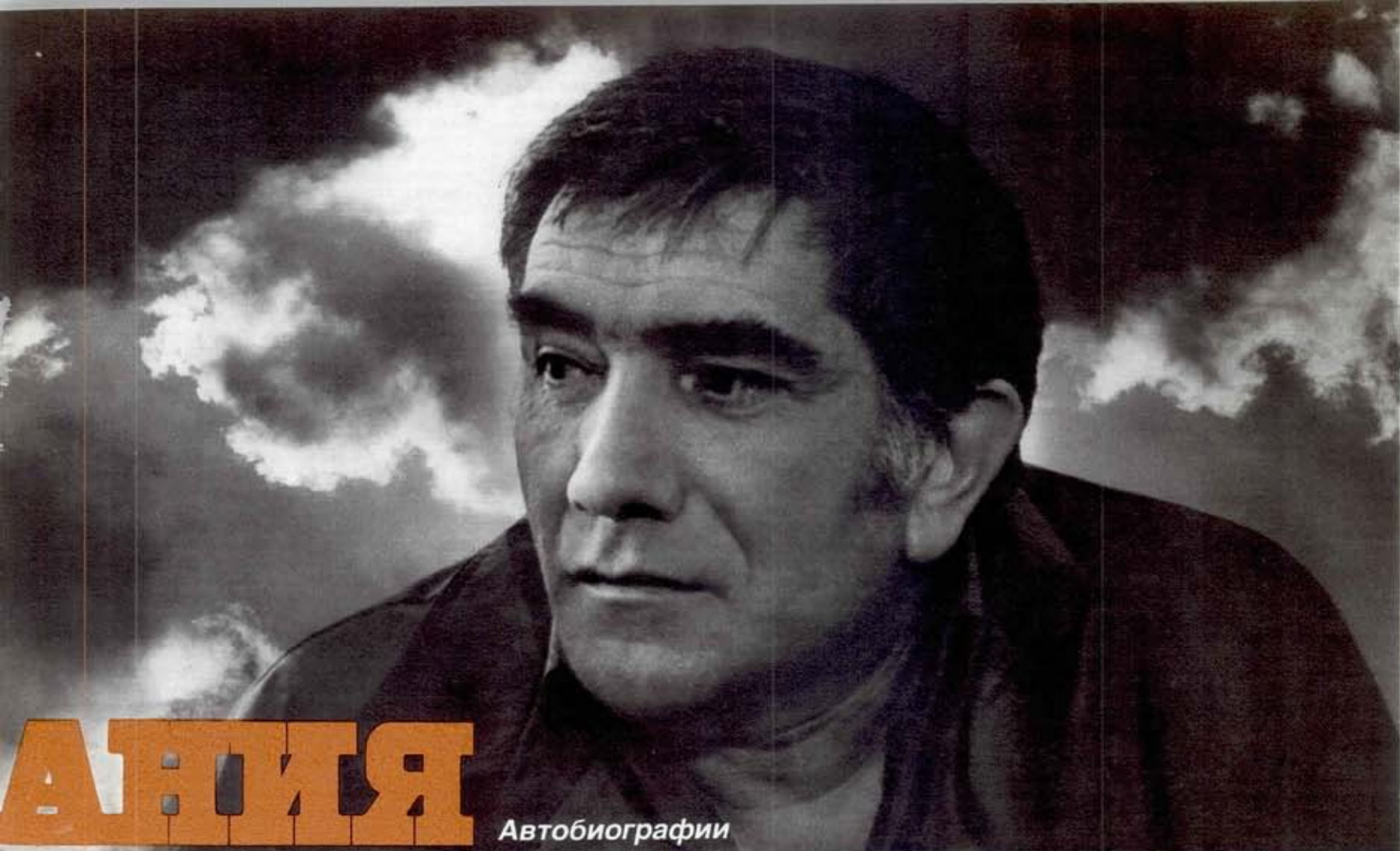
В 67-м, 25 января, поехал в Москву. Была зима. Снежная и лютая. Я приехал без шапки. И замерз. И был ошарашен. «Да, Москва — это город», — сказал я себе и прямо с вокзала пошел в театр.

А время тогда было хорошее, интересное время. Искусство переставало быть одинаковым. И люди тоже. Они как бы заново научились удивляться и создавали удивительные вещи. Театр Ленинского комсомола набирал силу. Анатолий Эфрос не боялся рисковать. Он ставил «День свадьбы», «Мольера», «Снимается кино», «Судебную хронику». Сильные, яркие спектакли. Когда я их увидел, стало страшно: как в это войти? Как соответствовать этому, не потеряв себя?

Я много пережил в ту мою первую столичную зиму. Но и повезло сразу: в труппе ко мне отнеслись доброжелательно, насколько это возможно в театре. У нас ведь почти как в футболе — когда берут нового игрока, все думают: на чье место его взяли?..

Я попал в хорошую компанию, подружился с Мишей Державиным, Левой Дуровым, Сашей Ширвиндтом. Сильно повлияли на меня съемки в фильме «Здравствуй, это я», который, по сути, и открыл мне дверь в кинематограф.

В те годы ворвался (именно ворвался!) на наши

АВТОБИОГРАФИИ

Автобиографии

Фото
Сергея
ВЕТРОВА

РАСКАЛЕННОЙ ЖЕРЬШЕ

киноэкраны Феллини со своими удивительными фильмами. Они резко выпадали из потока «разрисованных картинок», который бурлил в кино тех лет. И люди притихли, а умные поняли: им предложили нечто новое. Другое. И это «другое» надо понять, осмыслить. Я помню, как один маститый кинорежиссер после просмотра во ВГИКе фильмов Феллини вышел на сцену и сказал только одну фразу: «Да-а-а, задал он нам загадку...»

Съемки «Здравствуй, это я» попали в волну споров, вопросов, растерянных глаз. Мы варились в атмосфере яростных столкновений, ломки каких-то понятий, появлялась потребность заново осмыслить себя и свое дело. Эта атмосфера питала наши души...

Но сейчас я понимаю: предложенное Феллини и продолженное сегодня Гарсиа Маркесом полвека назад уже было открыто Булгаковым. Гениальным Булгаковым. Я, кстати, считаю, что сыграть литературу Булгакова невозможно. Даже пьесы его загадочно неисчерпаемы. Они, как живые люди, могут насмеяться над тобой или подарить вдруг взаимопонимание. Они живут какой-то своей самостоятельной жизнью. Сейчас я играю Хлудова в «Беге», и, например, в «Восьмом сне» есть сцена, когда Хлудов начинает сходить с ума. Он говорит, говорит, говорит... Вдруг пауза. И булгаковская ремарка: «Замолкает. Стареет». Все ясно. Но как сыграть это?!.. Я лично не знаю. Как это — стареет?.. Как в замедленной киносъемке, когда взрывают дом, и он, трескаясь, начинает медленно, протяжно оседать?

Чтобы играть Булгакова, нужен еще один Булгаков. Режиссер. Но ему не прикажешь родиться.

...А Анатолий Эфрос был вынужден из театра уйти. Он слишком многих раздражал своими спектаклями. Он хотел говорить о конфликтах между плохим и хорошим, но считалось, что конфликты могут быть только между хорошим и очень хорошим. После его ухода пошел скучнейший репертуар.

Однажды мы играли в помещении Театра имени Маяковского, и меня увидел Андрей Гончаров. Вскоре он заслал ко мне парламентариев, и я согласился перейти в его труппу. Впрочем, если говорить, как мы условились, честно, то не знаю, как сложились бы мои взаимоотношения с Эфросом. Уже тогда я начинал раздражать его своим... здоровьем. Он в тот период все-таки любил нечто... другое в искусстве, а это было не моим. Моя творческая жизнь складывалась счастливо. И это правда.

Я не подвожу итогов. Я вообще ненавижу подводить итоги. Меня никогда не покидает ощущение, что там, впереди, что-то обязательно ждет. Чувство ожидания, которое я определяю словом «там!», заставляет беспокоиться и любить движение. Мне никогда не хотелось сойти с дистанции в этом затажном актерском марафоне: я его люблю, хоть он и бывает мучительным.

Мне удавалось встретиться с хорошими режиссерами, играть с талантливыми партнерами. Благодаря моей подвижной профессии я видел много честных, интересных людей. Я редко работал в атмосфере ненормального «серьеза», когда собравшийся киноколлектив думает в первую очередь о своей «миссии»: мы творцы! мы просветители! мы... Скучно. В такой компании скучно работать, и я работал плохо.

Кстати, всегда завидую людям, которые отлично знают, каким должно быть искусство. Наверное, им хорошо живется.

Мне каждый раз надо влюбляться в людей, с которыми начинаю дело. Мне надо понимать их, угадывать. Я хочу шутить вместе с ними. Когда мой партнер, мне улыбаясь, меня ненавидит, для постороннего глаза наши «благополучные» взаимоотношения все равно покрыты трещинами. Я лично смотрю фильм и, как правило, угадываю, какой была атмосфера на съемочной площадке. Извините, но мне видно, что влюбленные на экране на самом деле готовы друг друга съесть. Мне хочется работать, когда я знаю, что вечером после съемок могу пойти вместе с моим новым товарищем по городу, и нам будет о чем говорить, и мы будем друг другу доверять, а не делать участливые лица.

Наверное, ни в какой области жизнь так не смыкается с профессией, как в актерском деле. Ведь я говорю только о том, что знаю сам, что есть в моем организме, в моих нервах, моем подсознании. Когда я играю боль, то достаю и свою боль тоже. Я обязан сделать все, чтобы вытащить ее из себя, как бы это ни было трудно. Феллини заметил точно: когда у него

рождается идея, он болеет и выздоравливает, только закончив фильм. Но сколько же порой приходится болеть?!

С другой стороны, в этой возможности мучительного выздоровления — неосознанная притягательность актерской профессии.

Есть в нашем деле и нечто старящее. В моей жизни происходит несчастье, я страдаю, пусть сильно, но ведь не вечно. На сцене же мне приходится каждый раз мои притупившиеся страдания вытаскивать, вспоминать, раздражать, сыпать на раны крупную соль, говоря образно. Драматурги рисуют ситуацию, характер — мне предстоит наполнять его самим собой — то самое магическое «если бы», о котором говорил Станиславский: «если бы»... это был я сам.

Сегодня мне кажется важным и интересным, когда артист не рассказывает о своих переживаниях, но умеет передать, сделать осязаемым процесс их зарождения и выхлеста. Тогда и возникают в зрительном зале те самые — такие редкие! — мгновения напряженной, эмоциональной тишины, во имя которых стоить репетировать, и мучиться, и ошибаться. Помоему, нынешний зритель любит «натуральные товары», ему важно видеть «кухню» актерского проживания в роли, видеть процесс, иногда даже некрасивый, но естественный, правдивый по жизни. Так, например, я стараюсь играть в спектакле «Кошка на раскаленной крыше» Тенниси Уильямса. Мой герой вслушивается в окружающую жизнь: в голоса, чей-то смех, чей-то плач... И постепенно рождает его психофизическое состояние, какое-то личностное поле, если так можно сказать, которым он «задевает» зрителей.

Я как-то прочитал хорошие слова о том, что чтение Гарсиа Маркеса требует «особого читательского напряжения». Надо бороться и за «особое зрительское напряжение», хотя людей не просто заставить напрягать свой мозг и нервы. Даже есть традиционное мнение, что искусство это — «успокой меня, помоги мне отключиться, но не вкальвай в меня проблемы, чтобы я не спал всю ночь». Кто прав?..

Я рассуждаю как актер и, более того, как актер Джигарханян. И давайте договоримся: так я считаю сегодня, но как буду думать завтра, не знаю. «Там!» будет видно. Но сегодня мне, например, кажется, что в человеке очень сильна его биология. Инстинкты. Нет, они не исключают духовность. Более того, предполагают один из главных конфликтов — между духовностью и плотью, который и делает человека таким странным и умным существом. В своих страстях мы изменились мало. Человечество — да, но это другое. Изменились скорости, и от Москвы до Нью-Йорка можно долететь за восемь часов, а Монтеки и Капулетти до сих пор живут и в Париже, и в Бирулеве, Ромео и Джульетты есть в Строгине и на Сретенке.

Уже несколько лет я пытаюсь проникнуть в роль императора Нерона из пьесы Эдуарда Радзинского «Театр времен Нерона и Сенеки» и начинаю понимать, что, несмотря на пропасть времени, Нерон страдал, любил, мог бояться смерти, мог бояться одиночества... Все это мне надо из себя достать. И я уверен, во мне живут и его страсти. Я вспомню их.

Недавно я прочитал в книге «Театр для людей» известного итальянского режиссера Стреллера пронзительные — иначе не скажешь — строки. Рассуждая о нашей профессии, он пишет, что мы разучились жить: мы слишком озабочены тем, что должны играть. Чтобы понять смысл этих строк, надо долго вариться в театре. Жить разучились, понимаете? Не ролью жить, а ЖИТЬ!.. Только не надо мыслить примитивно: «А-а-а! Они и в жизни играют!» Стреллер говорит про другое. Я иду на похороны и невольно начинаю наблюдать за процессом похорон: для меня процесс важнее всего. Я иду на свадьбу и радуюсь возможности наблюдать, мне недоступна «чистая» радость. Чудовищно, если вдуматься в это по-настоящему! Я не кокетничаю, утверждая, что актерский хлеб — хлеб тяжелый, если, конечно, нашим делом заниматься всерьез.

Истинное творчество, наверное, всегда связано с потерей здоровья. Мне так кажется. Совсем нелегко воспринимать жизнь через профессию, но по-другому не получается. И не получается. Я как-то приехал к своему другу-кинорежиссеру, и у него был мрачный период, когда хочется все и всех послать к чертовой матери. Он говорит мне: «Больше не могу. Уйду. Надоело!» «Чем же ты будешь заниматься?» Он начал рассказывать и рассказал... фильм. Фильм про то, что он собирается делать, когда перестанет снимать фильмы. Мы обреченные люди, хоть и надемся, что это не так.

Странно, но теперь мне перестало нравиться слово «мастер», когда его употребляют по отношению к актерскому делу. Мой первый театральный учитель всегда говорил: «Не устаньте удивляться. Чем дольше вы сохраните в себе детство, тем дольше проживете в искусстве настоящей жизнью». Мой многолетний опыт убедил: люди, которые теряют способность удивляться, перестают быть артистами. И поэтами. Правда, некоторые из них завоевывают другое — крепкое душевное здоровье. Эти рационально настойчивые творцы начинают хладнокровно заниматься организацией собственного успеха. Они даже обладают удивительным чутьем друг на друга, создавая целые корпорации, где вступительный ценз — усредненность. Когда-то меня сильно раздражали эти настырные умельцы, но сейчас вызывают брезгливое сочувствие. Беда в другом: слишком многих они успевают «отрезвить», разочаровать в справедливости и научить цинизму.

...Итак, моя интуиция, мой мозг должны одинаково хорошо и гибко работать и на птичьем рынке, и на лекциях по психологии. Причем я не знаю, когда и в какой роли мне пригодятся эти знания, но пригодятся обязательно. Только поймите меня правильно: мне смешно, когда я читаю что-то вроде: «Он хорошо помнил то ясное, солнечное утро, когда увидел трубу завода. Он понял свое призвание...» Полная чушь. По-моему, призвание — вообще категория загадочная и непредсказуемо изменчивая в течение жизни. А истинные потрясения скрыты очень глубоко, про них нельзя рассказать. Они уходят в глубину души, становясь душой. Я заметил: когда я могу хорошо и подробно рассказать о своей будущей роли, обязательно плохо ее сыграть. Я не люблю облекать в слова то сокровенное, что выношу на сцену. Не люблю об этом рассуждать. Пусть мается внутри, накаляется. Чувство, обличенное в слово и не раз проговоренное, теряет энергетику.

Иногда мне вспоминаются какие-то очень странные и неожиданные вещи. Сам удивляюсь: почему?.. Как-то недавно и вдруг вспомнил наш дворик в Ереване, тувовое дерево, и мы, мальчишки, лезем на это дерево... Не знаю, есть ли здесь какая-то взаимосвязь, но через много лет, снимаясь в фильме «Белый взрыв», я понял, что панически боюсь высоты. Это, кстати, было довольно забавно.

Снимали высоко в горах. Играл я альпиниста. Сначала мне долго объясняли, что трос выдерживает пять тонн и, даже если я очень захочу, оборвать его не

удастся. Потом меня подвесили над ущельем. Вишу, а где-то в облаках витеет в вертолете режиссер Говорухин и бодро кричит в мегафон: «Хорошо висишь! Работай! Работай!» А у меня глаза стекленеют, и я пошевелиться боюсь. Только почему-то шепчу: «Сам работай, Говорухин...» Началась икота. Представляете: висит мужественный, но икающий от страха альпинист. Весело? Но только не мне. При этом отлично понимаю, что никакие силы не оторвут меня от троса, но все равно умираю от страха. Между прочим, я тогда впервые осознал, что такое страх, познакомился с ним «лицом к лицу».

Еще я часто вспоминаю с необъяснимой яркостью сохранившийся в моей памяти странный штрих войны. Пригодилось мне это воспоминание в работе или еще пригодится?.. В соседний дом с фронта пришел раненый. Все говорили друг другу тихо и значительно: «Пришел раненый... Раненый...» Мы собрались у этого дома и боялись туда войти. А какой-то стоявший поблизости человек сказал: «Так ведь осторожнее надо быть на фронте...»

Странные слова. Нелепые... Недавно я прочитал интервью с известным итальянским альпинистом, который в одно из своих восхождений отправился с братом, и брат погиб. Распространилась версия, что его можно было спасти, и этот альпинист ответил репортеру: «Что же я могу объяснить людям, которые ни разу не ступали на ледник?..» Раньше я часто и подолгу старался пояснить, почему много снимаю в кино. Сейчас отвечаю коротко: «У меня с этой жизнью и с этой профессией свои дела.»

Что я могу объяснить людям, которые не прожили театр изнутри?..

Наверное, мои «автобиографические» размышления будут читать молодые люди, и, чтобы показаться им оригинальным, сознаю: я страшно завидую успеху другого человека. Да, если я вижу работу Роберто де Ниро, мне тоже хочется быть хорошим артистом. Но простят мне мое открытие — без нормальной зависти и честолюбия творческая личность будет развиваться неполноценно и, мне кажется, медленно. «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» — мне нравятся эти нескромные строки. Завидуйте, пока не поздно, слушайте свое честолюбие и, глядя на других — удачливых и талантливых, — подстегивайте его, без этого жить в творчестве нельзя.

И не надо бояться ошибаться. Особенно в молодости. Чем раньше, тем лучше. В нашей профессии, говоря языком шахмат, можно научить дебюту, но главное — эндшпиль, а тут — только сам.

Все же театр — удивительное заведение в смысле «раздевания» человека. Приходит вчерашний студент, которого воспитывали четыре года, и вдруг начинает все делать наоборот, включая в игру, о правилах которой даже не подозревал. Он снимает «школьную форму», и выясняется, что ученик и учитель на один и тот же предмет искусства смотрят по-разному, он вызывает разные эмоциональные состояния. Дело не в том, что плох учитель или ученик, просто, оказавшись в новой среде, молодой человек вынужден отстаивать свою индивидуальность (если, конечно, она есть), свою «группу крови». И великая трудность для учителя — понять это, принять...

В искусстве ребенок может родиться и от взаимной любви, и от взаимной ненависти. В нашем деле к рождению нового качества могут привести законы аллергии.

Думать в одну сторону не значит думать одинаково. «Делай, как я» — подходит для фабрики или завода. В искусстве — «Как я — не делай». Мой Сократ из спектакля нашего театра говорит хорошую фразу: «У меня нет учеников, у меня есть беседающие с Сократом». Он понимает, что ученик и учитель — категории сложные, и уравнивает их в правах: беседающие...

Самая страшная опасность учительства — перестать слышать. Бубнишь, бубнишь, привыкаешь к своему голосу и уже слышишь только себя. Но и нужен только себе.

Мне нынешняя молодежь нравится. Особенно те, с кем трудно «заключать сделки». Они, правда, еще ничего не умеют, но уже все понимают. Их не обманешь. Я, например, перед выходом на сцену с удовольствием представляю их холодноватые, спокойные глаза — они заводят меня, разогревают во мне азарт, как перед поединком. И меня раздражают некоторые темпераментные высказывания в адрес молодежи. Я, конечно, понимаю иных работников нашей легкой промышленности: на беду им, молодые люди упорно не хотят носить одежду послевоенного образца. Но обвинять всегда проще, чем перестраиваться.

Молодежь хочет слушать «странную» музыку? Так ведь и Лев Лещенко казался когда-то «революционером», и во времена Моцарта были свои Поли Мориа.

Есть хорошее высказывание: «Нынешняя молодежь привыкла к роскоши. Они отличаются дурными манерами, презирают авторитеты, не уважают старших. Дети спорят с родителями, жадно глотают пищу и изводят своих учителей...» Сказал это две с половиной тысячи лет назад Сократ.

Если нас раздражают некоторые увлечения и развлеченья молодых, то, во-первых, не надо отчаиваться: исторически мы не одиноки. Во-вторых, давайте предложим им что-нибудь другое, но интересное им, а не нам. Мы же, запрещая, сами причаем их подыгрывать и лгать. Зачем? Сегодня мне кажется, что во взаимоотношениях «отцов» и «детей» по отношению к «детям» важны три качества: первое — терпение, второе — терпение и третье — терпение...

А вообще я им сильно завидую, этим «детям». Когда вижу, как они целуются в метро, — я завидую их раскрепощенности. И это совсем не просто — завидовать. И приходит это не сразу. Сначала — раздражение и злость. Когда я слышал громкий молодой смех на улице или в автобусе, то раздражался, а теперь понимаю: сам я уже не умею так смеяться. Возможно, немощного человека всегда раздражает здоровье другого?..

Воспитывая своих детей, я прошел и через инквизицию, и через компромиссы. Сейчас придерживаюсь двух правил: подлинная любовь и подлинная свобода. Да, страшновато. И во мне еще просыпаются инстинкты: боюсь, не свалились бы в пропасть, не ушиблись бы. Но ведь если суждено свалиться — свалиться. Если живет в человеке желание упасть — никто не удержит. А удержись, можешь сделать несчастным... Это жизнь, а она странная. Мы хотим из своих детей создать себе подобных. По-человечески я это понимаю, так безопаснее. Но кому удавалось прожить на перинах?.. Конечно, когда мой сын или дочь обратятся ко мне за помощью, я постараюсь им помочь, но смогу ли? И чем? Душеспасительной беседой за чашкой чая: «Ты знаешь, Стендаль говорил...» Нет, учить должна жизнь, сама жизнь.

Однажды я был свидетелем такого разговора. К моему другу пришел сын и сказал, что хочет пойти к приятелю на день рождения. «Ни в коем случае!» «Кто там будет?!» «Никаких сборищ!» И я сказал моему другу: «Зачем ты заставляешь сына себя обманывать? В следующий раз он будет говорить, что идет на комсомольское собрание...» Конечно, легко рассуждать о чужих детях, как легко рассуждать о молодежи вообще, о молодежи всего мира... Только не надо упрекать меня в равнодушии. Я больше всего на свете не люблю равнодушия. Это страшное качество. Все наши беды изначально идут от равнодушия. Потому вперед выдвинулись настойчивость, необходимость, расчет. Быть может, так и должно? И все наши размышления, рассуждения, ахи и охи — пустое? Жизнь есть жизнь, ей нужны крепкие опоры, а мораль... Мой Нерон сравнивал мораль с резиной. Но что же мы тогда проживаем? Зачем?..

Правильно ли я живу? Правильно ли жил? Предложите мне сейчас прожить жизнь сначала. Выбрал бы я снова уже пройденный путь? Я часто задумываюсь над этими вопросами. Пытаюсь ответить на них самому себе и, честно говоря, не могу. Почему?..

Однажды я лежал в больнице, и со мной в палате был старик с плохим сердцем — уже не поднимался. Как-то к нам зашел врач и спрашивает старика: «Как вы себя чувствуете?» «Не знаю», — отвечает старик. «Как это не знаете?!» «Послушай, сынок, вот если я встану и пройду по коридору до окна, тогда я скажу тебе, как себя чувствую».

Так ли я жил? Наверное, есть вопросы, на которые нельзя ответить при жизни.

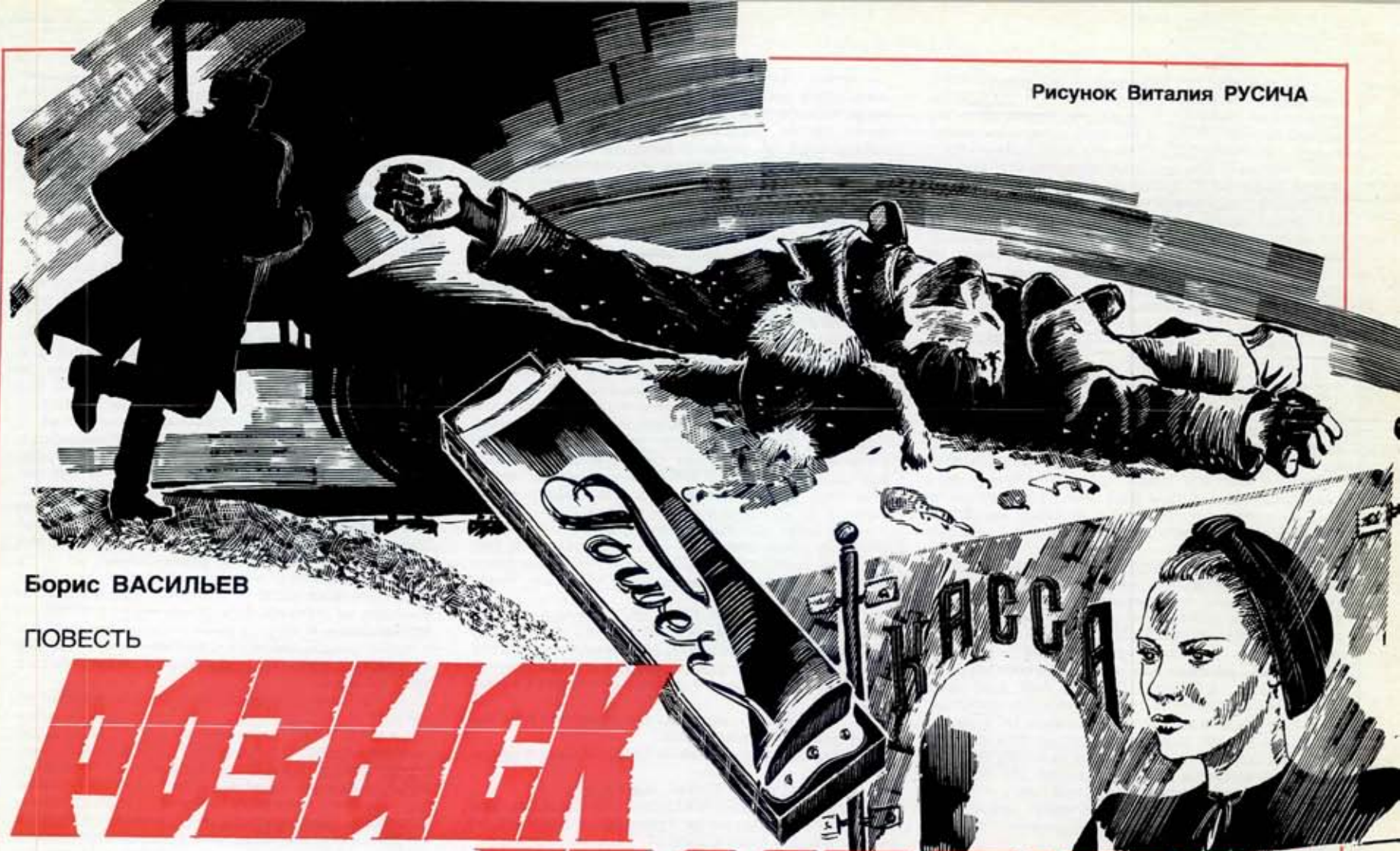
Я очень люблю обыденность. Мне не нравятся премьеры. Я получаю наслаждение от рядовых спектаклей. Идет 456-й «Трамвай «Желание», и я живу в нем, проверяю какие-то интонации, что-то расслабляю. В рядовом, обыденном спектакле у меня есть возможность прожить без лишней, дополнительных эмоций, которые мешают, которые «саматоха». Обыденность великава. И ощутил я это недавно. На съёмках в Армении. Мы поднялись в горы, в высоту. Тишина, небеса, и стоит монастырь...

Я не могу передать словами то мое состояние, но сыграть его попробую, во мне родилось нечто, и это нечто мне хочется сыграть.

У Рериха есть одна мудрая сказка: «Я верю в себя, и эта вера ведет меня вперед, и ничто не лежит на пути моем... Вижу я — не сочтут за врага меня люди и не оторвусь я от мира, ибо пою я, а песнь живет в мире, и мир живет песней, без песни не будет мира. Песня лишь часть меня, если поверю я в песню мою больше, чем в самого себя, тем разрушу я силу мою и не буду спокойно петь мои песни, и не будут слушать их люди, ибо тогда буду петь я для них, а не для себя. Все я делаю лишь для себя, а живу для людей... И я верю в себя и хочу смотреть на любовь. И как пою я лишь для себя, а песню мою живлю всех — так пусть будет вовеки».

Мне 50 лет. Но, честное слово, я никогда не понимал значительности того, что делаю. И потом писал каждой интересной работы или выступления в печати в потоке писем есть не только восторженные, но и отрезвляющие, а они помогают жить, не теряя критериев в самооценках.

Записал Андрей КУЧЕРОВ.

Борис ВАСИЛЬЕВ

ПОВЕСТЬ

ДОЗЫНКА

ПРОДОЛЖАТЬ

Спящего глубоким обморочным сном Владимира Пухова тут же отправили домой. В опустевшей комнате пахло лекарством, на столе лежали ремешок и гвоздик, тряпка и огрызок сахара, губная гармошка, какой не было в продаже, и остро отточенный самодельный нож, мастерски изготовленный из ножовочного полотна.

— Им и резали, — невесело констатировал Сорокопут. — И экспертиза ни к чему. А вот зачем резали, Минин? Как мыслишь?

— А что мы имеем? — Я взял лист бумаги и начал писать. — Первое: существует некий Милор, которого до припадка боится Володя Пухов.

— Милор — фамилия или кличка?

— А может быть, имя. Есть такое революционное имя: Мэлор. Маркс, Энгельс, Ленин, Октябрьская революция. У нас мальчишку во дворе так звали: Мэлор.

— А тут — Милор, и потому вопрос остается открытым. Давай дальше.

— Дальше второе: по всей вероятности, этому Милору-Мэлору нужно, чтобы наш Вовочка вспарывал генеральские перины и матрацы.

— И повальный обыск в помещениях. А для чего? Цель должна быть? Поиски оружия? — Старший лейтенант вздохнул. — Фактов у нас нет в этом направлении. Ни хвостика. Опять вопрос оставляем открытым.

— Третье, — продолжал я. — Судя по всему, Вера Звонарева с улицы Жданова зачем-то искала встречи с этим Милором. Но, правда, неизвестно, нашла ли она его, зато точно известно, что три дня не ночевала дома.

— Потолкуй с ней.

— Потолкую. И четвертое. Милора можно встретить на Центральном телеграфе в семь часов.

— Утра или вечера? Ежедневно или по определенным дням?

— Все — икс и полная неизвестность. Но...

— Что «но»?

Сорокопут переспросил со значением, и мы со значением посмотрели друг на друга.

— Есть идея, — сказал я. — Если отлучусь с участка по делам службы? Ненадолго, а? Санкционируете?

— Придется, — вздохнул старший лейтенант. — Людей нет, а это единственная возможность. Если, конечно, мы все уцепили правильно.

Поняли мы тогда друг друга с полуслова: так как никто нам не санкционирует допроса Пухова, то единственной возможностью остается проследить за

его поведением. Паренек не мог не встревожиться приводом в милицию, а также заданными ему вопросами, но поскольку мести таинственного Милора он боится еще больше, то не исключено, что попытается предупредить своего хозяина, подарившего ему не только губную гармошку, но и остро отточенный нож. Не оброни Вовочка неосторожной фразы о семи часах на Центральном телеграфе, ни у Сорокопута, ни у меня не появилось бы этой идеи. Но Пухов проболтался, и мы «уцепили мысль».

За квартирой Пуховых следили, но только через сутки паренек вышел из дома: видимо, припадок не прошел для него бесследно. Он не смотрел по сторонам, шел прямоком на станцию, но шел медленно, часто отдыхая, и я успел на ту же электричку.

Следить за Володей было сущим пустяком: он не оглядывался, не пытался избежать наблюдения да и не догадывался о нем. Туло глядел в пол, ни с кем не разговаривал, и я, оставшись в тамбуре, ни на мгновение не терял его из виду. Ни его, ни рваного трюха с заплаткой из лоскутка белого кроличьего меха.

В то время электрички — старые, с обычными, а не пневматическими дверями — ходили медленно и нечасто. Мы сели в пятом часу (уже заметно темнело), но уже к Лосинке вагон был набит до предела. Меня зажали в тамбуре, и я, как ни старался, из-за голов и спин уже не видел Володю. При этом парнишка сидел в дальней от меня половине вагона и, по логике, должен был выходить вперед, по ходу поезда. Поэтому, как только электричка остановилась у пригородных платформ Ярославского вокзала, я начал энергично прорываться к выходу, несмотря на протесты, ругань, угрозы и чувствительные тычки недовольных пассажиров. С изрядно помятыми боками я все же вовремя выбрался на платформу: как раз в этот момент людским напором Пухова вытолкнули из передней двери. Час «пик» был в самом разгаре, множество людей валом валило по всем направлениям и во все стороны, и я скоро опять потерял облезлую шапку с приметной заплаткой сзади. Пометавшись и потолкавшись, я так и не смог нигде обнаружить своего подопечного и со всей возможной

быстротой помчался в столь же переполненное метро. Я спешил на Центральный телеграф, так как до семи оставалось совсем немного. Доехав до Охотного, бегом взбежал по эскалатору к гостинице «Москва», перешел на Горького, поднялся к телеграфу и до семи гулял возле полукруглой его лестницы. Ни Пухова, ни кого-либо подозрительного так и не обнаружилось; я вошел внутрь, методически обследовал все залы, ждал до девяти, но Володя Пухов в этот вечер на Центральный телеграф так и не явился.

— Провалил операцию! — громил меня поздним вечером старший лейтенант Сорокопут. — Недоумок, бестолочь, холера тебе в бок! Пухов-то Володька спокойненько в полдесятого домой вернулся, пока ты сыщика там изображал!

— Я толкучки не предусмотрел. Час «пик».

— Час «буб»! Сколько ты ночей не спал? Две? Приказываю отправляться домой и спать ровно девять часов. Даже десять. Уцепил мысль?

Мысль я уцепил, однако подняли меня значительно раньше. В половине седьмого утра все та же почтальонша Ангия Тимофеевна у насыпи железной дороги наткнулась на еще теплый труп Володьки Пухова.

— Смерть наступила не более часа назад, — сказал нам местный врач. — Причина: проникающее ранение черепа. Поскольку рана сквозная, определить, из чего именно стреляли, не берусь. Ищите пулю.

До приезда спецбригады из Москвы пулю искать мы не решились. И вообще к трупу не приближались и никого к нему не подпускали. Трудно передать мое состояние в то время: я бродил вокруг, осматривался, расспрашивал, а сам все время думал о собственной вине. Да и узнать ничего не узнал: выстрела никто не слышал, потому что в то же приблизительно время на Ярославль проследовал товарный состав.

Прибывшие работники областного Управления констатировали только то, что и без них было очевидным: убийство, сквозное огнестрельное ранение черепа, труп расположен на расстоянии пятидесяти семи метров от железнодорожной насыпи. Ни пули, ни гильзы, ни места, откуда стреляли в несчастного паренька, не смогли разыскать и самые опытные профессионалы.

Продолжение. Начало в № 17.

— Да при чем тут матрацы!—с неудовольствием поморщился руководивший оперативной группой капитан.—Где имение, где вода. Ну, отработайте эту версию своими силами, а мы пока делами занимаемся. Значит, так: товарный состав, круг знакомств убитого, опрос жителей. Кто что слышал и кто что видел в районе убийства от шести до восьми утра.

Я доложил ворчливому капитану все, что, по моему разумению, могло быть связано с убийством прямо или косвенно. Не только о потрошении матрацев, к чему капитан отнесся с явным пренебрежением, но и о таинственном представителе райкома, посещающем московские квартиры жителей Офицерского поселка, а также о поездке Владимира Пухова в Москву.

— Проверим. А что упустил — растяпа. Суется не в свое дело, шерлоки холмсы.

— Я окончил курсы...

— Еще хуже, — отрезал капитан. — Полузнайство в нашем деле хуже полного незнайства, понял? И вполне допускаю, что твои необдуманные, прямо скажем, топорные действия могли подтолкнуть убийцу. Могли, понял? И моя бы воля, я бы тебя выгнал из милиции в двадцать четыре часа. Но поскольку нет у меня такой воли, а ты в дело влип основательно, то так уж и быть, поковыряйся со своей матрацной идейкой. Через десять дней доложишь, вот тебе мой телефон.

Я был настолько выбит из колеи гибелью Володи и ощущением собственной вины, что напрочь забыл о Вере Звонаревой, трехдневной ее отлучке, «хрустиках», которые за что-то настойчиво требовал с нее покойный Вовочка, тетке в Сокольниках и возможной встрече Веры с неизвестным Милором (о котором, естественно, доложил все, что знал) в семь часов на Центральном телеграфе. Я тогда был еще очень молод, абсолютно неопытен и не понимал, насколько прав капитан в своей суровой отповеди. Не понимал, насколько вредит делу любительская самостоятельность доморощенных сыщиков, не имеющих ни навыков, ни помощников, ни просто знаний для борьбы с неизвестным преступником, личный опыт которого, его интеллект, знания, развитие могут значительно превосходить те же качества одинокого сыщика-любителя.

В сущности, это и произошло в данном и, увы, роковом случае, однако, сознавая, что совершил оплошность, я не понимал, в чем она конкретно заключалась и почему в результате этой моей промахи преступник решился на такую крайнюю меру, как убийство поселкового дурачка, показания которого даже не могли быть использованы в суде в силу ограниченной дееспособности гражданина Пухова.

— Милор, может быть...

— Проверим, — сухо отрезал капитан. — Ребята тут поработают. Ты с ними не знаком, ничего не знаешь и никому больше не лезешь. Матрацами занимайся, это тебе по плечу.

Не скажи неприветливый капитан последней фразы, я, может быть, и не закурил бы удила, не обиделся бы до жара, не полез бы в бутылку, выражаясь тогдашним языком. Но меня весь тот день совали носом в эти распоротые матрацы, с которых, собственно, все и началось, и в конце концов количество переросло в качество. Я невероятно обиделся и дал сам себе слово лично представить убийцу заносчивому капитану.

Опергруппа уехала, собрав ничтожные материалы об убийстве. Отныне я должен был бы заниматься «матрачной версией», но заниматься ею я не спешил, поскольку упорно размышлял над иной проблемой.

Время выстрела, оборвавшего жизнь Володи Пухова, было известно не только из предположений местного врача, но и из заключения экспертизы, с которой нас ознакомили. Тогда на Ярославль шел товарный состав: об этом тоже было известно, и поездной бригадой занимались ребята из опергруппы капитана. А мне неожиданно пришло в голову не какое-то там откровение, а некое, весьма недоказуемое соображение, что грохот проходящего товарняка и грохот выстрела совпали не случайно, и именно поэтому, собственно, выстрела никто и не слышал. А убийца мог стоять на насыпи: там не было снега, а следовательно, и не осталось следов.

Однако после разноса капитана я не решался на самостоятельные действия. Не потому, что боялся служебных неприятностей, а потому, что понял и на всю жизнь запомнил, сколь вредны и опасны личные розыски. Но идти даже к Сорокопугу со своими беспочвенными догадками я не рискнул, решив сначала посмотреть на поезд, который шел, согласно расписанию, в тот день так же, как и во все прочие дни.

Я вышел к насыпи ранним утром еще до подхода товарного состава и, значит, до убийства, если эти два события и впрямь накладывались друг на друга. Было еще очень темно, насыпь в этом месте пересека-

ла низину и оказалась значительно выше тропинки, на которой нашли тело. Областные работники еще тогда внимательно осмотрели насыпь, колею и тропинку, но не обнаружили ничего любопытного, а собака след не взяла. Я несколько раз прошелся вдоль полотна, но не потому, что рассчитывал найти что-либо, а чтобы представить, где мог стоять преступник, поскольку его следов нам обнаружить не удалось. И выяснил, что в это время с насыпи тропинка еле-еле просматривается, а если учесть, что тело нашли в пятидесяти семи метрах от рельсов, то попасть при таком освещении и на таком расстоянии даже в белую заплатку шапки было практически невозможно. Это перечеркивало блеснувшую было идею, но я не успел разочароваться, так как показались поезд.

Я решил дожидаться его на насыпи, поскольку кругом был непролазный снег. Заранее стал твердо и устойчиво, ожидая, что мимо промчится грохочущая машина, но в этом месте оказался незаметный для глаза, но ощутимый для поезда подъем: состав полз, грохоча и лязгая. Да, этот грохот способен был заглушить любой выстрел, но я не думал уже о выстреле: неожиданно для себя я рванулся, нагнал подножку, уцепился за поручень, подтянулся и оказался в проходящем составе.

— Не знаю, как преступник пришел к месту убийства, но точно знаю, как он с него ушел, — с торжеством сообщил я Сорокопугу. — После выстрела убийца вскочил в проходящий товарный поезд на ходу.

Старший лейтенант Сорокопуг получил от собственного начальства хороший нагоняй за инициативу, выходящую за его права, обязанности и компетенцию. Теперь на его отделении висело убийство, при всей симпатии ко мне он не хотел обсуждать со мною эту тему.

— Твоя задача — матрацы. В кратчайший срок выяснить. Все, можешь гулять.

— Я прошу разрешения на следственный эксперимент.

— Я сказал: все, Минин. Уцепил мысль?

Мысль уцепил пожилой сержант Крючков, слышавший этот разговор. Когда я вылетел из кабинета, он успел нагнать меня у выхода:

— Что хочешь проверить?

— Ничего! — заорал я. — Я дурак, все, точка!

— Не кричи, — улыбнулся сержант. — Молодое дело. Человека убили, а ты обижаешься. Нехорошо. А убийца, свободное дело, мог на том составе уехать. У следующей станции спрыгнул — и ищи ветра в поле. То, что следов нет, это ведь тоже след, лейтенант.

— Тогда он должен был стрелять с насыпи.

— Ну?

— А откуда в это время еле-еле тропинка угадывается. Конечно, снег подсвечивает, силуэт виден, но ведь ему же не в силуэт, ему в затылок попали, и пуля неизвестно куда ушла. Я хотел сделать фанерную фигуру по размерам Пухова, поставить ее на место, где нашли тело, и пострелять в нее с насыпи.

— Молодой ты, — грустно усмехнулся Крючков. — А я так такой старый, что без всякого эксперимента скажу, что на полста метров голову насквозь прошить можно либо из нашего «ТТ», либо из немецкого парабеллума. Оба выбрасывают гильзы, а их убийце подбирать некогда было, если он на товарняке уехал. Вот и не сходятся у нас концы с концами в этом пункте.

— Думаешь? — растерянно спросил я.

— Нет, случайности я не отрицаю. Все, конечно, в жизни бывает, но нам не стрелять с насыпи нужно, а стреляющую гильзу искать.

— Москвичи искали.

— Искали, да не нашли. А она скатиться могла, в снег либо в щебенку зарыться. Словом, надо найти. Обязательно даже надо.

Сержант служил в поселке чуть ли не всю жизнь, и поиски гильзы организовал с размахом. Привел два старших класса местной школы, объяснил, как и что искать, разбил участок поисков на квадраты, но все оказалось напрасным. За три часа семь десятков глазастых ребят, не считая взрослых, в буквальном смысле прощупали каждый сантиметр насыпи, но гильзы так и не нашли.

— Значит, считай, что чего-то мы недоучили, — вздохнул Крючков. — Начни-ка ты сначала, лейтенант.

Тогда я еще не знал, сколько раз почти в каждом эпизоде мне придется снова и снова начинать все сначала. Как только заходила в тупик, обрывалась или оказывалась ошибочной какая-либо из версий, оставалось возвращаться к исходной точке и вновь методически продумывать, а точнее, прощупывать весь ход рассуждений, оставляя в нем только то, что выдержало проверку фактами, и беспощадно отбрасывая догадки, домыслы и допущения. Все это при-

шло позже, превратилось в привычку, в метод самоконтроля и поисков решений. Но толчком послужили слова старого милиционера: «Начни-ка ты сначала, лейтенант».

А где оно было, это начало, с которого следовало все начинать? Полночи я вертелся без сна на скрипучем диване, то вскакивая, то опять ложась и пытаюсь уснуть. Я квартировал тогда у пожилой одинокой вдовы, боялся разбудить ее скрипом, вздохом да шагами, а она тоже не спала, так как по одинокости и жажде заботы ворчливо опекала меня, знала об убийстве столько же, сколько и все, но догадывалась, что я столь болезненно переживаю гибель Володи потому, что считаю себя повинным в этой трагедии.

Я долго, мучительно долго не мог нащупать начало по той причине, что не знал тогда, как его искать. И искал интуитивно, хватаясь то за фразу, то за поступок, то за какой-то неуловимый намек, но все оказывалось случайным, а потому и не позволяло протянуть ниточку. И только порядком устав, с отчаяния начал искать наоборот: от убийства назад, а не из прошлого к убийству; именно этот способ анализа и позволил мне выстроить цепочку, так как сам собой, логически приводил к единственно верному изначальному факту, поскольку я знал его, а не выскидывал, не подтасовывал, не придумывал. Способ этой отмотки событий назад и стал впоследствии основой моих логических размышлений, но в ту полубессонную ночь он возник интуитивно, от усталости и безнадежности. Я мысленно пошел назад от убийства, не стремясь определить заранее, с чего же все началось. И день за днем отступая в прошлое, я в конце концов пришел к событию, за которым все обрывалось: вернулся в первое утро своей работы в этом поселке.

— Ты Верку Звонареву найди, — в полудреме услышал я голос Сорокопуга. — Три дня дома не ночевала... Стоп, стоп, а при чем же здесь краснощекая Вера Звонарева? Я тогда встретил ее на улице, очень обрадовался, что так легко выполнил первое задание начальника и... И к ней подошел Вовочка и потребовал «хрустик». Именно потребовал: я хорошо помнил интонацию. Но главное не это, главное — начало: в тот день я впервые встретился с будущим потрошителем матрацев, погибшим насильственной смертью у полотна железной дороги в полумраке зимнего утра менее чем через полтора месяца.

Открыв для себя точку отсчета, я так обрадовался, что тотчас же и уснул. Проснулся рано, как всегда (я тогда все еще усиленно вырабатывал полезные привычки), и сразу вспомнил о Вере, первой встрече с покойным Пуховым и его странных претензиях на денежное вознаграждение («хрустик»). Пришел в отделение, но ничего начальнику говорить не стал, решив сначала потолковать с гражданкой Звонаревой. И потолковать не по поводу, не о несчастном Вовочке, а о чем-либо ином, чтобы выяснить интересные факты не путем милицейского допроса, а в обычной беседе. Для беседы требовалась встреча, а для встречи — предлог; по счастью, таковой нашлась: Вера Звонарева нигде не училась и не работала, что вполне могло обеспокоить участкового уполномоченного младшего лейтенанта Валерия Минина.

Все было учтено, только Веры дома не оказалось. Оказалась мамаша, которая уже вернулась с ночной смены, пила чай и собиралась поспать.

— В Москве Верка, — сказала она. — На работу к нам оформляется, на завод, так что не беспокойся.

— И что это она в Москву зачастила? — спросил я, чтоб хоть что-нибудь спросить.

— Вот и я говорю: зачем суешься, раз у тебя парня отбили и ты доселе ревя реवेशь? Где, говорю, твоя женская гордость, чего ты обратно к своей Люське лезешь?

— А мне говорила: мол, у тетки нечует.

— У Полины, сестры моей, все верно. А Люська — это соседка Полины, оторва не дай бог, прямо тебе скажу. Моя дура своего парня с нею знакомит — похвастаться решила, а перед кем! Та, подлюка, его тут же и сманивает. Сейчас парни в большой цене. — Она выразительно глянула на меня и вздохнула. — Три дня моя дура вокруг голубков этих тогда сутилась — ну, когда я к вам жаловаться бежала — тут ежеченно ревели, а потом вдруг в Москву сорвалась. «Куда, спрашиваю, дура ты чертова?» — «Люське рассказать...» — И вихрем на электричку.

— Это когда Володу Пухова убили? — спросил я, и сердце мое замерло.

— Нет, это уже второй раз, а тогда Володька еще живой был. Арестовали вы его, что ли, вот моя Верка и помчалась новостями делиться.

Почему Вере необходимо было сообщить счастливой сопернице, что арестован местный паренек? Арестован по пустячному делу, в сущности, хулиган-

ству и отпущен по причине практической недееспособности. И тоже вдруг поехавший в Москву, где я так бездарно потерял его. А не потому ли я его потерял, что Пухов в тот вечер спешил не на Центральный телеграф, а в Сокольники? Милор, с которым был связан Вовочка и, возможно, Вера: не его ли отбила коварная Люська?.. Все это мгновенно пронеслось у меня в голове, но спросил я об ином:

— Вера, поди, сильно переживала, когда Володю убили?

— Переживала, — вздохнула Звонарева. — Два дня редела: за что, мол, за что? А потом в Москву ринулась. А правда, кто убил-то? Наши?

— Случайность, — скорее по наитию, чем с какой-либо задней мыслью сказал я. — А Милор, значит, к Люське переметнулся?

— Кто?

— А парня Вериного разве не Милором звать? Неужто спутал я?

— Юрием его звать, — почему-то с упреком сказала мать. — Выдумали Милора какого-то, а мы с иностранцами не водимся. Юрий, это точно.

— Это какой же Юрий? Мастер спорта, что ли?

— Чего не знаю, того не знаю. Может, и мастер, только мне не докладывал. Дурам докладывают, а не матерям.

На этом и кончилась наша беседа, но я почерпнул из нее многое. А главное, если таинственный Милор и впрямь был убийцей, то сделал он это из боязни, что Пухов наведет на него милицию. Не расскажет о нем, а наведет на него: отсюда вытекало, что тогда меня засекли. Засекли и сразу же отсекали того, за кем я шел... А если к тому же предположить, что Милор и Юрий — одно и то же лицо, то Вера Звонарева остается теперь последней свидетельницей, которую предусмотрительный преступник постарается отправить вслед за Вовочкой. Перехватить его тут, в поселке, невозможно, потому что неизвестно, кого хватать, когда и откуда он к нам нагрянет. Значит, следует познаться хотя бы с тем, кого отбила у доверчивой Веры коварная Люська, соседка тетки Полины. А адрес тетки был записан в несолидную ученическую тетрадку в первый день моей работы участковым уполномоченным.

И на этот раз я своему непосредственному начальнику докладывать не стал: Сорокопут окончательно разуверился в моих следовательских способностях, запретил заниматься чем-либо, кроме матрасов, которые больше никто не вспарывал, и я вместо объяснений подал ему рапорт с просьбой отпустить в Москву на консультацию с врачами («...страдаю хрипами»). Старший лейтенант Сорокопут прекрасно понял, чем страдает его подчиненный, но сделал вид, что во все поверил, и отпуск мне разрешил.

Еще в холодной полупустой электричке я с удивлением обнаружил, что с момента первого обнаружения бессмысленно расчлененного матраца непрерывно, днем и ночью думаю только о преступлении. Выстраиваю версии, пытаюсь исследовать их, выявить причины и следствия — оказалось, что все это постоянно жило во мне, не отпускало ни на минуту, но только на пути в Москву я ощутил цепь этих размышлений как самую главную из всех видов работ по розыску преступника. Во всяком случае, для себя я вдруг открыл, что анализ преступления, поиск, кому оно выгодно, почему и кем совершено, и есть творчество следователя, все остальное — служба. Отрезать пути отхода, окружить, обезоружить, взять — задача вторичная, плоды бессонных ночей следователя — результат, а не процесс.

Если бы в холодном вагоне в мою голову пришли бы только эти горделивые соображения, о них не стоило бы и вспоминать. Они не пришли — они промелькнули, наполнив новым приливом сил и верой в себя, а пришло другое, совсем другое: выстрел в предрастветной мгле с расстояния свыше полусотни метров точнехонько в затылок. А на затылке была растрепанная зимняя шапка — Володя Пухов всегда носил ее чуть сбитой назад. И сзади эта шапка имела снежно-белую заплатку из пушистой кроличьей шкурки: я сразу вспомнил, как высматривал эту белую заплатку в таком же точно, только переполненном вагоне. Кто и когда пришел дурачку эту меточку, расположив ее точно на затылке? И зачем, с какой целью? Теперь я отчетливо видел это снежное пятнышко и отчетливо понимал, что именно оно и погубило Вовочку, потому что убийца тоже видел белый лоскутик и целился в него с насыпи. С расстояния, превышающего полсотни метров. А чтобы так точно попадать, мало быть отличным стрелком и даже мастером спорта, необходимо ежедневно тренироваться. Ежедневно. У посетившего генеральскую чету Симанчуков предупредительного молодого человека в куртке-канадке имелся, правда, значок мастера спорта. Значит, надо просматривать в спортбюксах списки мастеров по всем видам стрельбы, пятиборью и биатлону. Вряд ли это, конечно, что-либо

даст — преступники редко приобретают столь заметные биографии, — но проверить придется. Проверять следует все следы, в той или иной степени, нарочно или случайно оставленные преступником.

Можно допустить один шанс против ста, что гость генерала Симанчука, а тем паче убийца, не значится в списках призовых стрелков, но стреляет превосходно. Где тогда он будет тренироваться? В подмосковных лесах? Вряд ли, там слишкомлюдно, а стрельба всегда привлекает внимание. В тирах, к примеру...

Стоп, стоп, тир. После войны в московских парках произошел форменный бум этих самых тиров: всем хотелось либо хвастаться своей стрельбой, либо научиться хорошо стрелять. Мода войны, ее странные речидивы, оставшиеся в народных развлечениях. А во всех тирах за точные попадания выдают премии. А Юрий, к примеру, — никто пока не связывает его с убийством, но проверить надо все, без всяких исключений — так этот Юрий неравнодушен к хорошему девушкам (правда, судить приходится пока только по Вере Звонаревой), и парни нынче в цене, как сказала ее мать. А какой парень не хочет удивить девушку? Значит, тот, некто, который обязан тренироваться, чтобы поддерживать себя в форме, наверняка выигрывал призы, если приходил с девушкой в тир. Ну, а если не приходил? Убийца предельно осторожен, если убивает дурачка только потому, что несчастный этот дурачок оказался в поле зрения милиции. Отличная стрельба всегда может стать уликой, и умный преступник не станет демонстрировать ее даже из мужского тщеславия. Такой тренировкой занимаются без свидетелей, на глазах у равнодушных заведующих этими стрелковыми точками и... мальчишек. Их всегда полно в тирах — и из бескорыстной любви к стрельбе, и из никогда не покидающей их надежды заработать или выпросить двугривенный на собственный заветный выстрел. Я и сам совсем еще недавно был мальчишкой, чтобы забыть тот совершенно особый азарт, который охватывает тебя, когда ты ловишь на мушку желтый кружок какого-нибудь ушастого фанерного зайца. И уж если кто попадает в подобную цель без промаха, тот надолго остается в потрясенной мальчишеской душе: в этом смысле мальчишки куда более надежные свидетели, чем даже глазастые и очень наблюдательные девички.

Мастер спорта — Милор — Юрий: один человек, два человека или три? Милор — для убитого, Юрий — для Веры, мастер спорта — для владельцев спортовых матрасов: где связь? Допустим, Вера и Вовочка связывают Милора с Юрием, допустим. Допустим также, что спортивный матрац в определенной степени объединяет мастера спорта с Пуховым и его Милором. Опять допустим, но не более того. Это пока допущение, а не факты. А факты... Тут я достал сложенную пополам ученическую тетрадку и записал, хотя в электричке трясло немилосердно:

«ЮРИЙ» — знает Пухова и Веру. Променял Веру на Люсю. Почему?

«МИЛОР» — знает Пухова, подарил ему губную гармошку и, вероятно, обучил романсу. Заодно дал нож, заступал и велел зачем-то вскрывать матрацы.

«МАСТЕР СПОРТА» — ходил по дачам, пугал владельцев уголовниками, рекомендовал подготовить оружие. Зачем? Чтобы по реакции определить, есть ли такое на даче.

«ИКС» — отлично стреляет. С расстояния почти шестидесяти метров попал в заплатку на шапке Пухова. (Кстати, кто и по чьей просьбе пришел эту заплатку?) Ловок, силен, хладнокровен: после убийства вскочил на ходу в проходящий состав, что совсем не так просто.

«СКОЛЬКО ЗДЕСЬ РЕАЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ?»

Именно последний вопрос представлялся мне решающим, потому я его и подчеркнул. Ответив на него, я ловил убийцу. И все же вначале надо было отыскать Веру. Она оставалась последним, известным мне звеном между Юрием — Пуховым — Милором и, что важнее, последним возможным свидетелем.

Уже приехав в Москву, уже в метро мне пришлось вдруг в голову, что как раз потому, что Вера Звонарева осталась последним свидетелем, мне и не следует открыто разыскивать ее. После убийства Володи Пухова уже нельзя было исключать, что преступник знает младшего лейтенанта Валерия Минина, и тогда мой повышенный интерес к Вере мог стать роковым. Точнее, еще раз стать роковым, и поэтому я, выйдя в Сокольниках из метро, пошел не по адресу тетки Полины, а прямоком в отделение милиции. Участковый — молодой уже лейтенант — оказался человеком толковым, знающим и нелюбопытным.

— Полина Григорьевна Чупренко, которой ты интересуешься, есть солдатская вдова, женщина бездетная, но спокойная. Работает в трамвайном парке, характеристики положительные.

— А что за соседка?

— Трое у нее соседей: семейная пара, старуха с внуком и одинокая.

— Одинокую Люсей зовут?

— Людмилкой, — поправил любивший официальную точность лейтенант. — Мызина Людмила Ивановна, тоже, между прочим, ни в чем не замечена.

— Красивая?

Я вспомнил краснощекую Веру, которая мне тогда очень даже понравилась, в чем, правда, я не разрешал себе признаваться. А спросил потому, что оставить Веру (по приведенным выше соображениям) можно было только из-за какой-нибудь совершенно выдающейся красотки.

— Это кому как, — улыбнулся участковый. — Хочешь сам поглядеть? У них аккурат через полчаса перерыв: успеем.

Я не спросил, куда меня ведут. Торопясь использовать богатые знания участкового, я всю дорогу расспрашивал его о Вере, Юре, Милоре, мастерах спорта по стрельбе — даже о завсегдашних тиров Сокольнического парка, — но лейтенант на эти вопросы никаких ответов дать не мог. Гадать он не любил, приблизительность считал недопустимой, а никакими данными не располагал.

— Пришли, — сказал он. — Вот это факт, а не реклама. Специально знакомить не буду, ты и так ее вычислишь.

Он вошел в сберегательную кассу, где не было ни одного посетителя, а за барьером изнывали четверо сотрудниц. Они весело обрадовались участковому, называли его по имени и отчеству, шутили и смеялись, но я не вслушивался. Я всматривался в аккуратно подкрашенную молодую женщину, сидевшую в отдельном застекленном отсеке с надписью «КАССА». Была она недурна, следила за собой, стремилась нравиться, но я никак не мог понять, почему же все-таки тот Юрий променял Веру на нее. Здесь что-то для меня не сходилось, не укладывалось в логику, и я честно сказал о своих сомнениях участковому, когда возвращались.

— Чудак человек, так Людмила Ивановна — женщина натуральная, — покровительственно улыбнулся лейтенант. — А твоя... Вера, говоришь? Так ей же восемнадцать, так? Пигалица, считай. Да еще учи: дома у пигалицы — мама, здесь — тетка, а у Людмилы — отдельная комната, хоть и в коммуналке. А насчет того, кто ее посещает и нет ли среди них какого Юрия, я проверю. И насчет Веры тоже можешь не сомневаться.

Московская поездка практически ничего не дала, но я доволен был уже тем, что втянул в свое собственное расследование солидного и знающего человека. Теперь за Сокольники, тетку Полину, Веру и натуральную женщину Людмилу Ивановну можно было не беспокоиться. Можно было подумать об иных вариантах, проверить другие направления, и на обратном пути я прикидывал, как поступать далее. В Москве я захлопотался, не перекурил, а в электричке промерз и, сойдя на своей платформе, вдруг озорно решил, что пойду прямоком к Звонаревым и попрошу тарелку щей. Не столовых, которые я хлебал все эти годы, а тех, детских, домашних, почти уж и позабытых. И подивившись собственной наглости, пошел-таки в дом на Жданова, три. Не только за тарелкой щей — щами я сам от себя прикрывался, — очень уж я хотел понять, как можно променять краснощекую Верочку на смазливую, крашеную и такую немолодую блондинку.

Дверь открыла Вера. Я настолько не ожидал этого, что растерялся, неестественно похихотал и радостно брякнул:

— А ведь я к вам!

— Мамы дома нет, — все еще стоя на пороге, сухо пояснила Вера. — Приходите завтра.

— Ну и хорошо, что нет. Мне вы нужны.

— Зачем?

— Я лицо официальное, а вы меня на пороге держите.

Девушка неохотно посторонилась. Я прошел в маленькую прихожую, снял бушлат, вытер сапоги. Я ждал, что меня пригласят пройти, но Вера молчала, и я прошел в комнату самостоятельно. Но без разрешения все же не уселся, а топтался в ожидании и оглядывался.

Комната была небольшой, тесно заставленной старой случайной мебелью. В нее же выходило и кафельное зеркало печи, от него несло теплом, а от комнаты — уютом, и я, голодный и продрогший, настолько осовел, что в ответ на молчаливый жест Веры присаживаться спросил:

— А щец у вас не найдется?

Вера молча вышла. Я сел к столу, мысленно проклиная себя за бесцеремонность, но — если уж начистоту — проклиная весело, потому что мне было хорошо. Настолько, что я уж и не думал ни об убийстве, ни о Юрии, ни о таинственном Милоре: я просто отдыхал всем своим находившим существом.

Вера принесла миску квашеной капусты, хлеб.

Отгнула угол ковровой скатерти, под которой оказалась потертая клеенка, поставила хлеб и капусту. Потом опять исчезла и вернулась с полной тарелкой горячих — прямо из печи — щей. Я облегченно вздохнул и схватил ложку; Вера не села к столу, а отошла к дверям и прислонилась к косяку. И молча ждала, когда незванный гость съест все, что она принесла.

— Отбивных нет. Кончились. Уж извините.
— Это вы меня, — расслабленно и невразумительно сказал я. — За восемь лет первый раз домашнего поел.

— За этим и шли?
— За этим стоит. — Я улыбнулся, но она оставалась серьезной и неприветливой. — В Москве весь день проторчал.

Я замолчал, и не зря. Вера оттолкнулась от косяка, шагнула к столу и села напротив, с настороженным ожиданием (так мне показалось) глядя на меня. И несмотря на некоторую размягченность, вызванную щами, теплом и серыми глазами, я сумел собраться и продолжил как можно безразличнее:

— Гармошка их интересовала.
— Почему?

Не спросила, ни кого это «их», ни какая гармошка. Я понял, что беспокоит ее сейчас только то, чего она не знает: следовательно, о гармошке она знала все. И чья она, эта гармошка, и кто подарил...

— Так ведь немецкая гармошка-то, — специально подчеркнул я. — Немецкая губная гармошка, а таких в магазинах не продают. Разве что в комиссионных.

— Господи, да подарил ему! — неожиданно с раздражением вырвалось у Веры.

— Это Вовочке-то? Дорогой подарок. Кто же это, интересно, расщедрился?

— Кто? Милорд, вот кто, — с вызовом пояснила она.

Тут меня сразу бросило в жар: «Милорд, сказала она?...» Я ведь мог и ослышаться, а потому переспросил:

— Как вы сказали?
— Милорд, — ясно выговорила девушка. — Он требовал, чтобы Вовочка его Милордом величала.

— Да кто он-то?
— Был тут один... гастролер, — она недобро усмехнулась и встала. — Кому — колечко, кому — словечко, кому — гармошку...

Вера злилась и расстраивалась одновременно: как ни молод я тогда был, а это двойственное отношение ощутил. Догадался и о причине: девичье увлечение уже перемешалось с женской обидой, но борьба в душе Верочки еще не закончилась. Я почувствовал эту борьбу, из которой вытекал единственный вывод: Милорд и Юрий были единым существом, «гастролером», как обозначила Вера. А гастролер — это вроде как артист: приехал, дал концерт и исчез. И Вера после этого «ревя ревели», как сказала мать. Милорд, Юрий, превратившийся в косноязычных устах Вовочки в Милора...

— А вам что досталось: словечко или колечко?
— А вот это милиции не касается. Поели-попили? Ну, а мне спать пора.

Я сразу вскочил, пробормотал «спасибо» и пошел к дверям. Но остановился, потому что девушка спросила сердито:

— Чего же не интересуетесь-то?
— Чем не интересуюсь?

— Ведь не ради же вчерашних щей девушку навещали? Ну так можете не волноваться: на работу я оформилась. Завтра с утра выхожу, так что вычеркните меня из вашего списка и — приветик. И забудьте адресок, тут теперь две труженицы проживают, так-то вот.

С этими словами она подошла к большой никелированной кровати и демонстративно выгатила из-под нее коврик, подчеркивая, что вот-вот уляжется спать и что мне пора уходить. А я смотрел на коврик и не двигался с места. Не мог двинуться: коврик оказался меховым. Из старого вытертого снежно-белого кролика.

— Вы шапку Пухова видели? — тихо спросил я. — В крови кролик был. Потому что именно в него и целились.

— В него?... Она закрыла лицо руками, видно, представив себе, как выглядела эта шапка после выстрела.

— Вы пришли Володе Пухову заплатку? Когда? И кто просил пришить?

— Просил сам Вовочка, — вздохнула Вера и вытерла слезы. — Когда? Осенью еще, до морозов. Принес шапку, говорит: дует мне...

Она задыхнулась слезами, вновь закрыла лицо. Вздохнула, горько покачала головой.

— Вовочку жалко? — тихо спросил я. — Помните, он у вас «хрустик» просил. За что?

— Сказал, где Милорд меня ждать будет.

— На Центральном телеграфе в семь вечера?

— Все-то вы знаете. Даже неинтересно.

— Встретились?
— И расстались, — она невесело усмехнулась. — Он как Люську увидел, так на меня ноль внимания. Ну,

пожалуйста, ради бога! А та расфуфырилась, юбкой завертела — глядеть противно. Только зря все.

— Зря? Что зря?
— Отвалил. — Вера махнула рукой. — Две ночи рядышком погрелся — и ищи теперь! Люська мне даже телеграмму отбила: не у тебя ли он...

— Вот тогда-то вы в Москву и помчались, — догадливо сказал я. — Где искали Милорда?

— Никого я не искала, я эту дуру утешала, — вздохнула Вера. — Я же говорю: гастролер. Кому — словечко, кому — колечко. Больше нет вопросов у милиции? Тогда, как говорится, пока-пока.

Девушка помахала рукой и закрыла за мною дверь. Было это сделано в момент неподходящий: разговор складывался легко, я готовился, между прочим, узнать, что Вере известно о матрацной истории, нет ли у Юрия значка мастера спорта и канадской куртки, не хвастался ли он своей стрельбой, как он выглядит, наконец. Но дверь захлопнулась, слышно было, как рыдает за нею Вера, и тут уж стало не до вопросов. Да и время было уже поздним; я решил дожидаться следующей встречи, а пока пошел спать.

Вырабатывание характера продолжалось, и на следующий день я вновь оказался первым в родимом отделении милиции. А следом вошел Сорокопут.

— Болезнь тебе отменяю, — с торжеством объявил он. — Вчера сверху звонили: взяли они убийцу Пухова.

Глупое, понимаешь, дело: караульный с проходящего шлона бабахнул. Показалось ему, дураку, будто лезет кто-то на охраняемый им вагон, он и пальнул. И точнонько...

— А пятьдесят семь метров? — тихо перебил я. — Тело-то ведь обнаружено именно на этом расстоянии от полотна. Что же его, тело-то Пухова, выстрелом отбросило от охраняемого вагона, что ли?

— Не усложняй! — закричал начальник. — У караульного карабин со свежим нагаром, патрона в магазине недостает, свидетели имеются и добровольное признание. Какого еще рожна тебе надо, Минин? Мало тебе, да?

— Мало, — я очень, помню, разозлился тогда. — Мне пятидесяти метров не хватает больше всех добровольных признаний.

— Все! Дело закрыто, приступай к своим обязанностям, младший лейтенант. — Старший лейтенант сказал это уже, правда, без всякого торжества в голосе. — И без самостоятельности у меня, понял?

— Есть. — Я пошел к дверям, постоял, вернулся к столу и тихо сказал: — По убийце они стреляли, караульные со свидетелями, это вы понимаете? Стреляли да промазали, а он спрыгнул и ушел. И все довольны: и бдительный караульный, и свидетели, и областная милиция. «Дело об убийстве» закрыли, кто за дурачка-то заступится, когда у него никого нет, кроме больной матери-подсобницы? И вы тоже довольны: мокрое дело с отделения сняли. Но знаете, кто больше всех доволен? Тот, кто Вовку убил, Веру Звонареву обманул и у Люськи два раза ночевал, а потом в Москве растворился: ищи его теперь, когда убийцу героически сцапали с карабином в руке. Уцепили мысль?

Я громил версию, которая устраивала Сорокопута как начальника отделения и не устраивала как недавнего и весьма опытного оперативника. От такого раздвоения он помолчал, похмурился, но в конце концов сделал привычную, годами отработанную стойку на новое имя:

— Какая еще Люська?
— Людмила Ивановна Мызина, кассирша в сберкассе...

— Кассирша?..
Возникла пауза, во время которой я вдруг сел, а старший лейтенант встал. Походил по тесному, жарко натопленному кабинету с подслеповатым деревенским окошком, подумал.

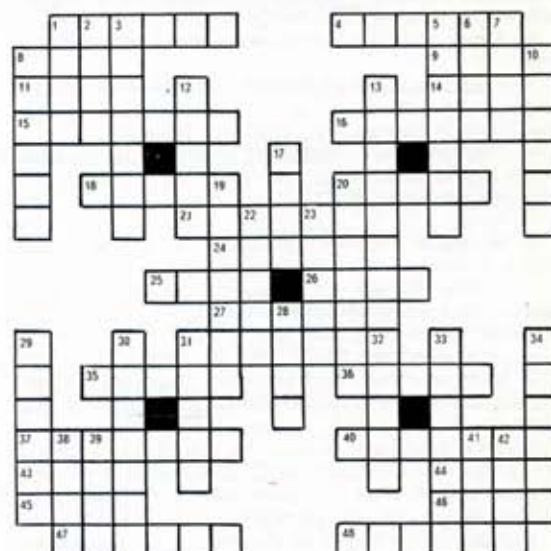
— С караульным, конечно, туфта, ты прав, Минин, но туфта удобная, и за нее зубами держаться будут. А тут, понимаешь, матрацы, кассирши, сберкассы: уцепил мысль? Ну и более еще дня три и все — вокруг кассы. Вальсом, понимаешь, вальсом! Уцепил мысль? Крой, Минин!

И опять я трясся в звонком холодном вагоне, опять и так и сяк складывал то, что удалось установить, с тем, о чем догадывался, что можно было предполагать. Вчера — от обилия свежей информации, что ли? — я как-то не придавал серьезного значения тому факту, что Людмила Ивановна Мызина, соседка Полины Григорьевны Чупренко, тетки Веры Звонаревой, работает кассиршей в сберкассе на довольно-таки пустынной улочке. А ведь именно этот факт мог оказаться тем решающим преимуществом, во имя которого меняет прехорошенькую восемнадцатилетнюю влюбленную по уши девицу на крашеную двадцатипятилетнюю женщину. Конечно, и другие могли тут присутствовать причины, но если принять именно это за исходную, то многое становилось понятным. Точнее, могло стать понятным, если бы мне удалось на место предположений и догадок вставить неопровержимые доказательства.

Окончание следует.

КРОССВОРД

Составила Т. ЖАВОРОНКОВА,
Москва

По горизонтали:

1. Животное, голову которого в древности подкладывали под угол или фундамент дома перед постройкой. 4. Шведский химик, о котором Карл Линней сказал, что другого такого «королю не получить за все время пребывания на троне». 8. Хлебу урожай, так ... холодна (русская поговорка). 9. Протока, каких много в дельте Волги. 11. Птица, символ воздуха, острого ума в медальерном искусстве. 14. Жадный, скупой человек. 15. Американское лекарственное растение с ярко-пурпурными цветами. 16. Известный советский пианист. 18. Комиссар Красной Армии, ставший известным химиком-технологом. 20. Сибирское название горы или холма с безлесной вершиной. 21. Русский писатель, первым введший в литературу тему Медного всадника. 24. Одновалентный органический радикал. 25. Предмет мебели, который мастерил Петр I и оставил на память в Карловых Варах. 26. Ростова — Наташа, Безухов — ... 27. «Скотий бог» в славянской мифологии. 31. Шутливый рассказ, распространенный в эпоху Возрождения. 35. Курорт с историческим «сочинского нарзана». 36. «На стругах заиграли ... сопели и трубы» (С. Злобин. «Стелан Разин»). 37. Основной жанр в творчестве П. Мериме. 40. Поступок, достойный общего признания. 43. Одна из птиц, встречаемых отрядом на реке Уиммера (Ж. Верн. «Дети капитана Гранта»). 44. Имя героя русских сказок. 45. Река, текущая по Москве. 46. Лев — ... природы. 47. Мемориальный комплекс в Белоруссии. 48. Ручьевая рыба, чей профиль почти в точности соответствует крылу истребителя.

По вертикали:

1. Музыкальный инструмент, атрибут Терпсихоры. 2. Большой стог соломы. 3. Лодка, название которой на Черном море «приплыло» из Франции. 5. Избалованный, чувствительный к лишениям человек. 6. Африканская обезьяна, чей хвост в десять раз короче ее самой. 7. Имя главного героя в главном романе Шарля де Костера. 8. Старинное русское название прицепа на ружье. 10. Должность на железной дороге, которую в 1880 году получил отец В.К. Арсеньева. 12. Устройство наводки в геодезических инструментах. 13. Русский скульптор, чьи произведения примыкают к искусству передвижников. 17. Минерал, похожий на малахит. 19. Круглый, шумный, в середине огонь, а кругом вода (загадка). 20. Электромашина для передачи на расстояние информации о работе другой машины. 22. Человек, стремящийся приобрести, не стесняясь в средствах. 23. Остроугольная часть торцевой стены без карниза. 28. Русский физик, совершивший кругосветное плавание вместе с О. Коцебу. 29. Стрела Перуна в славянской мифологии. 30. Человек, которому послано письмо. 31. Член английского научного общества. 32. Город на севере Иордании. 33. Река, на которой стоит Кутна Гора, город, известный первой в Европе забастовкой рабочих. 34. Домашний цветок, упомянутый в «Двух помещиках» И.С. Тургенева. 38. Часть топора. 39. Надпись начальника на документе. 41. Крутой склон, косягор. 42. Выжженный участок леса.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 17

По горизонтали:

1. ...форма. 4. ...Жандр. 11. Балерина. 12. Оратория. 15. ...арап. 16. Щербатова. 17. Стул. 20. Яворов. 21. Эйгес. 22. ...пролив... 25. ...дарование... 26. Шахматы. 28. Галерея. 30. ...баронесса. 35. Листок. 36. Данте. 37. ...ундина. 40. Няня. 41. ...коростель... 42. Цикл. 45. «Индианка». 46. Васнецов. 47. Юрьев. 48. Льдов.

По вертикали:

2. Обер. 3. Моисей. 5. Арагава. 6. Двор. 7. Гаганова. 8. Разбойник. 9. Портрет. 10. ...пистолет. 13. ...заряд... 14. Глава. 18. Мороженое. 19. Еремеевна. 23. Пален. 24. Майор. 27. Хастатова. 29. Ассонанс. 31. Свиридов. 32. Елена... 33. Самовар. 34. ...масло. 38. «Солнце». 39. ...власть... 43. Тигр. 44. ...чело...

4-я ШАШЕЧНАЯ ОЛИМПИАДА

Под редакцией
заслуженного
тренера БССР
Виктора КРАМАРЕНКО

«ШАШЕЧНЫЕ ПАРАДОКСЫ»

Если рассматривать позицию на диаграмме статически, то можно сделать следующее заключение: на доске материальное равенство — пять шашек против пяти, но черные прорвались на поле f2, и для победы им один шаг — в дамки на g1 или e1.

Однако ход белых и комбинационные мотивы позиции придают ей динамизм: 1. fe3!, заставляя черных следовать в дамки. Но на какое поле ставить дамку? Получается как в сказке: направо пойдешь — 1... fe1 — проигрешь найдешь — 2. ef4! e:a5 3. bc3 a:g5 4. h:d8x; налево пойдешь — снова проигрешь — 1... fg1 2. ef4! g:g5 3. h:d8, и дамка белых лишила подвижности простые черных.

Не парадоксально ли?

Тринадцатый тур

1. Ю. Шмидт, Харьков.

В. Бойко, Харьков.

В предлагаемых композициях харьковских мастеров читатели должны самостоятельно разобраться в шашечных парадоксах. За каждое задание — по 4 балла. В обеих позициях белые начинают и выигрывают.

Ответы на задания тринадцатого тура присылайте с пометкой: «4-я шашечная олимпиада. 13-й тур. «64». Каждое задание на отдельной открытке.

Рассматриваться будут ответы, отправленные до 15 ноября (по почтовому штемпелю).

Конкурс юмористических рисунков

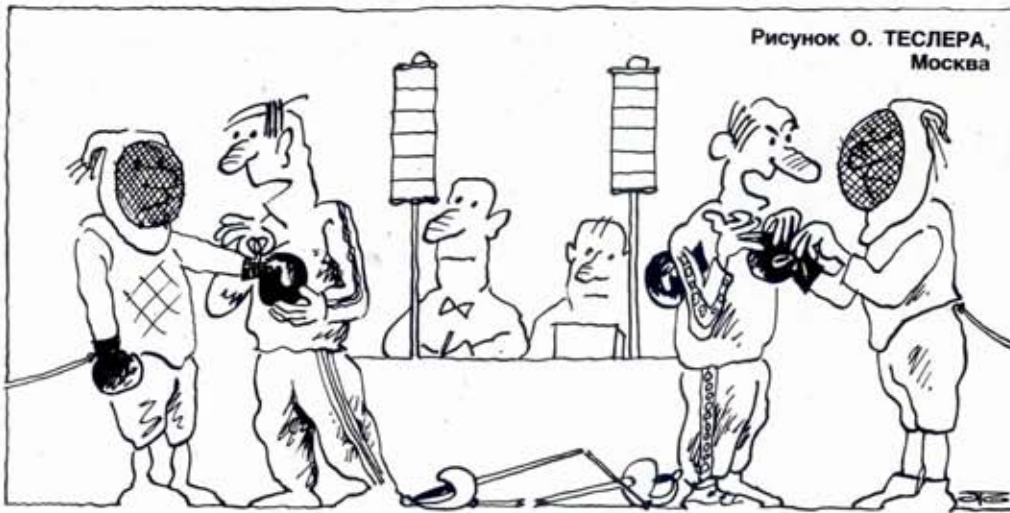

Рисунок О. ТЕСЛЕРА,
Москва

Рисунок
В. СТОЯНОВА,
Одесса

Рисунок
С. КОНЯХИНА,
Апатиты

Рисунок В. ГОРЮНОВА, Рязань

Рисунок А. МЕРИНОВА, Москва

Рисунки Ю. БАЗЮКА, Иркутск

28-я ШАХМАТНАЯ ОЛИМПИАДА

Под редакцией
гроссмейстера
Виктора ЧЕПИЖНОГО

ТРИ ЭТЮДА

На финише нашего заочного соревнования участникам предлагается решить три шахматных этюда с различным сочетанием белых фигур (уже встречавшимся в предыдущих турах). Учитывая пожелания читателей, мы и в заключительных турах даем задания средней трудности, чтобы как можно большее число решателей сохранило интерес к борьбе за победу в соревновании.

Тринадцатый тур

Белые: Kpg1, Ca5, Kg4 (3)
Черные: Kph7, Ka8, n. e6 (3)
Выигрыш (2 балла)

Белые: Kpg8, Cg1, Cg4 (3)
Черные: Kpb1, Lb2, Ce4 (3)
Ничья (3 балла)

Белые: Kph3, Lh1, Kd7 (3)
Черные: Kph8, Ce2, Ce3 (3)
Выигрыш (3 балла)

Ответы на задания присылайте только на открытках (без конвертов!) с пометкой «28-я шахматная олимпиада. 13-й тур». Решения каждого задания просим привести полностью на отдельной открытке. На всех открытках, кроме решения, участникам необходимо указать фамилию, имя, отчество, профессию, спортивный разряд и адрес.

Последний срок отправления писем (по почтовому штемпелю) — 15 ноября.

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 212-15-07. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются. Рукописи объемом более одного авторского листа (24 машинописных страницы) редакцией не рассматриваются.

Сдано в набор 04.08.86. Подписано к печати 15.08.86. А 04295. Формат 70 × 108¹/₂. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 17,50. Тираж 1 200 000 экз. Изд. № 2182. Заказ № 3451. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда», 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

ОДНОЙ УЛЫБКИ РАДИ

Все это — по старым фотографиям и чертежам, со всеми особенностями и отделкой.

Но Иван Григорьевич — крестьянский сын, а значит, человек, ценящий пользу во всяком деле. И все домики — улы!

Весело хозяину, весело, наверное, и пчелам жить в таких необыкновенных ульях.

Еще с одним кудесником, Николаем Николаевичем Кочиным, повстречались мы в Вологде. Большая часть его жизни прошла в лесу,

и природу он знает до тонкостей. Даже ботанические названия всякой травки и всякого цветочка. Делал он когда-то чучела, но показалось ему, что чучелам скучно за стеклами витрин в музеях сидеть. В природе так не бывает.

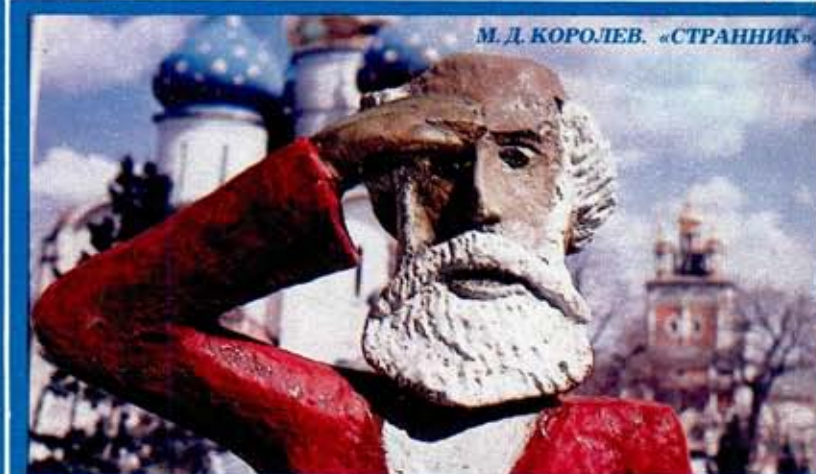
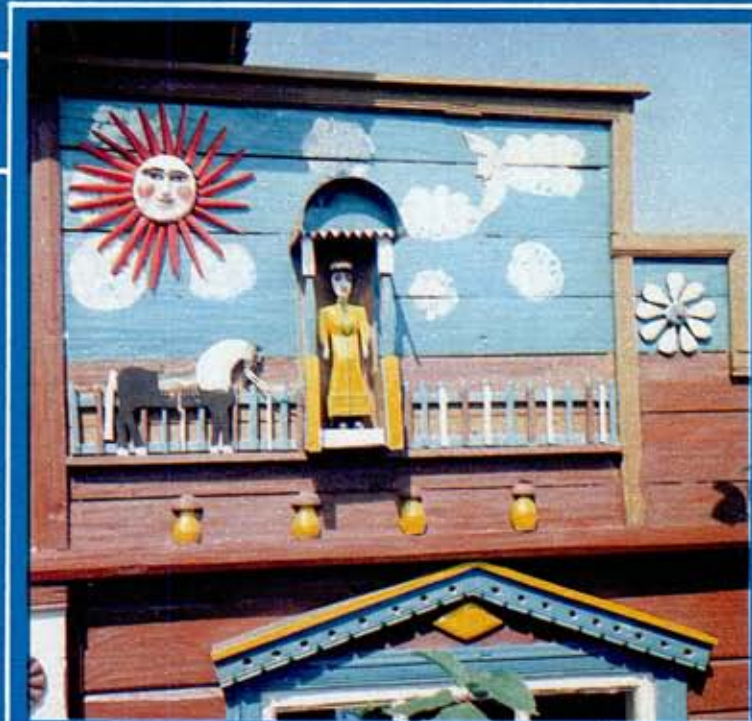
И начал тогда лепить, вырезать из разного подручного материала цветы, кусты, травку. Да так вошел во вкус, что три его персональные выставки, прошедшие в Москве, имели ошеломляющий успех и похвальную прессу.

Побывала выставка и в Ленинграде. Цветы и травы, кустарники и деревья, созданные руками Николая Николаевича, невозможно отличить от живых, руки тянутся сорвать, пощупать, понюхать.

Конечно, умельцы, о которых мы рассказываем, люди разные. Но все объединяет страстное желание: высказаться, поделиться восторгом души, удивить и обрадовать. И потребность эта столь неудержима, что терпит человек неудобства, обиды, идет на расходы, вполне готовый вынести все тяготы ради всеохватной страсти — обнять весь мир и всех обрадовать.

Вот как надо любить людей, чтобы трудиться просто так, ради нашей с вами улыбки!

Цена номера 35 коп.
Индекс 70820

ВОРОТА, РАСПИСАННЫЕ МАСТЕРОМ П. П. ТОБИЕНОМ.

ВО ДВОРЕ ДОМА МАСТЕРА Н. Н. БОРОДУЛИНА.

В. П. ЗАЗНОБИИ. ФРОНТОН ТЕРРАСЫ.